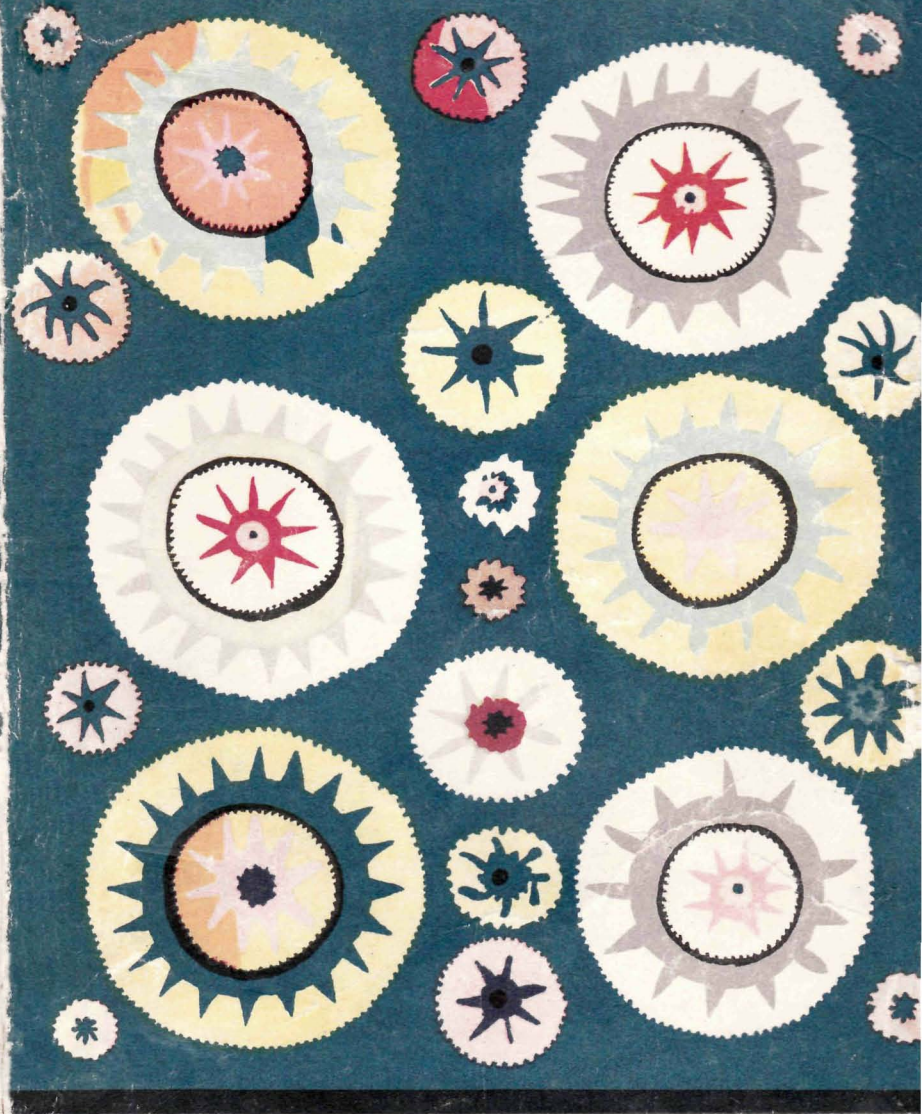

сказки и легенды СИСТАНА

сказки и легенды
СИСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

сказки и легенды СИСТАНА

И (Перс.)

С42

Редакционная коллегия серии

«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,

С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ,

С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление и комментарии

А. Л. ГРЮНБЕРГА и И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО

Ответственный редактор и автор предисловия

А. Н. БОЛДЫРЕВ

С $\frac{70700-079}{013(02)-81}$ —203-81. 4703000000

И (Перс.)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гильменд — самая большая река в Афганистане и самая большая на Среднем Востоке между Тигром и Индом. Стремительно стекает Гильменд по юго-западным склонам Гиндукуша. Рядом с ним, в параллельных долинах, струятся три меньших реки — Хашруд, Фарахруд и Харутруд. Там, где сошлись границы трех государств — Афганистана, Ирана и Пакистана, все четыре реки, сливаясь, образуют озера, болота, протоки в необозримых зарослях тростника. Паводки и засухи то повышают, то сокращают уровень вод, озера то наполняются, то высыхают, рукава и протоки с годами меняют русла, уходя от поселений. Наносные земли, удобренные плодороднейшим илом, то выступают наружу, радуя земледельца прекрасными урожаями, то вновь уходят под воду или заносятся песками. Несметные стаи рыб, тучи птиц — уток, гусей, лебедей, турачей, орлов, пеликанов населяют стоячие воды озер и протоков, в прибрежных зарослях бродят кабаны и олени, а лет полтора тому назад водились и тигры. Неведик этот удивительный край — всего километров 200 по меридиану и менее 100 км по обе стороны ирано-афганской границы. Это как бы остров, с трех сторон окруженный страшной безжизненной пустыней, а с юга отрезанный от моря бесплодными горами Белуджистана. Этот остров — «Полуденное царство» (Молке Нимруз), иначе Систан, — название, сохранившееся по сей день как название одной из административных областей современного Ирана.

Жестокие ветры систанских пустынь гонят пески на поля и селенья. Издревле боролись крестьяне с их наступлением, как и с буйством паводков. «Процветание Систана, — писал в XI в. анонимный систанский историограф, — зависит от наличия трех заграждений: речной плотины, щитов против песка, стен против врагов. Если все заграждения на месте, во всем мире нет области, равной Систану по благам и приятности».

Сейчас Систан — бедный, заброшенный край. В нем мало дорог, нет больших городов, редкое население не в силах бороться с натиском песков, засухами и наводнениями. О былом величии Систана говорят лишь руины покинутых городов, святилищ и крепостей. Сердце иран-

ской части Систапа — область Забул; столицей ее был когда-то Зарандж (Заранг). Именно там лежат грандиозные развалины группы городов со множеством каналов у берегов Гильменда, которые видел в 1900 г. и описал русский натуралист Н. Зарудный, а также другие, преимущественно английские, путешественники.

В названии Зарандж сохранилось название раннеземледельческого племени древнейшего местного населения *зранка*. Геродоту и античным авторам Забул был известен как Дрангена (Дрангиана).

Богатый край привлекал жадные взоры завоевателей. Велико было и политическое значение систанских земель. В конце VII — начале VI в. до н. э. на Дрангиану стремился распространить свое влияние мидийский царь Киаксар. За ним последовал Куруш (Кир) — основатель могущественной ахеменидской династии царей Ирана, захвативший Зарандж с окрестными землями и нашедший смерть в 529 г. до н. э. в битве с воинственными кочевниками — среднеазиатскими саками. Через 200 лет Зарандж был завоеван Александром Македонским. Здесь казнил он около 330 г. до н. э. своего ближайшего друга и помощника Филота за мнимое участие в заговоре и выстроил крепость Александрию, получившую прозвание Профтасия, что значит по-гречески «Предупреждение».

Во II в. до н. э. на территорию Систана и сопредельных областей в долинах Амударьи, Герируда, Гильменда и Северной Индии началось наступление новых завоевателей. Это саки, они же скифы и массагеты, кочевники из группы племен «восточные арья», предки современных афганцев, издревле населявшие предгорья и степные просторы нынешних Туркмении и Казахстана.

Саки прочно осели в Дрангиане, дав краю свое племенное название — Сакастан, т. е. «Страна саков», из которого родилось через промежуточные формы Сигистан (Сиджистан), Сеистан — современное Систан. Жителей Систана и сейчас называют «сигзи». Но не только в этих названиях сохранилась сакская древность. Саки внесли в иранский мир свое сокровище — цикл древних сказаний о подвигах забульского богатыря Рустама. Рустам стал героем славного иранского эпоса «Шахнаме» («Книга царей» или «Царь-книга»).

Собирание и объединение древних преданий, легенд и сказаний велось в Иране в эпоху Сасанидов (III—VI вв. н. э.) как в Парсе, на западе страны, так и в Хорасане, Средней Азии и Систане. Сводная иранская редакция «Книги царей» была переведена на арабский язык около 750 г. В этой редакции объединение западного и восточного вариантов уже, вероятно, осуществилось. Потом последовали многие другие редакции, одни на арабском (VIII—IX вв.), другие на персидском языке. Хотя они до нас не дошли, но по некоторым косвенным сведениям мы можем определить, что авторы их использовали как письменные (летописные, хроникальные) версии, так и народные, устные. Этот

огромный материал лег в основу грандиозного стихотворного персоязычного свода «Шах-наме», выполненного Абу-ль-Касимом Фирдоуси в Тусе на востоке Ирана (первая редакция была окончена в 994 г.) в результате упорного двадцатилетнего труда. Между 1000 и 1050 гг. на западе Ирана, в городах Хамадане, Исфахане, Гургане, были сделаны три большие прозаические обработки на новоперсидском языке западных версий, среди них несколько самостоятельных, не вошедших в «Шах-наме» Фирдоуси. Самостоятельной была и одна из пехлевийских (среднеперсидских) версий, дошедшая до нас в согдийском переводе, героем которой выступает Рустам. Разумеется, версии, не вошедшие в «Шах-наме» Фирдоуси, то ли оставшиеся ему неизвестными, то ли отвергнутые им по каким-либо причинам, представляют для нас особый интерес. Среди них привлекают внимание вошедшие в данный сборник сисанские народные версии, записанные у замечательного сисанского сказителя Исмаила Ярмamedова (см. ниже, с. 10).

В Сисане память о Рустама, имя Рустама живут, широко бытуют в устах народных сказителей по сегодняшний день в сказаниях и легендах, часто привязанных к древним развалинам. Вот «Банди Рустам» — остатки величественной плотины на Гильменде, построенной якобы в свое время самим Рустамом; вот импозантная башня — остатки «Конюшни Рустама», стояло его сказочного коня Рахша; а эти руины на берегу Гильменда в Калаи-Фатх («Крепость победы») — столица Кеннидов, легендарных царей, которым служил Рустам. Все родословные Рустама, вплоть до родоначальника Гершаспа, подробно изложены в «Истории Сисана», упомянутом выше замечательном сочинении анонимного автора XI в. В «Истории Сисана» все дышит любовью к родному краю, гордостью за подвиги легендарных и исторических сисанцев. Это единственный источник, в котором Якуб Медник (правил с 860 по 890 г. н. э.), положивший начало могуществу сисанской династии, представлен не как разбойник с большой дороги и узурпатор, а соответственно исторической правде — как смелый и одаренный выходец из ремесленных низов, «сисанский Пугачев», поднявший народ на борьбу с иноземными и местными поработителями, замечательный полководец, создавший вместе со своим братом Амром империю, простиравшуюся от Северной Индии до Ирака.

В правление Якуба и по его личному указанию, как утверждает «История Сисана», окружавшие его придворные поэты-персы впервые стали писать стихи на общепонятном персидском языке, отбросив арабский, который в течение 200 лет до того безраздельно царил в письменности всех народов, принявших ислам в результате арабского завоевания.

Начиная с XI в. история Сисана — это история его медленного упадка. Господство чужеземных династий, страшное разорение во время монгольского владычества привели к изменению торговых путей,

ги бели оросительных систем, бегству населения, наступлению песков. Основное земледельческое население Систана издавна составляли таджики или парсиваны; все путешественники описывали их как исключительно мирный и трудолюбивый народ.

В XIX в. Систан — заброшенная крайняя восточная провинция шахского Ирана — оказался в районе южных границ царской России. Там, в Закаспийской области, на северных склонах Копетдага (ныне территория Туркменской ССР) отходников ждали приличные сезонные заработки в условиях относительного спокойствия и законности. Оживали старые тропы местной караванной торговли между Хивой на севере и Систаном на юге, ирано-афганский рабочий люд тянулся в пределы российского Туркестана. Здесь и застала многих из них Великая Октябрьская социалистическая революция. Одни вернулись в родные края, другие остались и обрели здесь новую родину. Их потомки живут здесь и поныне, расселившись по разным районам советской Туркмении, живут этнически родственными, но обособленными группами соответственно с делением по племенам: белуджи, джемшиды, берберы, таймури. Среди них и выходцы из Систана — систуни, которые осели в райцентре Серахс Ашхабадской области, сохраняя свою самобытность и язык в окружении местного туркменского населения. В этом месте сходятся границы трех государств — СССР, Ирана и Афганистана. Границы пересекает извилистый, мутный Теджен, его берега — в зарослях ивы и тамариска. Кругом пустыня, саксаул и пески. Небольшой поселок Серахс стоит на Теджене у самой иранской границы.

У Серахса богатое прошлое. В двух километрах от нынешнего поселка высится огромное городище с остатками могучих крепостных стен, почва усыпана черепками древней посуды. Это старый Серахс, когда-то большой богатый город на скрещении главных торговых путей, соединявших Месопотамию, Малую Азию и Западный Иран с Индией, Афганистаном и с цветущими городами и оазисами Средней Азии и Туркестана. Город Серахс упоминается в одном из сирийских сочинений, описывающих распространение христианства в I—III вв. н. э. У стен городища Серахс по сей день стоит построенный в первой половине XI в. мавзолей — мусульманское святилище на могиле суфийского старца-подвижника — «Серахс-Баба» («Серахсский дед»). Звали его Абу-ль-Фазль, и был он наставником другого знаменитейшего святого этих мест — Абу Саида (умер в 1048 г.), игравшего выдающуюся роль в бурных политических событиях своего времени.

С городища открывается вид на бескрайнюю пустыню и затянутые дымкой далекие хребты Копетдага. А в ночной темноте на другом берегу Теджена сияет огнями совсем близкий городок. Это тоже Серахс, но иранский, за нашей границей.

Советский Серахс — центр богатого хлопководческого района. Население советского Серахса довольно разнообразно — прежде всего это

туркмены и другие среднеазиатские турки, персы, афганцы, а также немцы — потомки колонистов, поселившихся здесь в начале XX в.

В 1958 г. советскому языковеду-иранисту А. Л. Грюнбергу стало известно о том, что в Серахсе живут выходцы из Систана, носители своеобразного диалекта персидского языка. Персидские диалекты вообще изучены очень слабо, а о систанском диалекте в науке не было почти никаких данных. В последующие годы А. Л. Грюнберг осуществил записи говора систанцев, а затем опубликовал результаты своих исследований в работе «Систанский диалект в Серахсе» («Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 67. М., 1963, с. 76—86). В семье, в быту, при общении друг с другом систанцы, живущие в Серахсе, пользуются особым диалектом, который они называют «систуни». Однако со своими соседями — представителями других иранских этнических групп — систанцы общаются при помощи иной формы речи, которая значительно ближе к персидскому литературному языку. Возможно, что эта форма представляет собой койне, своеобразный межплеменной язык, подобный, например, тому виду таджикского языка, который служит для общения разноязычных народов Бадахшана (Западный Памир).

Но еще ближе к персидскому литературному языку та форма речи, которой систанцы пользуются для исполнения своего необычайно богатого и разнообразного фольклора — сказок, преданий, расцвеченных многочисленными стихотворными вставками и пассажами рифмованной прозы.

Первое ознакомление с образцами систанского фольклора убедило в необходимости осуществить исчерпывающую запись его на основе современной научной методики с применением магнитофонной техники. В феврале 1975 г. ленинградские иранисты А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский провели такую запись во время пребывания в Серахсе.

Среди записанных текстов; переводы которых публикуются в настоящем сборнике, выделяется цикл сказаний о Рустаме и его потомках Барзу, Азербарзу, Фарамарде и Теймуре. Этот цикл, сложенный местами ритмизованной прозой со стихотворными вставками, находит лишь частичные параллели в «Шах-наме» Фирдоуси. Стиль этого цикла (многочисленные устойчивые формулы, повторяющиеся сюжетные ходы, несколько архаичная лексика) предполагает существование длительной устной эпической традиции, возможно, не восходящей к каноническому тексту «Шах-наме» Фирдоуси. Некоторые расхождения с «Шах-наме» могут, вероятно, объясняться позднейшими мусульманскими влияниями на систанские эпические предания, проникновением в систанский фольклор мотивов и сюжетов других эпических циклов, получивших письменную-литературную обработку («Барзу-наме», «Азербарзин-наме» и др.). Однако часть сюжетных расхождений с «Шах-наме», а также прозаико-поэтическая форма систанских преданий и особенности в передаче некоторых топонимов и имен персонажей указывают на устой-

чивость устной героико-эпической традиции в Систане, прежде всего циклов, связанных с Рустамом, главным героем систанского эпоса. Сохранение иранской эпической традиции в форме сказаний о систанском герое Рустаме именно в Систане может свидетельствовать о непрерывности этой традиции и о том, что она восходит к исконно систанским (сакским) преданиям о Рустаме, послужившим одним из фольклорных источников всех вариантов иранского национального эпоса.

Настоящая публикация переводов этих сказаний является пока что предварительной, отношение систанских сказаний о Рустаме и его потомках к другим изводам иранского эпоса еще предстоит исследовать.

Помимо цикла сказаний о Рустаме, было записано также большое количество фольклорных материалов других жанров. В это издание включены переводы 14 сказок и 9 легенд, наиболее значительных по объему, оригинальных по композиции и занимательных по сюжету. Можно полагать, что эти тексты достаточно полно отражают традиционный фольклорный репертуар систанцев.

Публикуемые сказки, в целом, традиционны по своим сюжетам, однако отличаются яркостью и мастерством изложения. Основная заслуга в этом отношении принадлежит, разумеется, основному информатору А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского, наследственному сказителю Исмаилу Ярмamedову, человеку глубокой внутренней культуры, прекрасному знатоку фольклорной традиции своего народа. Высокое мастерство и артистизм исполнения Исмаил Ярмamedов унаследовал от своего отца, полупрофессионального сказителя, от которого он в детстве и слышал все записанные сказки и легенды. Исмаил Ярмamedов родился в 1915 г. уже в Серахсе, куда его отец переселился из Систана. Неграмотный так же, как и его отец, Исмаил был пастухом, в детстве батрачил на богатых людей. Будучи неграмотным, Исмаил Ярмamedов обладает блестящей памятью и помимо персидского владеет также и туркменским языком.

В рассказанных Исмаилом Ярмamedовым сказках не видно признаков их приспособления к социальной и лингвистической обстановке, в которой оказались систанцы после переселения в Юго-Восточную Туркмению: тексты сказок не содержат, как правило, тюркских имен собственных, деталей нового быта и новых реалий. Традиционность публикуемых сказок подчеркивается формульными зачинами и особенно постоянной формульной концовкой, реализуемой в нескольких стандартных вариантах.

Необычны по жанру сказки № 4 и 7. Составители справедливо отмечают (Комментарий, с. 258), что эти тексты не имеют прямых типологических параллелей в существующих справочниках сказочных мотивов и сюжетов и занимают промежуточное положение между сказками и легендами. Для № 4 в пользу такого мнения могут, как кажется, свидетельствовать не только упоминания царя Ануширвана и сасанид-

ской столицы Мадаина (с. 57), но также имя Густамавд, связанное, вероятно, с популярным в сасанидском Иране именем Густам (вариант, Вистам, в новоперсидском — Бистам).

Варианты некоторых публикуемых в настоящем сборнике легенд были известны уже в доисламской Аравии и в раннесредневековом Иране, в том числе такие популярные сюжеты, как легенды о Наджме и о Варке и Гульшо (№ 15, 16).

В заключение этого предисловия необходимо сказать несколько слов о переводах публикуемых сказок и легенд. Текст при переводе не подвергался сколько-нибудь значительной переработке. Лишь кое-где убраны повторения, а в ряд мест вставлены связочные предложения.

Язык систанского фольклора отличается как от персидского, так и от таджикского языков, и это находит свое отражение в транскрипции имен собственных. За исключением имен и терминов, которые уже можно считать прочно вошедшими в русский язык, транскрипция более или менее следует живому произношению рассказчика.

Все стихи в сказках и легендах рассказчиком поются примерно на одну и ту же мелодию. Рифмованная проза, включая и присказку, говорится скороговоркой как хорошо заученный текст. По словам рассказчика, присказка (с. 14) может применяться не ко всем сказкам, а только к тем, которые, с точки зрения рассказчика, имеют характер эпических легенд или лирических романов (дастанов).

Названия сказок и легенд даны рассказчиком Исмаилом Ярматовым.

Цикл сказаний о Рустаме (№ 18—22), легенды «Наджма» (№ 16) и «Хайдарбек» (№ 17) и сказка «Ширавия» (№ 7) были впервые записаны А. Л. Грюнбергом в 1958/59 г. В 1975 г. А. Л. Грюнбергом и И. М. Стеблин-Каменским был снова записан весь цикл сказаний о Рустаме (и дополнительно легенда «Али и Рустам», № 23) и сказка «Ширавия». Тогда же были записаны все остальные публикуемые в этом сборнике сказки и легенды. Все тексты записывались на магнитофон и расшифровывались с магнитофонных записей; более ранние записи сверялись с поздними, все неясные места и выражения были выяснены с рассказчиком Исмаилом Ярматовым.

Сказки № 1—14 переведены А. Л. Грюнбергом и И. М. Стеблин-Каменским.

Легенды «Варка и Гульшо» (№ 15), «Барзу» (№ 19) и «Теймур» (№ 20) переведены А. Л. Грюнбергом, И. М. Стеблин-Каменским и А. А. Тагирджановой.

Легенды «Наджма» (№ 16) и «Хайдарбек» (№ 17) переведены А. Л. Грюнбергом.

Легенды о Рустаме (№ 18, 21—23) переведены А. Л. Грюнбергом и И. М. Стеблин-Каменским.

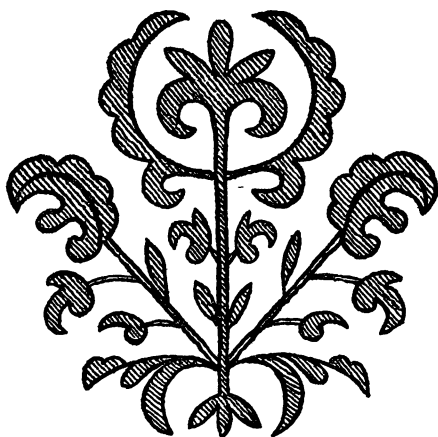
Перевод легенды, помещенной в Приложении, выполнен И. М. Стеблин-Каменским.

Все переводы стихов и рифмованной прозы сделаны А. Л. Грюнбергом.

Комментарии к сказкам составлены А. Л. Грюнбергом и И. М. Стеблин-Каменским, они сопровождаются типологическим анализом сюжетов, который сделан А. А. Тагирджановой по следующим источникам: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929 (в сокращении АА); The Types of Folktale. A classification and bibliography Anti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1961 (FFC, № 184) (в сокращении АТ). Приводятся также ссылки на сборники персидских и других восточных сказок.

Словарь имен, непереуведенных слов и терминов составлен А. Л. Грюнбергом и И. М. Стеблин-Каменским.

А. Н. Болдырев

сказки

1. Бурый кит

Голос донесся с бескрайних небес, с синего купола дальних небес: «Мудрый рассказчик, дервиш-острослов не надевает на слово оков; страстным влюбленным, тоской обуянным, мчится оно фарсанг за фарсангом, ловко, как заяц, и сладко, как мед...». Шайтан приказал нам посеять табак, куришь — погибнешь, погибнешь и так! Курит Аббас, что в Иране царем, пусть себе курит, да дело не в нем...¹ Слова — это шерсть, я же войлок валяю; слова — молоко, я же масло сбиваю. Ложь безграничная — вот мой рассказ. Верблюд на блохе едет в город Шираз. Ива и тополь, сосна и чинар сладких плодов не принесят нам в дар; гранат и айва, померанец и тут сочные щедро плоды нам дают. Хлебом пусть станет вершина Ходжа, в мясную шурпу Хильменд² превратится. Явился старик, чтоб шурпой подкрепиться. «Много не съестъ мне, — старик говорит. — Стар я, устал я, и почка болит. Съел я три сотни бараньих голов, ножек без счета — а все же не сыт!»³.

Было ли, не было ли — лучше нашего господа никого не было.

Был когда-то один царь. Позвал он однажды к себе цирюльника — мол, сбрей мне бороду. Ну, цирюльник пришел, сбрил царю бороду и удалился. Когда он ушел, царь взял свое зеркало из драгоценных камней, посмотрелся в него и видит: все сбрил цирюльник, а один волосок остался. Разгневался царь не на шутку, снова позвал к себе цирюльника, кликнул палача и говорит ему:

— Эй, палач! Отруби цирюльнику голову!

А царский везир был тут же. Цирюльник успел ему шепнуть: мол, если спасешь меня от топора, я дам тебе сто туманов.

Ну, везир и говорит:

— О царь, зачем ты хочешь убить этого несчастного цирюльника? Оставь его, а я лучше расскажу тебе, как снова стать

молодым. Живет, — говорит, — в таком-то море морское чудовище — бурый кит. Если ты отведаешь его мяса и жира — станешь снова как двадцатипятилетний юноша.

Тут царь обрадовался и на радостях сказал палачу:

— Ладно, отпусти цирюльника, пусть идет себе с богом.

А сам стал совещаться с везиром, кого бы ему послать за мясом и жиром этого морского чудовища. Думали, думали, и в конце концов везир говорит:

— Надо послать твоего сына, царевича.

Так и решили. Царь позвал к себе царевича и говорит ему: так, мол, и так, отправляйся, поймай бурого кита, его мясо и жир сделают меня снова молодым.

Созвали они мастеров со всего города и велели им изготовить цепи и крюки, чтобы поймать кита. Целый месяц трудились мастера, выковывали цепи и крюки. Царь велел пригнать стадо овец — для наживки. Дал царевичу войско. Царевич взял цепи, крюки, велел гнать за собой стадо овец, а сам во главе войска отправился в путь: спиной к городу, лицом — к пустыне. И вот шли они, шли, распевали на ходу песни и совершали ратные подвиги и наконец пришли на берег того моря, о котором говорил везир. Морю конца-краю нет, и ходят по нему огромные волны.

Царевич отдал приказ здесь, на берегу моря, разбить лагерь. Они поставили тут свои шатры, развели костры и сварили пищу — что у кого было. И устроились там на ночлег. А наутро зарезали много овец, насадили их на крюки, забросили крюки далеко в море и стали ждать. Ждали день, ждали другой — ничего нет; на третий день на море поднялись огромные волны. Стали они тянуть за цепи, тянули, тянули и видят: попался на крюк черный кит. Вытащили они его тушу на берег, разделили, каждому из воинов досталось по ману, по полмана мяса.

На следующее утро опять убили много овец, нацепили их на крюки и забросили в море. Опять ждут день, ждут другой — ничего нет, а на третий день разбушевалось море. Стали они тянуть за цепь и видят: на этот раз на крюк попался белый кит. Белого кита они тоже разрубили на части, каждому досталось по большому куску.

Ну, и на следующее утро опять они убили много баранов, нацепили их на крюки и забросили в море. День прошел, другой прошел, на третий день на море заходили огромные волны. Стали они вытягивать цепи из моря — никак не вытянут. Запрягли мулов, чтобы они тянули цепи, — мулы и с места не сдвинулись. Тогда распрягли мулов и впрягли вместо них верблюдов. Но и те не могли вытянуть добычу. Ну, тогда уж привя-

зали к цепям слонов, те потянули, вытащили, и все увидели: это и есть тот самый бурый кит. Лежит этот кит на берегу, а из глаз у него катятся слезы. Позвали царевича: иди, мол, скорей, кит плачет.

Когда царевич подошел ближе и кит его увидел, он еще сильнее заплакал.

Царевичу стало его жалко, он приказал вынуть изо рта у чудовища крюк и освободить его. Вынули у кита изо рта крюк, и отпустил его царевич обратно в море. Отпустил в море и сказал своей свите:

— Горе тому, кто скажет царю, дескать, мы поймали бурого кита, а царевич выпустил его обратно в море. Если я узнаю, что кто-нибудь царю так сказал,— сдеру с того человека кожу живьем.

И они отправились обратно. Вернулись в город, царевич пришел к отцу и говорит:

— Отец, того кита, о котором ты говорил, в море не было. Белый кит был, черный кит был, а бурого не было.

— Ну что ж поделаешь,— сказал царь и на этом успокоился.

Прошло некоторое время. И вот один из тех людей, что ходил с царевичем ловить бурого кита, старик, у которого было два сына, поссорился с ними и закричал:

— Что мне от вас за польза! Что за польза от детей! Вот царевич — и тот поймал бурого кита и выпустил в море, не захотел, чтобы его отец стал снова молодым! И вы такие же, ничуть не лучше! Вы со мной еще хуже поступите!

Кто-то слышал об этом, кому-то сказал, и так об этом разговоре узнал царь.

Когда он услышал о том, что царевич поймал бурого кита и отпустил его в море, он вышел из себя от гнева и закричал:

— Завтра же утром я велю царевича повесить!

А у царевича при дворе был друг. Он пошел и рассказал царевичу; дескать, царю кто-то донес, что ты поймал бурого кита и отпустил его обратно в море, а царь рассердился и хочет тебя завтра же казнить — вздернуть на виселице.

Царевич рассказал об этом своей матери и говорит:

— Я должен бежать отсюда, собери меня в дорогу.

Мать испекла ему в тануре пшеничных хлебцев⁴ и набила ими одну суму хурджина, а в другую положила драгоценностей. У царевича был Конь-Ветер, рожденный от коней пари. Он положил на коня хурджину, разукрашенное седло, вдел ногу в кольцо стремени, ловко вскочил в седло, уселся поудобнее и отправился в путь. Ехал он, ехал, несколько суток был в пути,

наконец, приехал на берег моря. Приехал на берег моря и видит: стоит корабль, готовится к отплытию. Царевич нашел капитана на берегу и говорит ему:

— Пустите меня на корабль.

А капитан ему говорит:

— Мест нет.

Тогда царевич сказал:

— Я дам тебе сто туманов, толькопусти меня.

Уговорил он капитана, дал ему сто туманов, его вместе с конем пустили на корабль.

Несколько суток они плыли, пока не переплыли море. Переплыли море, пристали к берегу, и все разошлись, кому куда было надо.

Царевич поехал прямо в глубь страны и попал в лес. Ехал он, ехал по лесу, и вот стемнело. Темно в лесу, только вдали какой-то свет виднеется. «Поеду-ка я на свет, там, наверно, есть жилище», — подумал он.

Поехал на огонь, ехал, ехал, подъезжает ближе, смотрит: горит костер, а возле костра сидит див, одна губа у него на земле, а другая на небе. Царевич поздоровался с ним, див ему ответил. А потом и говорит:

— Хорошо, что ты со мной поздоровался. А то бы я тебя в муку смолол, а муку бы пустил по ветру, а ветер бы ее разнес по свету.

Див пошел, привязал его коня. Были у дива шкуры вот наподобие тех, что здесь лежат⁵. Взял он эти шкуры и постелил царевичу. А потом говорит:

— У меня для тебя ничего поесть нету. Сам-то я ем плоды из этого леса.

Пошел, нарвал в лесу яблок, гранатов, миндаля, инжира. Насыпал перед царевичем гору фруктов, мол, на тебе, угощайся.

Ну, царевич, что он съест-то может — одно там яблоко или два съел, а потом пошел, принес свой хурджин и высыпал из него хлебцы перед дивом. И говорит диву:

— Ешь.

А див отвечает:

— Нет, я хлеба не ем.

Царевич говорит:

— Если ты моего хлеба не поешь, я ночью спать не буду. Не отведаешь моей еды — я от страха не смогу заснуть.

— Ну, только ради тебя, — сказал див и съел один хлебец.

После этого царевич, успокоившись, заснул. И так он прожил дней десять в лесу с этим дивом. А потом див и говорит:

— Давай уйдем из леса, что толку сидеть здесь!

Царевич согласился и стал собираться в дорогу, а див, вел ему немного подождать, пошел и вырвал с корнем большой чинар, взвалил себе на плечо и принес.

— Ну, теперь пойдем,— сказал див.

Див пошел вперед и стволом чинара нагибал деревья, чтобы можно было пройти, а царевич шел за ним следом. Шли они, шли и вышли из леса. Подошли к окрестностям какого-то города и увидели там крестьянина-пастуха. Он отдыхал, лежа на пригорке, и распевал стихи, но стоило ему увидеть дива, как все стихи — и тот, который он читал,— вылетели у него из головы от страха.

Царевич понял это и сказал диву:

— Ну, братец, если ты в таком виде войдешь в город, у людей от страха сердца лопнут.

— Ладно,— говорит див.— Я приведу себя в человеческий облик. Но ты меня братом не называй, я тебе не брат, а раб.

Удивился царевич, что див так сказал, задумался, почему он себя его рабом называет, но ничего не надумал.

А див посадил чинар обратно в землю, прочел заклинание и принял человеческий облик. Пошли они дальше. Подошли к городской стене, смотрят — а на зубцах стены сплошь человеческие головы! Вошли в город, стали искать себе пристанище. Нашли место в одном караван-сараяе. Накупили мяса и наняли повара, чтобы тот готовил им еду. И стали они есть да пить — тратили деньги и жили припеваючи!

Бродили они как-то по городу и спрашивают у одного прохожего:

— Что это за головы на зубцах городской стены, что это значит?

А прохожий отвечает им:

— У царя этого города есть дочь, любительница загадывать загадки да ставить разные условия. Кто ее условие выполнит, за того она пойдет замуж. Много к ней ходит юношей, да никто ее условий выполнить не может. Всем им она велит отрубить головы, а эти головы повесить на зубцы городской стены.

Услышал это див и говорит царевичу:

— Иди к царю, скажи, что ты выполнишь все условия его дочери.

Царевич стал отказываться, мол, я не смогу, она меня убьет, как других убила, а див его успокаивает:

— Иди, не бойся, я тебе помогу.

В конце концов уговорил он царевича, и царевич отправился во дворец к царю. Приветствовал царя как полагается, услы-

шал приветствие в ответ и стоит, скрестив на груди руки. Так и стоял перед царем, пока тот не сказал ему:

— Садись, юноша!

Отвели ему место, царевич сел. Принесли вина, пустили по кругу чашу, начали пить вино. После вина началась беседа. Поговорили о том о сем, потом царевич говорит:

— О ты, кому поклоняется мир! Не примешь ли меня к себе в сыновья?

Царь отвечает:

— Сын мой, а не жаль тебе своей молодости? Ведь дочь моя ставит такие условия, что никто их выполнить не может. А кто не выполнит ее условий, того ждет смерть. Я уж тут тебе ничем не смогу помочь.

— Ну что ж, смерть так смерть, — отвечает царевич. — Моя кровь не красней, чем у других людей.

— Твоя воля, — говорит царь.

И тогда царевич пошел к царской дочери и говорит ей:

— Я слышал, что ты любишь задавать урок тем, кто за тебя хочет посвататься?

— Да, — говорит девушка. — Есть у меня для женихов уроки, так уж у меня заведено. Хочешь и ты попробовать их выполнить? Только если не выполнишь — отрублю тебе голову и посажу на зубец стены.

— Что ж, — говорит царевич, — попробую, не красней у меня кровь, чем у других людей.

— Ну ладно, — сказала девушка. — Я расскажу о том, какие у меня уроки, а ты сходи и подумай — возьмешься ты их выполнить или нет. Если возьмешься — приходи завтра. Пойдем со мной.

Повела она его с собой и показала три огромных котла.

— Вот видишь, — сказала девушка, — эти три котла? В каждом из них помещается баран и манов десять риса. Я велю сварить во всех трех котлах плов. Ты должен весь этот плов с вечера съесть и до утра не выйти по нужде — это мой первый урок.

— Хорошо, — сказал царевич, — что еще?

Девушка говорит:

— Пойдем со мной.

Вышли из дворца, привела она его на ровную, плоскую площадку; в середине площадки колодец. Она показала на него рукой и говорит:

— Видишь этот колодец?

— Да, — говорит царевич.

— Я возьму однолетнего верблюда, обмотаю его цепью, со-

считаю до трех и опушу в колодец: а потом сосчитаю до трех и закину его на верхушку этого дерева. Ты должен сделать то же самое — таков мой второй урок.

— Ладно, — говорит царевич. — Ну, а третий?

— Видишь эту скалу?

— Вижу.

— Я прочту заклинание — и эта скала разверзнется. А потом прочту другое заклинание — и трещина сомкнется, опять станет такой, как была прежде. Ты должен сделать то же самое — вот мой третий урок. Если берешься выполнить мои три урока — приходи завтра.

— Ладно, приду, — сказал царевич.

Ушел он из дворца, пришел в караван-сарай к диву и рассказал ему все. А потом говорит:

— Ничего у меня не выйдет. Где мне такие чудеса делать, я ведь не колдун!

— Все получится как надо, ни о чем не беспокойся. Я пойду вместо тебя, — отвечает ему див.

Наступило утро. Девушка с утра велела зарезать трех баранов, отвесить тридцать манов риса и сварить во всех трех огромных котлах плов. К вечеру плов был готов.

А див прочел заклинание и стал совсем как царевич, только чуть-чуть чернее. Пришел во дворец девушки, его отвели в отдельную комнату, поставили перед ним все три котла с пловом и говорят:

— Ты должен все это съесть и до утра не выходить на двор.

Див в один присест съел все три котла, улегся и заснул тут же.

Спит себе и храпит вовсю.

Утром пришли за ним слуги царевны, хотели ему голову отрубить. Подходят к дверям, думают: сейчас он сидит и читает молитвы, готовится к смерти. Открыли дверь, смотрят — ни единой косточки не осталось, все котлы пустые, а юноша лежит на полу и храпит.

Разбудили его и говорят:

— Ну, первый урок ты, видно, выполнил, завтра приходи снова.

Див ушел, вышел на двор, присел возле ямы и сразу целую яму наполнил. Еще бы, ведь он один съел сразу трех баранов и тридцать манов риса! А потом он пошел в караван-сарай и рассказал обо всем царевичу.

Наступило следующее утро. Див в облике юноши сед на Кюня-Ветер и прискакал ко дворцу царевны, на ту самую площадку, где был колодец. Видит: девушка в мужской одежде

верхом на прекрасном коне уже там. В руке она держит конец цепи, а к другому концу привязан верблюд.

— Видишь, юноша? — спрашивает она.

— Вижу, — отвечает див.

Она начала считать: раз, два, три — и вот уже опустила верблюда в колодец. Вытащила обратно, опять сосчитала до трех — и закинула его на верхушку дерева. Потом поставила его на прежнее место и говорит:

— Видел?

— Видел, — отвечает тот. — Дай-ка мне конец цепи.

Взял он цепь, только она успела сосчитать: раз, два — а верблюд уже в колодце. Потом опять стала считать: раз, два — а он уже на верхушке дерева.

— Ну что, — говорит, — выполнил я твой урок?

— Да, — говорит она скрепя сердце, — выполнил. Теперь приходи завтра.

А сама думает: «Такие прекрасные царевичи за меня сватались — никто не смог взять меня в жены, а теперь я ему достанусь, такому черному да невзрачному. Смотри, какая судьба меня ждет!»

А див тем временем вскочил на Коня-Ветер и поскакал в караван-сарай, туда, где они с царевичем остановились. Царевич услышал топот копыт, вышел, видит: прискакал див на его коне, а конь весь в пене и поту. Див сошел с коня, царевич понял, что и второй урок царевны он выполнил, и стал вытирать с коня пот, гладить его по голове. Повел в конюшню, ясли ему наполнил сладостями и сахаром.

Ну, они с дивом поели и легли спать, а на следующее утро див в облике царевича опять пришел к царевне.

Царевна смотрит и думает: «Ну вот, опять он пришел». Да ничего не поделаешь, повела его опять на ту лужайку. Села на камень под скалой, стала читать молитву Йа-Син⁶ и скала разверзлась; опять стала читать заклинания, читала, читала — и скала вновь сомкнулась, стала как прежде.

— Видел? — спрашивает девушка.

— Да, — ответил он.

— Теперь ты так сделай.

Див сел на камень и начал читать заклинания. И скала разверзлась; если у девушки на столько было, то у него больше вот настолько. А потом почитал еще — и скала сомкнулась.

Увидела это девушка и заплакала горькими слезами. А див пошел вслед за ней и говорит ей:

— О девушка, ты столько юношей убила и не плакала, тебе их жалко не было, что же ты теперь плачешь?

Она ответила:

— От своего черного несчастья я плачу. Ведь столько приходило красавцев юношей, никто из них не мог выполнить моих условий. А ты, темнокожий, выполнил их все.

Тогда див говорит:

— Я не для себя это делал, я старался ради прекрасного юного царевича.

— Кто бы ни был,— сказала девушка,— лишь бы не ты.

Див пошел к себе в караван-сарай и говорит царевичу:

— Отныне девушка принадлежит тебе, я выполнил все условия. Иди завтра к ней и бери ее в жены. Но смотри, не касайся ее тела ниже пупа. Ласкай ее, целуй, но от пупа вниз руку не тяни. Смотри, если ты протянешь руку ниже, я тебя проучу, ты у меня узнаешь, как себя нужно вести. Убью тебя, и все.

— Ладно,— говорит царевич.

Пошел он во дворец за девушкой. А девушка увидела его — красивый юноша, лицо белое — и обрадовалась так, что и сказать нельзя.

Царю доложили, что вот пришел царевич за твоей дочерью, он, дескать, все ее условия выполнил, теперь она — его невеста.

Царь сразу велел устроить свадьбу. Семь суток — гром барабанов, стук бубнов, звуки музыки: царь выдает свою дочь замуж за царевича.

Кончилась свадьба, и остались молодые одни. И стал царевич целовать и ласкать свою молодую жену до полуночи. А как наступила полночь, царевич положил между ней и собою меч⁷. С одной стороны меча спит царевич, с другой — девушка. Так прошла одна, две, три ночи. Наконец девушка сказала:

— Царевич! Что, я тебе не нравлюсь? Почему ты так со мной поступаешь?

— Если я поступлю иначе,— говорит царевич,— у меня в стране никто не поверит, что я взял тебя замуж девушкой. Все будут говорить, что я привел с собой разведенную жену. Вот я отвезу тебя к себе в город, и там мы заключим брак, и тогда все там поймут, что ты была девушкой⁸.

Девушка ему поверила и на этом на время успокоилась.

А через некоторое время див сказал царевичу:

— Попроси у своего тестя разрешение и пойдем отсюда. Больше нам здесь делать нечего.

Царевич пошел к отцу девушки и говорит:

— О царь, мы провели здесь уже много времени, пора нам ехать. Ведь у меня есть отец, он тоже царь, он давно уже ждет меня.

— Что же, сын мой,— говорит царь,— если хочешь ехать — воля твоя.

Собрались они и тронулись в путь, а с ними слуги, служанки, пятьдесят верблюдов приданого.

Подшли они к опушке того леса, где юноша повстречался с дивом, див опять вырвал чинар и стал им расчищать дорогу через заросли. Шли они, шли, весь караван следом за ними и подошли к тому месту недалеко от морского берега, где жил див. Там они провели ночь. Когда настало утро, див сказал царевичу:

— Царевич, ведь если бы не я — ты бы не смог взять в жены эту девушку.

— Да,— согласился царевич,— если бы не ты, мне бы и одного условия не исполнить.

— Значит,— говорит див,— эти верблюды, все это добро, эти слуги и служанки — все это мое.

— Да,— согласился царевич,— все это принадлежит тебе.

— Но мне,— сказал див,— всего не надо, пусть половина будет мне, а половина — тебе.

Царевич согласился, и стали они все делить пополам. Было пятьдесят верблюдов, двадцать пять взял див, двадцать пять — царевич. Слуг и служанок тоже разделили поровну. Осталось только девушку поделить.

Див сказал:

— Девушку тоже поделим на две части.

Царевич отвечает:

— Девушка — твоя, бери ее себе. Как же ее делить?

— Нет,— говорит див,— ее нужно тоже пополам разделить.

Схватил девушку и подвесил вниз головой, ногами вверх на суку. Вытащил меч и считает: «Раз, два, три» — мол, сейчас ее пополам разарубит. И только сказал он «три», как изо рта у девушки выполз огненный дракон. Див с размаху ударил мечом и убил дракона. После этого отвязал девушку и поставил ее на землю.

— Ну, девушка,— сказал див,— ты, которая раньше в три счета опускала верблюда в колодец, вытаскивала его наружу и забрасывала на дерево, подыми-ка теперь хотя бы этот вьюк и положи его на верблюда.

Сколько девушка ни старалась — не смогла поднять вьюк.

Див сказал:

— Это дракон в ней поселился, от него и сила была. А если бы ты в первую ночь соединился с нею — дракон бы тебя испепелил. Мне же ничего не нужно: ни девушки, ни добра, ни верблюдов. Пойдем, я провожу тебя до берега.

И див отвел их всех на берег. На берегу он рассек себе мечом руку. Потекла кровь, этой кровью он наполнил сосуд и дал его царевичу.

— Царевич,— сказал див,— ты сделал мне добро — и я тебе отплатил тем же. Я — тот самый бурый кит, изо рта которого ты вынул крюк и выпустил его в море. Отпеси эту кровь, дай своему отцу. Он ее выпьет и станет двадцатипятилетним молодцем. А теперь будь здоров, да и я постараюсь остаться невредимым.

У берега стоял корабль. Он посадил царевича с царевной и со всей свитой на корабль, а сам превратился в кита, бросился в море и уплыл.

Царевич с царевной несколько дней плыли на корабле. Потом сошли с корабля и ехали до города, где жил отец царевича. Достигли они города, и царевич послал людей вперед известить царя, дескать, твой сын прибыл и в такое-то время въедет в город.

Царю доложили, мол, твой сын, что столько лет был на чужбине, сегодня в шесть часов въезжает в город.

Царь устроил сыну пышную встречу, семь суток били в бубны и барабаны, царь снова сыграл свадьбу своего сына с девушкой. А царевич дал отцу сосуд с кровью бурого кита, тот выпил ее и тут же превратился в двадцатипятилетнего молодца.

Пусть бог так, как он исполнил их желания, исполнит желания всех мусульман.

2. Ханджаршо

Было или не было, а лучше бога никого не было. Был один царь, у него было две жены. У одной жены детей не было, а у другой был сын. Звали этого мальчика Малик-Мухаммад.

Мальчик этот подрос, стал юношей. Решил он пойти к другой жене своего отца навестить ее. Ведь она тоже считалась ему матерью.

Пришел он к ней, бросила она на него только один взгляд и влюбилась в него тысячью сердец. Подошла, поцеловала его в голову, стала ласкать. Тут принесли угощения, они поели разных яств. А потом она увела его в седьмые, самые дальние покои. Привела его туда и говорит: мол, ты мужчина, я женщина, ты теперь должен сделать со мной такое-то дело.

— Ты же мне мать,— говорит он,— как же я могу с тобой так поступить? Нет, этого я сделать не могу.

— Если не будет по-моему, — говорит она, — я сделаю так, что твой отец тебя повесит.

— Пусть он меня повесит, но все равно я на это никогда не решусь. Господь сохрани меня от такого дела, я этого никогда не сделаю.

И бросился он бежать оттуда.

Жена отца успела схватить его сзади за рубашку, он вырвался из ее рук так, что рубашка разорвалась сзади. Распахнул настежь все семь дверей — и был таков. Убежал к себе домой.

Пришел царь к своей жене, видит, она плачет.

— Что случилось, — спрашивает, — почему ты плачешь?

— Твой сын-ублюдок, — говорит она, — пришел ко мне и хотел мною силой овладеть.

Царь задумался. Ему принесли поесть, он поел, воссел на престол гнева, позвал везира и векиля и говорит им:

— Я решил, что сегодня повешу своего сына.

— Зачем, за что? — спросили они. — Слыханное ли дело, чтобы царь вешал своего собственного сына?

— Слыханное или неслыханное, а все равно повешу. Он хотел силой овладеть моей женой — своей второй матерью.

Везир подумал и сказал:

— Позови своего сына, мы посмотрим. Если у него одежда спереди порвана — значит, он виноват, вели его повесить, а если сзади — значит, виновата твоя жена, ее и наказывай.

Позвали Малик-Мухаммада, посмотрели — а у него рубашка на спине порвана. Везир увидел это и говорит царю:

— Значит, твоя жена виновата.

А царь отвечает:

— Кто бы ни был виноват, мое сердце его терпеть больше не может. Пусть убирается вон из моего города.

И выгнал Малик-Мухаммада. А мать Малик-Мухаммада — она была беременна, — узнав об этом, решила: «Ну, раз он моего сына выгоняет, и я не останусь здесь, пойду с ним вместе».

Малик-Мухаммад посадил свою мать на коня себе за спину, взял припасов на дорогу, и поехали они, повернувшись спиной к городу, а лицом — к пустыне, куда глаза глядят.

Ехали они, ехали и наконец подъехали к источнику. В источнике была вкусная вода, и они решили возле него пожить несколько дней. Остановились они тут. Малик-Мухаммад утром отправлялся на охоту, ловил птиц, вечером возвращался, и мать жарила ему их на ужин.

Однажды утром, когда Малик-Мухаммад еще не ушел охо-

тяться, какая-то птица прилетела и села на дереве, что росло возле источника.

Мать Малик-Мухаммада сказала:

— Поймай мне эту птицу, сынок!

Малик-Мухаммад наложил стрелу на тетиву, чтобы убить птицу, но тут мать говорит:

— Сынок, ты поймай мне эту птицу живьем. Ты каждый день уходишь на охоту, а я здесь остаюсь одна-одинешенька. Ты мне поймай эту птицу, чтобы я могла с ней играть.

— Мать,— сказал Малик-Мухаммад,— поймать дикую птицу голыми руками очень трудно. Но раз ты просишь — я постараюсь.

Не хотел он огорчать свою мать и погнался за этой птицей.

Гнался он за ней, гнался и так увлекся погоней, что и не заметил, как достиг какого-то города. А в этом городе только птицы и звери, а людей совсем нет. Дома, дворцы построены, а в них пусто.

Он подумал: вот я оставил свою мать возле источника, там вокруг пустыня, а тут город, все есть, надо ее сюда привести. Пока он так размышлял, откуда ни возьмись, появился див. Малик-Мухаммад учтиво поздоровался с дивом.

Див ответил ему и говорит:

— Кто ты такой? Сюда конь дойти не может — подковы по дороге сотрет, птица не долетит — растеряет перья, а ты как сюда пришел, безумец?

— Я обыкновенный человек, сырым молоком вскормлен¹, пришел сюда просто так.

Только он успел это сказать, как див его проглотил.

Див его проглотил, а ты послушай теперь, я расскажу тебе о матери Малик-Мухаммада. Ждала она, ждала Малик-Мухаммада, а он все не возвращается. И решила она, что его в пустыне дикие звери растерзали. Пригорюнилась она и думает: «Как же я теперь буду одна в пустыне жить?».

Приближается срок ее родов — а никого рядом нет, чтоб ей помочь. Взмолилась она, и всевышний послал ей на помощь ангела в облике женщины в чадре. Только этот ангел появился, как настало ей время родить — и бог дал ей сына. Женщина-ангел перерезала кинжалом, что был при ней, пуповину, и сына они так и нарекли — Ханджаршо². А женщина-ангел осталась жить с ними: помогала матери нянчить и растить сына.

Прошли месяцы, исполнился ребенку год, а потом два, а там и пять. Когда же ему исполнилось двенадцать лет, то увидели они, как по пустыне мчится конь. Примчался он к источнику, где они жили, и остановился перед мальчиком. А жен-

щина-ангел, что была с ними, сказала им, что это Конь-Ветер, послан мальчику всеблагим господом.

Ханджаршо стал каждый день верхом на этом коне ездить на охоту. День он проводил на охоте, а вечером возвращался; мать готовила на костре добычу, и они ели вместе с матерью и той женщиной. И так они жили себе, и когда женщина-ангел увидела, что Ханджаршо уже возмужал и может сам достать пропитание для себя и своей матери, она исчезла.

Ханджаршо с матерью решили, что женщина ушла к себе домой — ведь она не была там столько лет! Вспомнили о ней добрым словом и не стали беспокоиться и искать ее. Ханджаршо по-прежнему каждый день охотился, а вечером они вместе с матерью ели то, что он приносил с охоты.

Так они и жили, и вот однажды та самая птица, что когда-то уже появлялась возле их источника, снова прилетела и села на дерево.

Мать Ханджаршо, увидев ее, сказала:

— Сынок, поймай мне эту птицу!

Только Ханджаршо наложил стрелу на тетиву, чтобы подстрелить птицу, как мать ему и говорит:

— Поймай мне, сынок, эту птицу живьем. Ведь ты днем ходишь по степи и отдыхаешь душой, а я здесь сижу день-деньской одна, мне так тоскливо, буду я хоть с этой птицей играть — все веселее.

Сын сказал ей:

— Мать, поймать дикую птицу голыми руками очень трудно. Но все-таки я постараюсь.

И, не желая огорчать мать, Ханджаршо погнался за этой птицей. Гнался он за ней, гнался и достиг того безлюдного города. Вошел в город, надеясь в городе настигнуть птицу, видит — все, что ни пожелаешь, в городе есть, только людей нет. Ханджаршо подумал: «Надо мне мою мать из той пустыни привести сюда». И только он это подумал, как появился див.

— Безумец, — говорит див, — конь и тот по дороге сюда подковы сотрет, птица — перья потеряет, а ты как сюда попал?

— Ты не очень-то мне угрожай, — говорит Ханджаршо, — я твоих угроз не боюсь.

Див бросился на него, и они начали бороться. Боролись, боролись, в конце концов Ханджаршо поднял дива и так шмякнул о землю, что земля треснула. Вытащил кинжал и хотел вонзить ему в брюхо, но тут див взмолился:

— Ханджаршо, что тебе за польза от одной капли моей крови? Тут неподалеку есть дом, во дворе этого дома есть колодец. Брось меня лучше в этот колодец.

Ханджаршо связал его, оттащил и бросил в колодец. А выход колодца завалил большим камнем.

Потом поехал обратно, туда, где осталась его мать. Рассказал ей, мол, там есть город, а людей в нем нет, а в городе всякой еды полно — и риса, и гороха, и мяса. Поедем, мол, туда, не все же нам в пустыне жить. Посадил мать сзади себя на коня, и поехали они в тот город. И поселились там, и стали жить в свое удовольствие, — ведь вокруг всего было вдоволь! Он-то днем ездит на охоту, а мать знай себе ест да пьет; и скоро она уже с жиру беситься стала. Мечется то туда, то сюда, людей ищет — а никого нет. Да разве див-людоед оставил бы там хоть одного человека? Бродит она из дома в дом — всюду пусто. И вот в одном дворе набрела она на большой камень. Решила посмотреть, что там есть, под этим камнем. Так она за это время отъелась, что хватило у нее сил этот камень сдвинуть. Смотрит — под камнем колодец, а в колодце кто-то стонет.

Она спрашивает:

— Кто ты? Птица, рожденная от птицы, или пари, рожденная от пари, человеческое отродье или дивовское семя, кто ты такой?

— Я женщина-див, буду тебе служанкой, — слышит она ответ.

— Если ты женщина-див, — говорит женщина, — то и сиди себе в колодце. — И хотела уже снова задвинуть камень, как див закричал истошным голосом:

— Я див, я див, твой раб!

— Это другое дело, — говорит она. — Как тебя оттуда вытащить?

— В таком-то доме, — сказал див, — ты найдешь шелковый аркан. В землю там вбиты два кола, чтобы привязывать лошадей. Ты выдерни эти колья, возьми аркан и все это принеси сюда. Колья вбей в землю, привяжи к ним аркан, брось мне его — а дальше я уж сам выберусь.

Женщина пошла в тот дом, нашла аркан, вытащила из земли два кола и принесла аркан и колья к колодцу. Колья вбила в землю, а аркан забросила в колодец. Див ухватился за аркан и вылез из колодца. Сначала она его как следует накормила, а потом предалась с ним плотским удовольствиям. А когда наступил вечер и должен был приехать с охоты Ханджаршо, она велела ему залезть обратно в колодец и задвинула камень на прежнее место.

И так они стали делать каждый день. Утром, когда Ханджаршо уезжал на охоту, див вылезал из колодца, и женщина

проводила с ним время в обжорстве и похоти, а на ночь она прятала его в колодец.

Через несколько дней, а может быть, через месяц див говорит женщине:

— Если Ханджаршо про это узнает, он нас убьет. И тебя убьет, и меня.

— Что же делать? — спрашивает женщина.

— Тут неподалеку, — говорит див, — есть лес, населенный львами. Пошли его в логовище львов, чтобы он принес молока львицы. Пусть сходит — львы его там в клочья разорвут.

Мать Ханджаршо согласилась и придумала такую хитрость: пока Ханджаршо был на охоте, она намазала себе голову тестом. Тесто высохло, стало трескаться, пожелтело, а когда приехал Ханджаршо, она сделала вид, что у нее язвы на голове, и стала кричать якобы от боли.

— Что с тобой, матушка? — спросил Ханджаршо. — Чем я тебе могу помочь?

— Вот у меня на голове язвы. Когда твой отец был со мной, он ходил в логово львов и приносил львиного молока. Я мыла себе голову львиным молоком, и у меня все язвы сразу зажили.

— Мать, — сказал Ханджаршо. — Я завтра же утром разыщу логово львов и принесу тебе молока львицы.

Ночь он проспал, а когда настало утро, оседлал своего коня и отправился в путь. Ехал он, ехал и заметил около дороги какую-то хижину. Увидел, что возле хижины сидит какой-то старец с просветленным взглядом — ясновидящий. Он поздоровался со старцем и получил на свое приветствие ответ.

— О Ханджаршо, — спросил старец, — куда ты направляешься?

— Я иду, чтобы принести львиного молока из логова львицы. Мать у меня заболела, молоко львицы для нее — единственное лекарство.

— Возьми у меня лопату, пилу и клещи и поезжай. Когда ты въедешь в лес, туда, где живут львы, то услышишь стоны и увидишь там царя львов, у которого сквозь лапу пророс тростник. Кровь брызжет до самого неба, а он рухнул наземь и лежит, не шевелится. Он громко стонет, но ты не бойся — он в беспомощности. Ты возьми лопату, выкопай себе подземное убежище. Потом подойди ко льву и пилой отпили этот росток тростника сначала снизу, а потом вырви из лапы клещами. Царь львов громко закричит, а ты тотчас спрячься в свое убежище и сверху накройся чем-нибудь так, чтобы тебя никто не видел. Тут сразу сбегутся все львы. Пройдет немного времени, он при-

дет в себя и скажет: «Кто бы ты ни был, птица ли, человек ли, див ли — явись мне: я выполню все, что ты ни пожелаешь!» В первый раз ты не выходи. Он прокричит во второй раз то же самое. Ты опять не выходи. На третий раз он скажет: «Клянусь пророком Сулейманом, я не причиню тебе вреда!» Тогда выходи, он исполнит твое желание, даст тебе львиного молока для твоей матери.

Ханджаршо привязал там своего коня. Взял пилу, лопату, клещи, сосуды для молока и отправился в лес, где водились львы. Услышал стоны, пошел туда и видит — царь львов лежит недвижимо, стонет. Сквозь лапу его пророс тростник, кровь хлещет до самого неба. Быстро выкопал он себе подземное убежище, потом надпил тростник снизу, сверху схватил клещами и выдернул. Лев завопил так, что все деревья кругом закачались. А Ханджаршо тотчас забрался в свое убежище, сверху накрылся и притаился. Слышит топот — сколько ни было в этом лесу львов — все собрались. Через полчаса царь львов пришел в себя и закричал:

— Кто бы ты ни был, див ли, человек ли — покажись!

Ханджаршо лежит в своей яме, не шелохнется.

Второй раз лев прокричал те же слова.

Ханджаршо опять промолчал.

В третий раз царь львов сказал:

— Клянусь пророком Сулейманом, я тебя не трону!

Тут Ханджаршо вышел из своего убежища, и царь львов спросил его:

— О юноша, как ты узнал, что я от этой муки не знаю покоя ни днем, ни ночью?

— Я это видел во сне, — отвечает Ханджаршо.

— Видел ты это во сне или не видел — не мое дело. Скажи мне, что ты хочешь в награду?

— Я хочу, — говорит Ханджаршо, — два сосуда с молоком львицы.

Царь львов тут же велел подоить двух львиц, сосуды наполнил молоком, и он отпустил Ханджаршо. Да еще дал ему двух львят в придачу. Потом он усадил его верхом на одного из львов, и лев отвез его туда, где Ханджаршо оставил привязанным своего коня. Лев вернулся, а Ханджаршо стал искать хижину того старика. Смотрит — там, где была хижина, теперь пустое место.

Ханджаршо сел на своего коня, пристроил спереди двух львят и поехал.

А див с матерью Ханджаршо смотрят с крыши дворца и видят: возвращается юноша да еще везет с собой двух львят. Див,

как это увидел, сразу убежал и спрятался в колодец. А Ханджаршо отдал матери молоко львицы, та вымыла этим молоком себе голову, тесто у нее с головы сошло, и все стало как прежде.

— Ну что, помогло тебе молоко львицы? — спросил Ханджаршо.

— Да, помогло, — ответила она.

Прошло некоторое время, и див снова сказал женщине:

— Если Ханджаршо узнает все, как есть, он убьет и тебя, и меня.

— Что же нам делать? — спросила женщина.

— Ты притворись больной и скажи: «Единственное, что меня может вылечить, — это финики из сада Белого Дива». Он пойдет за этими финиками, и Белый Див его там убьет.

Снова мать притворилась, что заболела, вымазала себе лицо в желтый цвет. Ханджаршо вернулся вечером с охоты, видит, мать его совсем пожелтела и стонет.

— Что с тобой, мать? — спрашивает он.

— Я заболела, — отвечает она.

— Как тебе помочь?

— Когда твой отец был со мной, — говорит она, — он приносил мне фиников из сада Белого Дива, и я сразу поправлялась.

— Не печалься, — сказал Ханджаршо. — Я съезжу к Белому Диву и привезу тебе фиников.

Лег он спать, а наутро оседлал коня, сел верхом и отправился в путь. Ехал он, ехал, видит — хижина возле дороги, а около хижины сидит какой-то старик с просветленным взглядом — ясновидящий. Он учтиво приветствовал старика и услышал вежливый ответ.

— Куда ты направляешься, Ханджаршо? — спросил старик.

— Я еду, — говорит Ханджаршо, — принести матери фиников из сада Белого Дива.

— Отсюда до сада Белого Дива — год пути.

— Что поделаешь, мне надо ехать!

Старик сказал:

— Поедешь по этой дороге, мало ли, много ли проедешь — там будет источник. Возле этого источника растет чинар. На верхушке чинара — гнездо птенцов птицы Симург. Дракон повадился ходить каждый год и поедать птенцов птицы Симург. Ты, когда туда приедешь, спрячься и жди. Может быть, дракон как раз в это время придет, тогда постарайся убить его. А когда птица Симург увидит, что ты убил дракона, она отнесет тебя, куда только ты ни пожелаешь. За один день она тебя отнесет в сад Белого Дива.

Ханджаршо поблагодарил старика и отправился в путь. Ехал он, ехал — и добрался до того источника, где рос чинар. Привязал коня в укромном месте, сам притаился. И вот прошло какое-то время, и птенцы птицы Симуург стали громко кричать в своем гнезде. А птицы Симуург не было, она каждый день улетала за пищей для своих птенцов.

Ханджаршо посмотрел и видит: дракон обвился вокруг дерева и ползет вверх. Наложил он стрелу на тетиву, натянул лук и выстрелил, да так, что попал дракону в один глаз, а через другой глаз стрела вышла. Дракон рухнул на землю. Ханджаршо отрубил от туши дракона несколько кусков, накормил птенцов мясом, остатки выбросил, сам лег под дерево и спокойно уснул.

Тут прилетела птица Симуург. Увидела она Ханджаршо и подумала: «Вот кто каждый год пожирал моих птенцов». Полетела она и взяла кусок скалы, чтобы убить его, а тут птенцы подняли крик:

— Мать, что ты делаешь?! Он нас спас от дракона, убил дракона, который хотел нас сожрать!

Симуург посмотрела и видит: действительно, лежит такой огромный дракон, что и ее саму бы мог проглотить.

Ханджаршо тут как раз проснулся. Симуург приветствовала его, и он ей учтиво ответил.

— О человек, — спросила Симуург, — откуда ты узнал, что дракон каждый год пожирает моих птенцов?

— Я это видел во сне, — ответил Ханджаршо.

— Нет, — говорит Симуург, — ты это не во сне видел, тебе это кто-то сказал, а у тебя, верно, есть ко мне какое-нибудь дело?

— Никаких дел у меня к тебе нет, а есть только одна просьба: доставь меня в сад Белого Дива.

— Отсюда до сада Белого Дива — один год пути верхом, — ответила Симуург. — Но я тебя быстро доставлю. Я сейчас улечу, немного поохочусь, потом вернусь, и мы полетим в сад Белого Дива.

Симуург улетела, убила несколько онагров и прилетела обратно с их тушами. Они с Ханджаршо освеживали их, наполнили несколько шкур их мясом. Еще несколько бурдюков наполнили водой. После этого Симуург приказала Ханджаршо:

— Садись на меня верхом. Когда я крикну «Мясо!» — ты давай мне воды, как только крикну «Вода!» — ты давай мне мяса. Так мы и полетим.

Ханджаршо сел верхом на птицу Симуург, и Симуург взлетела в небо. Когда она у него просила воды — он давал ей мяса, ког-

да просила мяса — он давал воды, и так они и летели. Летели, летели — и достигли сада Белого Дива. Тут Симург опустила Ханджаршо на землю и дала ему перо из своего крыла.

— Если только у тебя будет нужда во мне, — говорит, — дожди это перо; как только оно начнет тлеть — я сразу появлюсь. — И улетела.

А Ханджаршо вошел в сад и увидел, что Белый Див спит под финиковой пальмой. На брюхе у него стоит медный таз с водой. Уж если кто-нибудь полезет на пальму за финиками и уронит финик в воду, вода расплещется и он сразу проснется.

Ханджаршо тихонько подкрался, залез на дерево, нарвал фиников и наполнил ими суму, да так, что ни один финик в таз не упал и вода не расплескалась. Спустился на землю и уже собрался уходить, а потом подумал: «Нет, уйти так — по-воровски — не мужское дело. Пойду-ка я, разбужу дива, пусть знает, кто у него был в саду». Подошел он к спящему диву и ударил его по ступням кинжалом. Тот проснулся, вскочил и закричал:

— Что это за мухи меня кусают?

— Это не мухи, — сказал Ханджаршо. — Это я, Ханджаршо.

Сказал он это, они сразу схватились и начали бороться. Боролись они, боролись с утра до полудня — не мог осилить один другого. В полдень вспомнил Ханджаршо единого бога, поднял дива в воздух и так шмякнул оземь, что земля треснула. Вытащил свой кинжал, наступил диву на грудь и хотел распороть ему брюхо, но див сказал:

— Ханджаршо, что тебе за толк в одной капле моей крови — а ведь я царь всей этой страны, могу принести тебе много пользы. Лучше пусть я тебе буду братом — как родной брат буду тебе во всем помогать.

Ханджаршо снял ногу с груди Белого Дива и отступил в сторону.

Див спросил:

— Откуда ты, зачем пришел?

Ханджаршо ответил:

— Я прибыл за финиками из такого-то города, у меня больна мать, а эти финики — для нее лекарство.

А хитрый див сразу подумал: «Какое-то у твоей матери есть другое дело, что она тебя так далеко от себя отослала».

— Так ты пришел за финиками? — говорит див.

— Да; — сказал Ханджаршо.

— Пошли, — сказал див. Вырвал с корнем финиковую пальму и взвалил себе на плечо. Ханджаршо поджег перышко из крыла птицы Симург, перышко стало тлеть, и вскоре появилась птица Симург.

— Доставь меня обратно, на то место, где я убил дракона,— говорит Ханджаршо.

— Ладно,— отвечает птица Симург.

Ханджаршо сел верхом на птицу Симург, дива тоже подхватил, и скоро они опустились на том месте, где жила птица Симург. Там Ханджаршо расстался с ней. Сел на коня, который его дожидался, и поехал восвояси, а див пошел пешком рядом с ним.

И вот они уже подошли близко к тому городу, где осталась его мать. А его мать вместе с дивом, ее любовником, видят: Ханджаршо едет верхом, а Белый Див идет рядом и несет на плече финиковую пальму.

Тот див сказал ей, завидев путников:

— Я пойду спрячусь в колодце, а ты к их приходу свари мясную похлебку и положи в нее побольше соли. Встреть их и угости этой похлебкой. Через некоторое время им очень захочется пить, ты дай им воды, а в воду подложи яду — он в таком-то кувшине. Ханджаршо сразу выпьет всю воду и тут же умрет. А Белого Дива мы прогоним и будем, как и раньше, жить в этом городе в свое удовольствие, не зная забот.

Пришли Ханджаршо с дивом. Див снял с плеча пальму, дескать, вот финики, ешь сколько влезет. Ну, а она тотчас подала им мясной похлебки, очень соленой. Они поели и захотели пить. Ханджаршо и говорит:

— Матушка, нет ли у тебя воды попить?

Она тотчас пошла, налила воды в чашку, а из того кувшина, о котором говорил див, взяла яду и положила его в воду.

Принесла воду и подала Ханджаршо; Ханджаршо уже протянул руку, чтобы взять чашку, тут див закричал:

— Брат Ханджаршо, постой, придержи руку!

Взял ломоть хлеба, смочил его в воде и бросил собачонке, которая за ними в дороге увязалась. Собачонка проглотила хлеб — и тотчас сдохла.

— Видишь, брат,— сказал див,— твоя мать хочет тебя погубить. А я и то подумал — зачем бы ей посылать тебя за финиками туда, куда дорога длиной в целый год? Ты пока сиди здесь, а я пойду разузнаю, в чем тут дело.

И пошел бродить по городу. Бродил, бродил, забрел во двор того самого дома. Видит — лежит большой камень. Отодвинул он этот камень, увидел колодец, а в колодце дива. Вытащил он его оттуда, привел его к Ханджаршо и говорит:

— Вот этот див — любовник твоей матери, что с ним делать?

— Разруби его на части,— говорит Ханджаршо.

Див разрубил его на части и бросил мясо льятам, которых Ханджаршо когда-то привел из леса. А потом Ханджаршо говорит:

— Накажи и мою мать, как она того заслуживает.

И Белый Див ее тоже разрубил, а мясо бросил льятам.

А потом говорит:

— Ты живи пока здесь, я скоро вернусь.

Ушел Див, и не знаю, где он был, но через какое-то время вернулся. Он привел с собой златовласую дочь царя пари и сказал Ханджаршо:

— Царствуй в этом городе, а эта девушка — тебе в жены; я же отправлюсь к себе, в свое царство.

А потом показал Ханджаршо сосуд с молоком и говорит:

— Я с собой возьму вот этот сосуд с молоком. Если только с тобой что-нибудь случится — это молоко сразу превратится в кровь, и я приду тебе на помощь. Если же нет — молоко так и останется молоком.

Ушел он, а Ханджаршо взял царевну-пари в жены, и стали они жить в этом городе.

Днем Ханджаршо отправлялся на охоту, а вечером возвращался домой. Девушка же днем оставалась одна. И вот однажды, когда Ханджаршо уехал на охоту, она пошла на берег реки, что протекала недалеко от города. Пришла она к реке, вымыла свои золотые волосы, высушила их и стала расчесывать. Три или четыре волоска у нее с макушки упали под ноги. Вода в реке плескалась, плескалась, ну и в конце концов смыла эти волоски и понесла их по течению.

Девушка расчесала свои волосы и вернулась в город. Пусть она себе возвращается в город, а ты послушай о том, что случилось с теми волосками. Несло эти волоски, несло по реке и принесло к тому месту, где от реки ответвляется ручей. По этому ручью вода текла в город³.

В это время сын царя этого города как раз привел поить свою лошадь к ручью. Стал он поить свою лошадь, а та шаркает, боится чего-то. Посмотрел он в воду — а там что-то блестит. Он нагнулся и видит — это золотые волоски. Царевич вынул их из воды, напоил коня, сел верхом и вернулся в город. А в городе позвал к себе глашатая и велел объявить во всеуслышание, что тому человеку, кто приведет к нему хозяйку этих волос, он даст золота столько, сколько тот человек весит.

Пришла одна старуха и говорит:

— Я найду хозяйку этих волос, но только если ты дашь мне летающий ларец с колесом внутри, такой, чтобы если вправо

колесо покрутить — он в небо взлетал, влево колесо покрутить — к земле летел. И еще дай мне несколько драгоценных камней.

Царевич собрал всех мудрецов и волшебников — мол, изготовьте мне такой летающий ларец. Те думали, думали, наконец придумали и сделали такой ларец; а места в нем — на двоих человек.

Позвал царевич старуху, говорит:

— Вот тебе ларец, вот тебе драгоценные камни.

Старуха влезла внутрь, покрутила колесо направо — и ларец взлетел в небеса.

Летела она, летела вдоль реки и прилетела к тому городу, где правил Ханджаршо со своей златовласой царевной-пари. Увидела город, повернула колесо налево, ларец опустился на землю. Она вышла из ларца, взяла с собой драгоценные камни и пошла в город, опираясь на посох хитрости⁴. Пришла ко дворцу, видит — там живет златовласая девушка, и поняла она, что она и есть хозяйка тех волосков. Вошла старуха в покои к девушке, и та ее спросила:

— Матушка, откуда ты идешь?

— Я из хаджа возвращаюсь, — отвечает старуха.

— Как же ты сюда попала, — спрашивает девушка, — если ты из хаджа?

— Наш корабль потерпел кораблекрушение, — говорит старуха, — я приплыла сюда на обломке доски.

— Хорошо, — сказала девушка, — я здесь одна, оставайся со мной.

Вечером пришел с охоты Ханджаршо и говорит, показывая на старуху:

— Это еще кто?

— Эта несчастная, — отвечает девушка, — потерпела кораблекрушение, возвращаясь из хаджа, приплыла сюда на обломке доски.

Ханджаршо сказал:

— Ну что ж, это хорошо, пусть остается с тобой, пока я хожу на охоту. Тебе будет веселее.

Ханджаршо по-прежнему днем ходил на охоту, а вечером возвращался обратно.

Прошло десять-пятнадцать дней, и вот однажды старуха спрашивает у девушки-пари:

— Где помещается душа твоего мужа?

— Я не знаю, — говорит девушка.

— Что же ты за жена, если даже таких вещей не знаешь? А вдруг он заболел, откуда ты узнаешь, почему он болен?

Вечером Ханджаршо пришел с охоты, убив газель. Девушка приготовила мясо, они поели и легли спать. А старуха легла в соседней комнате и подслушивала, о чем говорят Ханджаршо с женой.

Девушка говорит ему:

— Ханджаршо, сколько времени мы уже живем вместе, а я все еще не знаю, где помещается твоя душа.

Ханджаршо, вместо того чтобы ответить, хлопнул ее по губам. Девушка заплакала.

— Ты хочешь меня погубить, — говорит Ханджаршо.

— Если бы я хотела тебя погубить, — отвечает девушка, — я нашла бы проще способ. Я просто хочу знать, гдеместилище твоей души. Может быть, если я буду знать, то, когда ты заболеешь, я смогу тебе помочь.

Ханджаршо поверил девушке и говорит:

— Моя жизнь — в моем кинжале, с которым я никогда не разлучаюсь. Если не станет кинжала — не станет и меня.

Старуха все это слышала. Когда они заснули, она прокралась в их комнату, вытащила у него из-под головы кинжал и разложила надвое. Половину засунула в очаг, а половину — под очаг.

Настало утро, Ханджаршо не просыпается.

Старуха говорит девушке:

— Пусть он себе спит, а мы пойдем на берег реки, погуляем немного. Он, наверно, очень устал, пусть выспится как следует.

Вышли они на берег реки, где стоял старухин ларец. Девушка увидела его и спрашивает у старухи:

— Мать, что это такое?

— Это ларец, — отвечает старуха.

— Пойдем посмотрим, что это за ларец, — говорит девушка.

Подшли они к ларцу, девушка и говорит:

— Какой удивительный ларец!

Залезла внутрь и кричит оттуда старухе:

— Ты тоже сюда иди, посмотри, для тебя здесь тоже места хватит!

Старуха залезла внутрь и тотчас повернула колесо направо. Ларец взлетел в небо. Девушка стала колотить старуху, — мол, верни меня обратно, — а старуха не слушает ее: увезу тебя отсюда, и все тут.

Потом старуха повернула колесо налево, и ларец опустился в городе, где жил тот царевич. Старуха привела златовласую девушку к царевичу, мол, на, владей ею.

Но девушка сказала царевичу:

— Если ты раньше, чем через сорок дней, попытаешься приблизиться ко мне — я убью или тебя, или себя. А если за сорок дней я ничего не услышу о своем муже — тогда я стану твоей женой.

Ничего не поделаешь, царевич согласился.

Девушке отвели место во дворце, и она осталась там. Пусть она себе там остается, а ты послушай теперь о Белом Диве.

Однажды Белый Див пришел домой и увидел, что молоко в том сосуде стало кровью. Тотчас он поспешил к птице Симуург и сказал ей:

— Спаситель твоих детей в опасности!

Симуург послала с ним своих птенцов, и они поспешили в город Ханджаршо. Там они нашли львят, которых Ханджаршо когда-то привел от царя львов. И все они побежали во дворец Ханджаршо. Вбежали в покои и видят, что он лежит, не шевелится — как будто спит. И тогда Белый Див сказал птенцам и львьятам:

— Ищите его кинжал, он должен быть где-то здесь.

Птенцы и львята бросились искать, все обыскали, обшарили; один из птенцов залез в очаг, поскреб там крылом — и нашел одну половинку кинжала. А один из львят нашел под очагом другую половинку. Обе половинки они принесли Белому Диву.

Белый Див схватил обе половинки, взмыл в небо и полетел в Зеленый Город — город пари. Там кинжал починили так, что он стал еще лучше прежнего. И тотчас Белый Див помчался обратно к Ханджаршо.

Прилетел, вошел в покои, где лежал Ханджаршо, и засунул кинжал ему за пояс. Ханджаршо очнулся и сел.

— Ах, — говорит, — как я сладко спал, зачем я так рано проснулся.

Белый Див сказал:

— Если бы не я, ты бы никогда не проснулся.

И рассказал ему все, что произошло.

А потом говорит:

— Ты пока сиди здесь, а я пойду за твоей женой.

А в этот день как раз исполнялось сорок дней с того дня, как старуха привезла златовласую девушку к царевичу того города, и царевич уже готовился к свадьбе.

Девушку посадили на престол, вокруг нее — двадцать других красавиц — дочери царя, везира, векиля, эмиров. Все готовятся к свадебному торжеству. И тут Белый Див превратился в облако, спустился и накрыл этот престол вместе со всеми девушками и поднял их в небо. Поднял в небо и принес в тот го-

род, где был Ханджаршо. Опустил их всех во дворце Ханджаршо и сказал ему:

— Вот у тебя забрали одну девушку, а я принес тебе двадцать. Принес тебе и дочь царя, и дочь везира, дочь векиля, дочерей эмиров.

Потом он привел к Ханджаршо из своей страны пятьдесят дивов и сделал их слугами Ханджаршо.

— Если с головы Ханджаршо упадет хоть один волос — я с вас живьем кожу сдеру, — сказал им Див и ушел опять к себе.

А Ханджаршо с царевной-пары стали себе жить там в свое удовольствие.

Пусть господь исполнит желания всех мусульман так, как он исполнил желания Ханджаршо.

3. Отам и Тай

Жил один царь. Отправился он однажды со своим везиром на охоту. Приехали они в степь, а тут начался снег и дождь. Едут они, едут под дождем, смотрят — стоят в поле шатры. Подъехали к этим шатрам, навстречу им вышел юноша. Этот юноша — звали его Отам — увидел, что перед ним царь и везир, одетые в нарядные одежды. Он пригласил их сойти с коней, привязал их лошадей, а самих отвел к себе в шатер.

А жил он со стариком-отцом. Потихоньку говорит отцу:

— Гости пришли, а у нас ничего нет, что будем делать?

Тот ответил:

— У нас есть семь коз, зарежь для них одну козу.

Юноша пошел и зарезал одну козу, содрал с нее шкуру, разрубил мясо. Приготовил жаркое и принес гостям. Поели они мясо раз; прошло какое-то время, еще раз поели, мясо кончилось — а снег все валит.

Отам опять пришел к отцу и говорит:

— Отец!

Тот отвечает:

— Что, сынок?

— Мясо у меня кончилось, ничего у меня больше нет. Что будем делать? Чем будем кормить гостей?

Отец сказал:

— Что поделаешь, зарежь им еще одну козу.

Отам зарезал еще одну козу, зажарил мясо и подал гостям. Приготовил разные кушанья, накормил гостей. Прошло какое-то время, и это мясо кончилось, а снег все идет.

Зарезали они третью козу, за ней — четвертую, а снег все идет. Так зарезали они всех коз, и тут снег перестал идти.

Царь и везир стали собираться в путь. Перед уходом царь сказал Отаму:

— Отам, когда будешь в нашем городе, приходи ко мне во дворец.

— Очень хорошо,— сказал Отам.

Царь с везиром вернулись к себе во дворец, царь воссел на престол и стал царствовать.

Пусть он себе царствует, а вы теперь послушайте несколько слов об Отаме.

Прошло какое-то время, Отам с отцом сидят голодные, есть им нечего. И решил Отам: «Схожу-ка я к везиру, попрошу у него что-нибудь на жизнь. Были бы у нас козы, мы бы кормились их молоком, а теперь скота у нас нет, как нам жить?»

Был у Отама осел. Сел он на осла и отправился в город. Приехал в город, отыскал дом везира, постучал в ворота. Везир вышел, увидел Отама и говорит:

— А, это ты Отам? Входи.

Привел его в дом, угостил чем было.

Поговорили они, постелил ему везир постель, а сам расстроенный стал думать, чем ему завтра гостя кормить. Накинул себе на шею с горя черную веревку и взмолился богу:

— Господи! Поддай мне что-нибудь, чтобы я мог дать людям! Ведь у меня у самого-то ничего нет!

А Отам не спал и все слышал.

Он подумал: «Ох-ох! Я собираюсь просить у везира, а он сам у бога просит! Если бог его услышит, он и меня должен слышать! Не буду я ничего у везира просить, а понадеюсь лучше на господя!»

Наутро встал чуть свет, не попил чаю, не поел хлеба, оседлал осла и отправился в путь.

Кругом весна, трава зеленеет, а он едет и грустит. Да и как ему не грустить!

«Было,— думает,— у нас семь коз, кормились мы их молоком, а теперь ничего у нас нет. Думал у везира что-нибудь попросить, а он сам бедный, сам у бога просит! Как же я теперь к отцу явлюсь?»

Ехал, ехал, в одном месте решил остановиться и отдохнуть. Привязал своего осла и улегся поспать на весенней зеленой травке. Сладко задремал и слышит во сне чей-то голос:

— Отам, что ты печалишься? Иди дальше по дороге, увидишь холм. Поднимись на самую вершину холма, потом поверни направо и пройди десять шагов. В этом месте начни копать

землю. Копай, пока не докопаешься до большого камня. Сдвинь этот камень в сторону и увидишь там вход в подземелье, а в подземелье — семь хумов Хосрова, связанных цепью. В каждом из хумов полно драгоценностей. Бери их себе и трать, сколько душе твоей угодно!

Поедешь дальше. Много ли, мало ли проедешь — увидишь большое ровное поле. В середине этого поля лежит черный камень. Поднимешь этот камень, из-под него потечет вода. Столько воды, что хватит ее, чтобы всю эту равнину оросить. Сей там все, что захочешь, все будет твое!

Отам проснулся в волнении и думает: «Какой удивительный сон я видел! А что, если это вещей сон?»

Сел на осла и поехал дальше.

Много ли, мало ли проехал, видит — холм. Как ему голос во сне сказал, взобрался он на вершину холма, повернул направо, прошел десять шагов, вынул свой большой нож и начал копать. Ножом землю роет, ладонями выбрасывает. Копал, копал, смотрит — камень. Сдвинул он этот камень, а там ход в подземелье. Спустился туда, смотрит — стоят семь огромных хумов, связанных цепью. Заглянул в один — там полно драгоценностей, заглянул в другой — и там то же. Взял он себе несколько драгоценных камней и думает: «Все мне не унести. Как бы сделать, чтобы никто больше не посягнул на эти сокровища?» И решил он оставить на них свой знак. Пустил себе кровь и пометил своей кровью каждый из хумов, дескать, когда увидят на них следы крови, тогда уж их никто не тронет. Потом поднялся наверх, снова задвинул камень, закопал все так, чтобы не было заметно, и думает: «Сейчас я дальше не поеду, сначала поеду к отцу, а уж с ним вместе поеду на ту равнину».

Поехал он домой. Приехал, а отец видит: сын пришел с пустыми руками, ничего не принес. Ну что делать, поели они, что у них было, и тут сын говорит:

— Отец, поедет со мной, я видел во сне, что в таком-то месте на равнине есть камень, если его поднять, то из-под него хлынет вода; воды этой хватит, чтобы оросить всю равнину — а земли там очень много.

И Отам рассказал ему про сокровища Хосрова, которые он нашел в подземелье на вершине холма.

Взяли они лопаты, сели на ослов и отправились к тому месту, о котором Отаму сказал голос во сне. Ехали они, ехали, приехали на широкую равнину и видят: посередине лежит камень. Стали они подкапывать этот камень, а из-под него хлынула вода — целый поток!

Отам с отцом вернулись в свой шатер. Потом Отам отправил-

ся в город и продал там несколько драгоценных камней, а на вырученные деньги нашел работников — плотников, каменщиков, ну и других. Если плотнику платили в день двадцать монет — он платил тридцать, если каменщику за тысячу кирпичей платили тридцать монет — он платил сорок. Ну и, короче говоря, вскоре построили работники на этой равнине целый город. Созвал Отам крестьян, они вспахали землю, прокопали арыки, пустили воду на поля, засеяли поля пшеницей, развели сады — все вокруг зацвело.

И чтобы возблагодарить господу, построил он странноприимный дом. Днем и ночью кормил он странников, да еще и давал милостыню. Кто бы ни пришел — все шли в приют Отама, и всех там сытно кормили и давали деньги. И разнеслась о нем слава повсюду, и прозвали его Отамом Щедрым.

В этом приюте были две двери. Через одну дверь входили, съедали угощение и в другую дверь выходили. А если входили через вторую дверь, то через первую выходили.

И вот как-то приходит один дервиш. Отам говорит своим слугам:

— Полейте дервишу на руки, накормите его, дайте ему сорок кранов.

Дервиш помыл руки, поел, взял сорок кранов и вышел через другую дверь. Вышел через другую дверь и снова вошел в нее.

Снова полили ему на руки, накормили и дали еще сорок кранов.

А дервиш говорит:

— Пусть будет стыдно отцу Отама, пусть будет стыдно матери Отама! Что у него есть, у этого Отама! Зовут его Щедрым, а он нищий!

Подошел к нему Отам и спросил:

— Почему ты так говоришь? Чем ты недоволен?

Дервиш говорит:

— Вот, сорок кранов мне дали, когда я выходил из этой двери, сорок — когда выходил из той. Что такое сорок кранов? Ничего! А вот в таком-то городе есть одна девушка по имени Тай, она тоже держит странноприимный дом. Придешь туда, встретят тебя слуги. Сойдешь с коня, привяжут твою лошадь; потом польют воду на руки — из золотого кувшина в золотой таз. Помоют тебе руки, а потом дадут еду, так вся посуда — чашки, миски — из чистого золота. А поел — бери себе всю посуду и уходи. Вот как у нее! А тебя еще зовут Щедрым! Разве это щедрость!

Услышал это Отам и решил собственными глазами посмотреть на Тай и на ее приют для странников. Велел он одному из

своих слуг держать странноприимный дом открытым, пока он уедет, не закрывать его ни днем ни ночью. Дал ему денег, дескать, трать, сколько тебе нужно, вернусь я или не вернусь — а приют пусть будет открыт.

А сам сел на коня, повернулся спиной к городу, лицом к белому свету и отправился в путь. Ехал, ехал, мало ли, много ли проехал — подъехал к приюту Тай и видит: вышло двое-трое слуг, взяли его лошадь под уздцы и увели. Потом подали ему воды в золотом кувшине, полили воды на руки. Он помыл руки, а после этого кувшин и тазик не унесли, а оставили перед ним.

Сел он есть — принесли ему плова на золотом блюде, дали золотую ложку. Он поел плова, а слуги ему и говорят:

— Возьми все это, положи себе в хурджин и ступай с богом.

А он говорит:

— Нет, я не уеду, пока не увижу вашей хозяйки.

Слуги сказали:

— Видишь, вот там стоит дворец? Там же и хозяйка живет.

Отам говорит:

— Пойдите скажите ей, что пришел один человек, который хочет ее видеть. Посмотрим, что она скажет.

— Хорошо, — говорят слуги.

Ну вот, пошли они к Тай, сказали ей, мол, тут пришел какой-то юноша, хочет тебя видеть.

Она сказала:

— Ну что ж, пусть приходит.

Пришел Отам во дворец, вошел внутрь. Тай сидит за занавеской, а для него поставили скамеечку. Он сел на скамеечку и стал разговаривать с девушкой через занавеску. И говорит:

— Девушка, что это значит? Столько людей приходит к тебе каждый день за угощением — может быть, пятьдесят, а может быть, и сто, а может быть, больше. Каждому ты даешь по четыре золотых предмета. Откуда это все берется?

Девушка спросила:

— А зачем тебе это знать? Это не твое дело!

А он говорит:

— Нет, я хочу знать!

— Ну, раз ты хочешь это знать, отправляйся в такой-то город. Перед этим городом есть холм. Рано утром туда приходит мулла, провозглашает там азан. И, провозгласив азан, он начинает смеяться. А посмеявшись немного, он плачет. Поплачет, поплачет, а потом садится на коня и уезжает. Узнай, почему мулла так делает. Когда узнаешь и вернешься — я тебе расскажу, откуда у меня столько золота.

Отам сел на коня, день в одном месте, ночь в другом, при-

ехал к тому городу, увидел перед городом холм. Притаился у подножия холма, стал ждать.

Рапо утром к холму приехал всадник. Слез с коня, привязал его, взошел на вершину холма, прокричал азан. Засмеялся, а потом заплакал. Поплакал, сел на коня и ускакал.

Отам поехал за ним вслед. Ехал, ехал, видит: всадник подъехал к дому, привязал коня и вошел в дом. Отам тоже сошел с коня, подошел к двери и постучал. Хозяин спросил из-за двери:

— Кто это?

Отам ответил:

— Гость, чужеземец.

Тот сказал:

— Гостя посылает бог, входи!

Привязал его лошадь, принял как дорогого гостя, угостил. Наступил вечер, они беседуют друг с другом. Наконец, Отам спрашивает:

— Мулла, почему ты так делаешь? Двенадцать месяцев в году каждый день утром поднимаешься на вершину холма и провозглашаешь азан. Провозгласив азан, смеешься, а засмеявшись — плачешь. Что это значит?

Мулла сказал:

— А зачем тебе это знать? Тебе это знать не нужно.

Отам говорит:

— Нет, я хочу это знать.

Мулла сказал:

— Если ты хочешь это знать, ступай в такой-то город. Там есть один юноша. Каждое утро он нагружает четырех мулов рисом, мясом и другой снедью, едет на берег реки и там, на берегу, до самого вечера варит плов, устраивает угощение для всех, кто ни пожелает. Все, что остается к вечеру, он бросает в реку. Зачем он так делает? Пойди спроси у него!

И вот бедный Отам наутро снова оседлал своего коня и отправился в путь. Сегодня здесь, завтра там, из одной долины в другую, приехал в тот город, переночевал там, наутро видит: действительно, какой-то юноша нагрузил четыре-пять мулов мясом, рисом и другой снедью и отправился на берег реки.

Отам пошел за ним, видит: действительно, тот юноша на берегу реки сварил плов, кормит всех, кто ни пожелает. До вечера так кормил всех, а вечером все, что осталось, бросил в реку и вернулся домой.

Отам поехал за ним вслед. Когда юноша вошел в дом, Отам подошел к двери, постучал.

Юноша спросил:

— Кто там?

Отам ответил:

— Я чужеземец, ищу пристанища.

Юноша говорит:

— Входи, гостя посылает бог.

Отам вошел, и юноша принял его как гостя.

Отам потом спросил у него:

— О юноша, что это значит? Двенадцать месяцев в году ты каждый день утром нагружаешь четыре-пять мулов рисом и мясом, едешь на берег реки, варишь там плов и кормишь всех, а что остается бросаешь в реку и возвращаешься домой. Почему ты так делаешь?

Юноша отвечает:

— А тебе что за дело, зачем ты меня спрашиваешь?

— Да просто я хочу это понять,— говорит Отам.

Юноша сказал:

— Если ты хочешь это понять, поезжай в такой-то город. Там есть царь, его зовут Беззаботный Ахмад. Он каждое утро выходит на площадь, ставит свой царский престол, созывает музыкантов, они играют на сазах, народ веселится, царь угощает всех — и так до самого вечера. А когда наступает вечер, все расходятся. Ведь он же царь, зачем он так делает? Пойди узнай у него, приходи и скажи мне. Тогда и я скажу тебе, в чем моя тайна.

И снова Отам пустился в путь. Сегодня здесь, завтра там — ехал, ехал, пока не достиг того города, где царем был Беззаботный Ахмад. Приехал туда к вечеру, переночевал, а наутро смотрит: действительно, царь велел вынести свой трон на площадь, созвал музыкантов, люди собрались — кто водку пьет, кто вино, кто жаркое ест, музыка, веселье до самого вечера. А вечером все расходятся по домам.

Вечер наступил, Отам пошел в царский дворец, постучал в ворота. Слуги спросили:

— Кто там?

Отам ответил:

— Чужеземец, гость.

— Входи, входи, очень хорошо,— говорят ему.

Отам вошел, его провели в царские покои, принесли угощение. Он поел, зашла у них с царем беседа о том о сем. Наконец Отам спросил:

— О царь Ахмад! Почему двенадцать месяцев в году ты каждое утро велишь ставить твой трон на площади, садишься на трон, созываешь музыкантов, веселишься, слушаешь музыку до самого вечера? Ведь ты же царь, тебе это не пристало!

Царь спросил:

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

Отам говорит:

— Мне нужно это знать.

А царь и говорит ему:

— Если я и скажу тебе об этом, то после этого в живых не оставлю.

— Ну что ж,— говорит Отам,— захочешь меня убить — убивай, но только сначала расскажи мне, в чем тут дело.

— Лучше бы тебе не спрашивать,— говорит царь.— Ну уж, если согласен умереть, я тебе расскажу.

И царь начал рассказывать:

«Была у меня когда-то жена, я очень любил ее, а она очень любила меня. И мы дали друг другу клятву, что, если я умру, жена не выйдет больше замуж, а если она умрет — я не возьму себе другую жену.

И вот по воле случая жена моя заболела. Жена заболела, и я отправил ее в другой далекий город. Отправил я ее туда, чтобы там она вылечилась от своей болезни.

Прошел месяц, и от моей жены приходит письмо, мол, мне совсем плохо. Еще прошло несколько дней, и снова приходит письмо, дескать, конец мне, я умираю.

Прочел я это письмо, пришел в отчаяние и оскопил себя, чтобы никогда больше не смотреть на других женщин — как мы с ней уговорились.

Прошел месяц, другой, и вот возвращается моя жена — здоровая, еще здоровее прежнего.

Одна ночь прошла, другая, она спрашивает меня:

— В чем дело? Что с тобой случилось?

Я сказал ей, мол, у нас с тобой был уговор, и когда пришло от тебя то письмо...

— Эх ты, какие там уговоры! Плевать я хотела на эти уговоры! Мне не уговоры нужны, мне другое нужно.

Я сказал ей:

— Если тебе нужно другое, то вот у меня есть раб, купленный за золото. Провались ты в преисподнюю, иди к этому рабу.

И вот она спит с моим черным рабом в моем доме. Я — беззаботный? Да тех забот, что есть у меня, нет ни у кого на свете!

Теперь ты все знаешь, и теперь я тебя должен убить!»

Отам сказал:

— Хорошо, но дай мне совершить омовение и помолиться.

— Ладно,— говорит царь Ахмад.

Отам взял кувшин, пошел в укромное место, совершил омовение, прочитал намаз — а потом вскочил на коня и удрал отсюда. Царь смотрит, а Отама и след простыл.

Что стало потом с этим Ахмадом Беззаботным — я не знаю, а Отам приехал к тому юноше, что днем варил для людей плов, а вечером остатки выбрасывал в реку.

Остановился у него на ночлег, стали они беседовать. Отам рассказал ему всю историю Ахмада Беззаботного, а потом говорит:

— Теперь ты расскажи, почему ты так поступаешь?

— Ну хорошо,— говорит тот.— Теперь я расскажу тебе свою историю:

«Шел я как-то по этому городу и слышу, как какой-то человек кричит:

— Сорок дней отдыха — один день работы! Сорок дней отдыха — один день работы!

Я решил, что это работа для меня, лучше этой работы нет! Пошел к нему и сказал:

— Я наймусь к тебе на эту работу.

Нанялся я к нему на работу и сорок дней, сорок ночей ел плов. Днем и ночью только ел да спал. Ну и разжирел я, шея вот такая стала! Прошло сорок дней, на сорок первый день купец привел годовалого тельца и четырех мулов, пришел ко мне и сказал:

— Сорок дней ты отдыхал, а сегодня настало время работать. Пошли!

Повел он меня на берег реки и там возле огромной скалы приказал мне:

— Зарежь этого бычка, сними с него шкуру целиком.

Я снял с него целиком шкуру, сделал бурдюк, он его надул и положил сушиться на солнце. Потом он говорит:

— Принеси дров, разведи огонь!

Я принес дров и развел огонь. Он говорит:

— Поджарь мяса и поешь!

Я отрезал мяса, поджарил и поел. Пока я ел, шкура высохла. Он и говорит мне:

— Залезай в эту шкуру.

Я залез в эту шкуру, он завязал бурдюк сзади. Прошло немного времени, слышу, купец издали кричит:

— Вылезай!

Вылез я из этого бурдюка, смотрю, я на вершине той отвесной скалы, у подножия которой мы с купцом бычка зарезали. Осмотрелся вокруг — а там россыпи драгоценных камней. Купец кричит мне: «Сыпь вниз камни!» Я стал пригоршнями бро-

сать камни вниз, и он наполнял ими мешки и грузил на мулов. Нагрузил пять мулов и собрался уходить. Я кричу сверху:

— А как мне теперь отсюда спускаться?

Тот кричит мне в ответ:

— А ты посмотри, там никого нет? Если есть, спроси у них!

Посмотрел я — тут мертвец, там скелет! С одной стороны пропасть, вниз никак не спуститься. С другой стороны отвесная скала над рекой. Думал я, думал — все равно погибать, так лучше брошусь я в воду.

Когда купец ушел, я бросился со скалы в реку. Вода понесла меня, я смотрю — плывет какая-то доска. Уцепился я за эту доску, и понесла она меня к берегу. Вышел я на берег, а из воды высунулась голова огромной рыбы — оказывается, это я за ее плавник держался. Рыба говорит:

— Это тебе за доброту твоего отца.

— А что хорошего сделал тебе мой отец? — спросил я.

Рыба сказала:

— Когда я еще была маленькой рыбкой, была засуха, осталась здесь только небольшая лужица с водой, я плавала в ней. А твой отец был пекарем, он каждое утро и каждый вечер приносил сюда остатки хлеба, муки и бросал их в лужу. Если бы не он — я бы с голоду умерла. А так я выжила, а потом выросла в большую рыбу — и все это по доброте твоего отца.

И уплыла.

А я вернулся и месяц-два жил в городе, нигде не показывался. Потом опять пошел на базар, смотрю: этот купец опять ходит и выкликает:

— Сорок дней отдыха, один день работы!

Я пошел и сказал:

— Я нанимаюсь на эту работу.

А он меня к тому времени уже забыл и говорит:

— Пошли.

Опять повел он меня к себе, стал кормить меня пловом. Сорок дней я ел плов, а потом он сказал:

— Теперь идем работать!

Опять взял однолетнего бычка, опять взял он пять мулов, и пошли мы на берег реки. Все опять как в прошлый раз, но теперь я уже знаю, как все будет...

Зарезал я бычка, содрал шкуру, изготовил бурдюк, надул его, положил сушиться на солнце. Принес дров, развел огонь, поджарил мяса, поел.

Купец говорит:

— Теперь полезай в бурдюк.

— Я никогда не забирался в бурдюк,— отвечаю я.— Покажи мне, как в него залезть, тогда и я полезу.

Купец залез в бурдюк, я завязал его там, а сам притаился в ложбинке и смотрю, что будет дальше.

Прилетели два-три огромных стервятника, подняли бурдюк и понесли его на вершину скалы. Там они клювами разорвали шкуру, купец вышел и кричит мне:

— Ну что, добился ты своего?

Я говорю:

— В прошлый раз было по-твоему, а в этот раз вышло так, как я хотел. Но выход-то оттуда есть, просто ты его не знаешь. Давай, сыпь сверху драгоценные камни.

Он стал сыпать драгоценные камни, я нагрузил ими пять мулов. Нагрузил и говорю:

— Счастливо оставаться, а я пойду себе с богом. Оставайся там, а я пошел.

Привел я этих мулов и стал продавать драгоценные камни. И сколько я ни трачу — все конца нет. И за все это я обязан той рыбе, что меня спасла. Теперь каждый день на берегу реки во имя господина кормлю всех пловом, а остатки бросаю в воду. И буду так делать до конца дней своих.

Вот и весь мой рассказ».

Ну, легли они спать, а наутро Отам ушел оттуда. Отправился к тому мулле.

К вечеру приехал к мулле и остановился у него на ночлег. Рассказал ему о том юноше, что каждый день устраивает на берегу реки угощение для всех, а остатки бросает в реку. Все — от начала до конца — рассказал ему.

Настала очередь муллы, теперь должен рассказывать мулла.

Ну, мулла и говорит:

— Раз ты все это мне рассказал, то и я расскажу тебе о своей жизни:

«Был я еще совсем молодым и подымался на тот холм и провозглашал с него азан. И вот однажды прилетела большая птица и села недалеко от меня. Я прокричал азан и хотел поймать эту птицу, подкрался и схватил ее, а она взмыла в небо и унесла меня с собой. Опустила меня на землю возле какого-то города и оставила там.

Через некоторое время смотрю — выходит из города красавица-пари, такая прекрасная, что подобной ей в мире нет. Она говорит:

— О мулла!

Я спрашиваю:

— Что?

Она говорит:

— Я влюбилась в тебя с первого взгляда. Я — та самая птица, что принесла тебя сюда. Я возьму тебя в мужа, но что бы я ни делала, ты у меня ответа не требуй и не перечь мне. А если только будешь перечить, я верну тебя туда, откуда унесла. и больше ты меня никогда не увидишь. Если ты согласен — хорошо, а если нет — я могу сразу отнести тебя обратно.

Я, увидев такую красавицу, сразу согласился:

— Как бы ты ни поступала, мне до этого дела нет.

Она увела меня и заключила со мной по всем правилам брак, и я взял ее в жены.

Ну, чтобы не растягивать мой рассказ — прошло девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут, бог послал нам сына.

Она подвела ему глаза¹, запеленала, сделала все как нужно и крикнула:

— Эй, лев!

Тотчас прибежал рычащий лев. Она отдала ребенка в пасть льву, лев схватил его и унес. И больше я его не видел.

Прошел еще год-полтора, и снова бог дал нам сына. Она выкупала ребенка, подвела ему глаза, одела в нарядные одежды, запеленала и крикнула:

— Эй, вода!

С плеском притекла вода, она бросила ребенка в воду.

И снова прошел год-полтора, и снова бог послал нам сына. Она его выкупала, запеленала, подвела ему глаза и закричала:

— Эй, волк!

Прибежал волк. И только она начала: «Волк...», как я воскликнул:

— Стой! Одного ты уже отдала в пасть льву, другого бросила в воду, а этого хочешь бросить волку?! Я не отдам, это мое дитя!

Тогда она говорит:

— Возьми своего ребенка! И тех других ты тоже хочешь увидеть?

— Да,— сказал я.

И тогда она крикнула:

— Эй, лев!

Появился лев, она крикнула ему:

— Принеси ребенка!

И лев принес пятилетнего ребенка, красивого, вот с такими глазами.

Пари сказала мне:

— Посади его к себе на колени! — И закричала: — Вода!

Заплескалась вода. Пари и ей приказала:

— Принеси ребенка.

Вода принесла четырехлетнего мальчика.

— Посади и этого себе на колени. Одного на одно колено, другого — на другое, сиди и любуйся ими досыта.

Ну, сколько человек может так сидеть! Час, два, больше ведь не может. И тогда пари спросила:

— Ну что, налюбовался властью?

— Да, — ответил я.

— Ну хорошо.

И снова позвала льва, и дала ему старшего из детей. А потом позвала воду и бросила туда второго. Кликнула волка, и волк унес третьего.

А потом превратилась в птицу, подхватила меня и принесла сюда.

И с тех пор каждое утро я прихожу на тот холм, чтобы прокричать призыв к молитве.

И когда я провозглашаю азан, я вижу, что моя птица-пари сидит рядом. И я начинаю смеяться от счастья, но как только я засмеюсь, я вижу, что птицы уже нет, и тогда я плачу. Вот и весь мой рассказ».

Отам переночевал у муллы и утром отправился в путь. Много ли, мало ли шел — и пришел к девушке, которую звали Тай. Он рассказал ей то, что ему поведал мулла.

И тогда начала говорить Тай:

«Мой отец был царем. Откуда-то досталась ему чудесная трава кимийё, превращающая в золото всякого, кто ее съест.

Стал он собирать у себя гостей — по четыре, по пять, по десять человек. Готовил для них плов и посыпал сверху этой травой. И гости, поев этой травы, превращались в золото. А золото он складывал у себя в сокровищнице. Вот какие страшные дела делал мой отец!

Я выросла, исполнилось мне восемнадцать лет, и я догадалась, в чем тайна моего отца, как он губит людей одного за другим.

Я узнала, где он хранит эту траву, и взяла себе немножко.

А потом сказала матери:

— Позови сегодня вечером отца к нам, давай угостим его пловом.

Она позвала отца, отец пришел, подали плов, а я незаметно подсыпала в плов этой травы.

Поел отец плова и превратился в золото, и я велела отнести это золото в сокровищницу.

А потом надела царские одежды, и сама воссела на престол

Велела созвать всех золотых дел мастеров, которые только были в моем царстве. Стали мастера делать из этого золота блюда, чаши, кубки и за несколько лет заполнили сокровищницу золотой посудой. А потом открыла я странноприимный дом и стала всем раздавать в нем бесплатное угощение². И каждому, кто поест в этом доме, я даю золотую посуду, из которой он ел, и отпускаю с миром — может быть, простятся грехи моего отца».

На этом она кончила свой расказ.

Тогда Отам стал рассказывать ей все, что произошло с ним: как он нашел хумы Хосрова с драгоценными камнями и источник с водой, как он оросил поля и посадил сады вокруг этого источника и открыл постоялый двор для странников.

— Я не буду засылать к тебе сватов,— сказал Отам.— Меня зовут Отам, тебя — Тай. Согласна ли ты взять меня в мужья?

— Согласна,— сказала Тай.

Семь суток били в барабаны и в бубны, гремела музыка — Отам взял в жены Тай.

И так, как господь исполнил желания Отама и Тай, пусть он исполнит желания всех мусульман.

4. Ландаур

Было не было, а царем сорока островов Индии был царь Садон. Однажды царь Садон отправился на охоту вместе со своей свитой. Случилось так, что Садон отстал от своей свиты и шел один. Шел он, шел, а было очень жарко, и ему захотелось пить. Видит: стоит какой-то дом, а к дому идет девушка, несет воду в кувшине — набрала воды в источнике и несет домой.

Царь Садон крикнул ей:

— Дай мне напиться, я хочу пить!

Только он крикнул, как девушка опрокинула кувшин и вылила всю воду на землю.

В гневе Садон выхватил меч и бросился на девушку, чтобы ее убить.

— Я убью тебя! — закричал он.— Зачем ты вылила воду, я же сказал тебе, что хочу пить?!

— Тут рядом есть источник,— говорит девушка,— пойдй напейся воды из источника. Пойдем со мной, я покажу тебе, где он.

Подошли они к источнику, девушка зачерпнула чашей воды и подала царю, не выпуская чашу из рук. Только царь успел сделать два-три глотка, как она потянула чашу к себе.

Садон, страдая от жажды, в гневе схватился за меч — мол, я ее убью. А девушка отпустила чашу и говорит:

— Пей, пей, что ты гневаешься!

Снова от отпил немного, и она опять потянула чашу к себе. Царь опять пришел в ярость, и тогда она дала ему сделать несколько глотков, а потом снова отняла чашу. И снова она дала ему воды, только когда он схватился за меч. Тогда только царь напился и говорит девушке:

— Теперь я тебя убью.

— За что же ты хочешь меня убить? — спрашивает девушка.

— Ведь я с самого начала сказал тебе, что хочу пить! Почему ты вылила всю воду из кувшина? А потом, когда я выпил три-четыре глотка из чаши, ты отняла ее у меня. И во второй раз, только я начал пить, как ты мне помешала. Только в третий раз я смог напиться!

— Хотя ты и царь, а ума у тебя нет, — сказала девушка.

— Почему это ума нет? — спросил царь.

— Если бы я сразу, когда ты изнемогал от жажды, дала тебе воды вволю, у тебя живот распух бы и ты бы умер, — сказала девушка. — И когда я отнимала у тебя чашу, я тоже не хотела, чтобы ты сразу выпил много воды: она могла бы тебе повредить. Я убереж тебя хотела!

Гнев Садона утих, и он спросил:

— Ты чья дочь?

— Я дочь пастуха, живу в этом доме, — отвечает девушка.

Повернулась и пошла домой, а Садон пошел за ней следом. Пришли к ней в дом, и отец девушки, увидев, что перед ним царь, принял его как дорогого гостя, оказал ему почести. Царь остался там на ночлег, а наутро вернулся к себе во дворец. Вернувшись на царский престол, Садон послал гонца к пастуху и по мусульманскому обряду посватался к его дочери. Пастух отдал свою дочь за Садона.

Устроили свадьбу, семь суток били в барабаны, стучали в бубны, гремела музыка — Садон взял себе в жены дочь пастуха.

Через девять месяцев, девять дней и девять часов бог послал Садону сына. И родился этот сын таким большим и рос так быстро, что назвали его Ландауром¹. Приставили к нему семьдесят кормилиц — так много он ел.

Когда Ландауру исполнилось два-три года, его отец — царь Садон — умер. У Садона был брат Шопул, он и воссел на царский престол. Так решил великий царь Ануширван Справедливый.

Год прошел, другой, еще один — словом, Ландаур вырос,

стало ему тринадцать-четырнадцать лет. Однажды он играл с детьми на улице, а погонщик слонов (в Индии же много слонов) как раз вел по улице слона. Слон случайно толкнул Ландаура, тот расสวิрепел и ударил слона по уху. Слон упал и издох.

Погонщик пошел жаловаться царю — дескать, твой племянник одним ударом моего слона уложил. А дети тем временем говорят Ландауру:

— Ну, теперь тебе не поздоровится. Иди спрячься, пока тебя не побили за этого слона.

Ландаур пошел и спрятался у себя дома. А царь Шопул послал двух слуг — дескать, пойдите приведите Ландаура.

Слуги пошли искать Ландаура. С трудом нашли его и говорят:

— Иди скорей, тебя дядя зовет.

А он им говорит:

— Никуда я не пойду. Сейчас возьму вас обоих за шиворот и так стукну лбами, что вы в лепешку превратитесь.

Слуги услышали это, испугались и убежали. Пришли к царю и говорят:

— Ландаур не идет, а нам угрожает, что расправится с нами. Мы с ним ничего поделывать не можем.

Царь Шопул спросил:

— Кто может привести Ландаура?

Везир говорит:

— Я пойду приведу его.

— Иди,— говорит царь.

Везир пришел к Ландауру и говорит:

— Ландаур, тебя твой дядя зовет, пошли.

Ландаур опять говорит, мол, я не пойду к нему, зачем мне к нему идти? Везир стал его уговаривать, дескать, он царь, надо пойти, а тот ничего не слушает, уперся — не пойду и все.

Тогда везир пошел на хитрость.

— Я,— говорит,— был везиром у твоего отца, я знаю, что престол по праву принадлежит тебе. Конечно, пока ты был маленьким, должен был править твой дядя, а теперь ты уже вырос, теперь тебе пора сесть на престол. Потому-то я и зову тебя к царю.

— Ты меня обманываешь! — говорит Ландаур.

— Нет, я говорю правду,— отвечает везир. А сам только и думает о том, как затянуть его к царю.

Ну, уговорил он Ландаура, повел к царю. Привел Ландаура, тот стоит как истукан, не здоровается, не кланяется.

А везир никак не решается открыть рот и сказать царю,

мол, Ландаур пришел потому, что хочет сесть на престол,— как бы царь не разгневался.

— О вероломный везир,— говорит Ландаур.— Ты меня привел сюда, а теперь молчишь? Почему ты не говоришь царю о деле, за которым мы пришли?

Тогда везир говорит:

— О царь Шопул, пусть Ландаур правит на месте своего отца!

А сам подмигивает царю, дескать, соглашайся пока, а там мы с ним расправимся!

Царь сначала для вида немного поспорил с везиром, говорит, мол, Ландаур еще ребенок.

Тут Ландаур сразу сказал:

— Нет, я буду править.

Ну, царь и согласился. А в те времена был такой обычай, что когда царь впервые садится на престол, ему приносят богатое угощение.

Принесли Ландауру угощение, а сверху по приказу царя насыпали дурманного зелья, дескать, пусть он съест и уснет.

Принесли угощение, а Ландаур и говорит:

— Если мне принесли обед, пусть его едят и царь, и везир, и векиль. Я только с ними вместе буду есть.

Ну, тем деваться некуда, они съели по куску, по два, и Ландаур вместе с ними. И все четверо упали без чувств. Везира, векиля и самого царя Шопула привели в чувство, а Ландаур лежит. Заковали его в цепи, так что он и пошевелиться не может.

Так его закованного и отправили в другой город и там бросили в темницу. Ни днем ни ночью не снимают с него цепей. Ночью он и спать не может — цепи мешают.

Тем городом правили два витязя-богатыря, а у них была сестра. И вот однажды эта сестра увидела сон. Приснилось ей, что она должна освободить Ландаура и тот станет ее мужем.

Девушка утром приготовила угощение и пошла в темницу. Стражники в темнице узнали, что это сестра тех богатырей, что правят городом, и спросили ее:

— Чего ты хочешь?

Опа сказала:

— Я видела ночью сон, что должна сделать богоугодное дело, отнести пленнику еды.

Стражник открыл темницу и впустил ее, а сам остался снаружи. Ключи дал ей, мол, когда выйдешь, закрой дверь на замок и отдашь потом ключи мне.

Она вошла, дала Ландауру поесть, а одним из ключей отперла замки на его цепях. Потом вышла, заперла дверь, отдала

ключи стражнику и ушла. А Ландаур, который много ночей из-за этих цепей не спал, положил их себе под голову и спокойно заснул.

Стражник слышит: все тихо, не слышно стонов — раньше-то Ландаур все время стонал — открыл опять дверь, вошел и видит, что все цепи Ландаур снял и спит себе. Ничего стражник не сказал, вышел, закрыл темницу и послал человека к тем богатырям — властителям города, сказать, мол, ваша сестра пришла и освободила Ландаура.

Оба они тотчас вскочили и побежали в темницу. Стражник отпер им двери, они вошли в темницу, Ландаур услышал, что они вошли, и зашевелился.

Тогда один из них навалился на плечо Ландаура, другой — на другое плечо, чтобы он не вырвался и не убежал.

А Ландаур схватил их обоих за шиворот и говорит:

— Если бы ваша сестра не принесла мне поесть, если бы не отведал я вашего хлеба-соли, то так бы ударил друг о друга, что один из вас другого насквозь проткнул бы. А ради вашей сестры отпускаю вас. Уходите, я вас пощадил.

Те ушли к себе, позвали свою сестру и спрашивают ее:

— Зачем ты пошла и сняла цепи с Ландаура?

Та и говорит им, дескать, я видела во сне, что должна освободить Ландаура и стать его женой. И стала она их умолять, чтобы они позвали Ландаура в гости и выдали ее за него.

Те думали, думали, потом один другому говорит:

— Ведь он пощадил нас, сохранил нам жизнь. Пусть будет так, как она просит.

Они велели пригласить Ландаура в дом, оказали ему почет, позвали и свою сестру.

Короче говоря, выдали они свою сестру за Ландаура, и весть об этом дошла до царя Шопула, дескать, Ландаур на свободе, цепи с него сняли, те два правителя отдали за него свою сестру.

Царь Шопул понял, что надо ему теперь остерегаться Ландаура, и велел построить вокруг своего города булатную стену.

А тем временем Ландаур созвал мастеров и приказал им изготовить для себя палицу. Мастера изготовили огромную палицу, он взял ее и подбросил — чуть не до самого неба. Поймал и снова подбросил. А потом говорит:

— Ну что ж, неплохая палица.

Взвалил он себе палицу на плечи и пешком отправился в путь.

Шел, шел, подошел к тому городу, где жил его дядя Шопул.

Увидел он, что вокруг города — булатная стена, ударил по

ней своей палицей так, что она развалилась. И начал бить всех подряд своей палицей.

Жители города побежали к Шопулу, говорят ему:

— Там пришел Ландаур и крушит все вокруг своей палицей. Отдай ему царство, не то он и нас в живых не оставит! Мы-то в чем виноваты?

Шопул позвал Ландаура и сказал ему:

— Ландаур, когда умер твой отец, Ануширван Справедливый дал царство мне, а не тебе! Я царствую по праву.

— Ну и иди, проси помощи у Ануширвана, а царствовать буду я,— говорит Ландаур.

Он согнал Шопула с трона, забрал у него престол и изгнал из города. Шопул ушел в лес и стал там отшельником.

Прошло какое-то время, и Шопул решил написать письмо, пожаловаться Ануширвану, дескать, Ландаур меня притесняет, он изгнал меня с престола, теперь я вынужден стать отшельником.

Дал это письмо одному человеку и говорит ему:

— Иди в город Мадаин, Ануширван Справедливый живет там. Там на площади на столбах висят цепи. Если эти цепи задеть, они зазвенят на весь город и Ануширван сразу поймет, что кто-то ищет у него защиты. Ты толкни одну из этих цепей, раздастся звон. Потом приедут слуги Ануширвана и отведут тебя во дворец. Отдай ему письмо и больше ни о чем не говори. Услышишь, что скажет Ануширван, потом приходи обратно.

Тот человек взял письмо и пошел. День в одном месте, день в другом, шел, шел, пока не пришел в Мадаин — город, в котором жил Ануширван Справедливый.

Пришел в Мадаин, видит: действительно, стоят на площади столбы, к ним подвешены цепи. Стукнул он ногой по одной из цепей — цепи загремели, зазвенели.

Ануширван Справедливый услышал это и сказал:

— Приведите ко мне того странника, что гремит цепями. Я спрошу, что ему нужно.

Слуги Ануширвана пошли и привели гонца во дворец. Гонец подал Ануширвану письмо. Ануширван прочитал письмо и спрашивает у своих придворных:

— Кто может привести ко мне Ландаура живым?

Придворные посоветались друг с другом и говорят:

— Никто, кроме Амира-Амзы, этого сделать не может.

Ануширван говорит:

— Позовите Амира-Амзу.

Позвали Амира-Амзу, Ануширван рассказал ему все, и тогда Амир-Амза сказал:

— Я приведу Ландаура живым, но обещаю тебе отдать тогда за меня свою дочь Мир-Нигор.

Ну и Ануширван поклялся ему, что, если тот приведет Ландаура, он отдаст ему в жены свою дочь. Амир-Амза взял с собой сорок воинов и отправился в путь.

Пусть они себе идут, а ты послушай несколько слов о богатыре по имени Густаманд.

Этот богатырь тоже принадлежал к свите Ануширвана. Услышал он, что Ануширван обещал выдать свою дочь за Амира-Амзу, если тот приведет Ландаура, позавидовал ему и решил: «Пойду-ка я тоже за Ландауром, пусть дочь Ануширвана достанется мне, а не ему».

Задумал он перехитрить Амира-Амзу: отправился другим путем, чтобы оказаться впереди. Обошел Амира-Амзу, а тот об этом ничего и не знает.

Густаманд со своей дружиной идет и грабит все селения и усадьбы, что встречаются на пути, отнимает у людей ячмень и пшеницу, ничего не оставляет Амиру-Амзе.

Так дошел он до моря, где стояли корабли, и всем корабельщикам сказал:

— Уплывайте все отсюда, за мной идет один араб, он и вас всех перебьет, и корабли все ваши разломает.

Сам сел на один из кораблей и поплыл к стране Ландаура, а оставшиеся корабельщики отогнали свои корабли оттуда, и сами кто совсем уплыл, кто попрятался на берегу, где только можно было.

Пусть себе Густаманд плывет, а ты послушай несколько слов об Амире-Амзе.

Идет Амир-Амза от села к селу, от усадьбы к усадьбе, просит у людей хлеба для себя и для дружины, ячменя для лошадей, а ему все говорят:

— Тут проходил один богатырь, он забрал у нас все, что мы имели.

Амир-Амза говорит, мол, я у вас купить хочу еды и корма, я силой у вас ничего не возьму, а те разбегаются, прячутся, боятся, что он их притеснять будет, как Густаманд притеснял.

Так и пришлось им идти голодными до самого моря. Пришли к морю, а там никого нет, пусто — ни корабельщиков, ни кораблей. Приказал он дружинникам обыскать все вокруг, нашли они одного старика, спрятавшегося между камнями.

— Почему ты спрятался? — спросил Амир-Амза.

— Тут приходил один богатырь по имени Густаманд, — ответил старик. — Он нам сказал, мол, следом за ним идет один араб, всех грабит и убивает. Он, мол, все ваши корабли пере-

ломает, а вас самих убьет. Мы от страха перед ним и попрыгались.

— Мы,— сказал Амир-Амза,— мусульмане, мы вас не тронем.

Ну, постепенно собралось несколько корабельщиков, пригнали они четыре-пять маленьких лодок. Корабельщики сказали:

— Мы знаем, как надо плыть, чтобы опередить Густаманда. Даже если он и на день раньше отплыл, мы его догоним. Наш путь будет, правда, опаснее, но зато не такой длинный.

Ну и пустились они в путь. Плыли они, плыли, долго плыли и наконец доплыли до одного острова. Смотрят: на этом острове всего полно — и виноград растет, и инжир, и грецкий орех, и гранаты.

Один из богатырей — звали его Амри-Айор — сказал:

— Ну, уж тут-то мы должны пристать к берегу, полакомиться фруктами.

— Это место страшное, эти сады охраняет страшный Осьминог, он нас всех погубит,— говорят моряки.

— Нам-то что, мы его не боимся,— говорят богатыри.

Сколько моряки их ни уговаривали, те не соглашались.— так уж им хотелось после долгого плаванья поесть сладких плодов.

— Ну, дело ваше,— говорят корабельщики.

Причалили к берегу, и все сразу набросились на виноградник, стали есть виноград. А виноград — часть на кустах, а часть уже на землю упала, он уже там забродил, в вино превратился.

Ну вот, лакомятся они виноградом, а тут Осьминог подкрался, обвил тех, кто был поближе, своими страшными щупальцами и начал давить. Тут Амри-Айор закричал:

— О Осьминог, отпусти их, они не знали, что эти плоды и виноград нельзя есть, они больше их не тронут, разреши им поесть только то, что упало на землю.

— Вы меня обманываете,— говорит Осьминог,— то, что лежит на земле, несъедобно, того есть нельзя.

— Мы так давно не ели, мы хотим есть, а это очень вкусно, попробуй сам!

Осьминог попробовал немного, сразу опьянел и заснул. Амри-Айор перерубил ему щупальца и освободил всех богатырей. Они поели всласть плодов, взяли еще с собой, сели на корабль и поплыли через море.

Плыли, плыли, наконец переплыли, пристали к берегу, пересели на коней и поехали дальше.

Поскакали во весь опор и прискакали в город, где царство-

вал Ландаур. Разбили свои шатры возле города, остановились на ночлег. Пришла ночь, а наутро Амир-Амза спрашивает у своих богатырей:

— Кто из вас сходит в город, в царский дворец и посмотрит, что там делается с Ландауром?

Амри-Айор сказал:

— Я пойду.

Пошел он ко двору Ландаура, смотрит, роскошный дворец, все вельможи одеты в золото, все придворные — от мала до велика — в златотканых одеждах. Слуги держат над головой Ландаура венец с драгоценными камнями, такой красивый, что и сказать нельзя. Амри-Айор смотрел, смотрел на венец, потом громко говорит:

— Венец неплохой, но несколько камней в нем с изъяном.

Все смотрят на него: что это за чужак здесь появился, что при царе говорит такие речи?

А Ландаур спрашивает:

— Кто ты такой и откуда ты знаешь, что в этих камнях есть изъян?

— Я сын ювелира, — отвечает Амри-Айор. — Мой отец торговал драгоценностями и научил меня разбираться в камнях. Дай мне венец, и я покажу тебе, какие камни в нем хорошие, а какие плохие.

Дали венец ему в руки, он начал перечислять, мол, этот камень хороший, а этот с изъяном. Говорил, говорил, а потом вместе с венцом бросился бежать. Пока спохватились да побежали за ним — его и след простыл. В несколько мгновений он оказался перед Амиром-Амзой и говорит ему:

— Вот я принес тебе венец Ландаура!

А тот отвечает:

— Кто тебя об этом просил? Я же просил тебя только посмотреть на Ландаура! Ну, теперь не миновать боя! Сейчас Ландаур, наверное, уже тебя разыскивает. — Приказал привести своего коня, сел на него и выехал в сторону города Ландаура.

Тем временем Ландаур велел своим слугам:

— Приведите мне боевого слона.

Ему привели слона, он сел на него верхом, взял в руки палицу и сказал:

— Этого чужака, что выдает себя за сына ювелира, я одним ударом палицы превращу в прах! — И поехал по той дороге, по которой убежал Амри-Айор.

Так они с Амиром-Амзой едут друг другу навстречу, и когда Амир-Амза увидел Ландаура, он закричал:

— Защищайся, Ландаур, я вызываю тебя на поединок!

А Ландаур говорит:

— Мне до тебя дела нет, я ищу того проклятого сына ювелира, что украл мой венец. Пусть он мне только попадется, я так ударю его своей палицей, что от него мокрое место останется.

Амир-Амза отвечает ему:

— Сражайся со мной, я за него. Бей ты первым, а потом моя очередь.

Ландаур размахнулся своей палицей, ударил, а Амир-Амза увернулся от удара так, что Ландаур чуть со слона не свалился.

Потом ударил Амир-Амза, тоже не попал. Так они долго сражались, никто не мог одержать верх.

И тогда Амир-Амза говорит:

— Ландаур, раз здесь никто из нас не может одержать верх, давай бороться. Пусть выстроится с одной стороны твоя дружина, с другой стороны — моя. Мы выйдем и будем бороться перед строем войск. Приходи со своей дружиной к моим шатрам.

— Нет,— говорит Ландаур,— будь ты у меня гостем вместе со своей дружиной сегодня вечером, а наутро устроим борьбу.

Амир-Амза согласился. Ну и каждый из них отправился к себе — Ландаур в свой город, а Амир-Амза — к своим шатрам. Пусть они себе едут, а ты послушай о Густаманде.

Густаманд пересек море, высадился на берег и отправился к городу Ландаура. Едет он, едет со своими всадниками, смотрит — стоят в поле шатры. Подъехали они поближе, спрашивают у дружинников, чьи, мол, это шатры, а те отвечают:

— Это шатры дружины Амира-Амзы.

— А где он сам?

— Он поехал, чтобы сразиться с Ландауром и взять его в плен.

«Как же так? — думает Густаманд. — Ведь я раньше Амира-Амзы сел на корабль и отплыл сюда. Как они здесь оказались?» Но делать нечего, велел он своим всадникам сойти с коней и разбить шатры возле шатров Амира-Амзы. А сам размышляет: «Что же мне теперь делать? Сражаться с Амиром-Амзой? Он сам такой храбрый, и такая у него дружина, что мне его не одолеть, хоть у меня двести всадников, а у него всего сорок. Он и меня убьет, и из моей дружины никого в живых не оставит. Скакать к Ландауру, сражаться с Ландауром? Амир-Амза все равно меня уже опередил...»

И решил Густаманд притвориться, будто пришел со своим войском на помощь Амиру-Амзе. «Только бы,— думает,— пле-

нить Ландаура, а там уж я как-нибудь от Амира-Амзы избавлюсь».

Через какое-то время вернулся Амир-Амза, видит: рядом с его шатрами чей-то чужой лагерь. Густаманд увидел Амира-Амзу, подошел к нему, учтиво приветствовал его, услышал ответ и говорит:

— Я приехал вместе со своей дружиной, чтобы помочь тебе пленить Ландаура. Сразился ли ты с ним?

— Завтра утром мы будем с ним бороться, а сегодня вечером он позвал нас к себе в город, — отвечает Амир-Амза.

Ну и решили они, что поедут к Ландауру вместе.

Вечером Амир-Амза, Амри-Айор и Густаманд отправились к Ландауру, а всадникам своим приказали приехать утром. Ночь они провели у Ландаура, а наутро Ландаур созвал свое войско. Подъехали и воины Амира-Амзы и всадники Густаманда.

Сорок воинов Амира-Амзы и двести всадников Густаманда выстроились с одной стороны, войско Ландаура — с другой. Амир-Амза и Ландаур вышли на середину и начали поединок.

Амир-Амза уперся двумя ногами в землю и говорит Ландауру:

— Сколько у тебя ни есть силы, натужься!

Ландаур взял Амира-Амзу за пояс и пытается его оторвать от земли, силится, силится — а у Амира-Амзы ноги твердо стоят на земле, никак его не поднять.

— Ну, показал ты свою силу? — спрашивает Амир-Амза Ландаура.

А у того уже силы нет.

— Да, — говорит он.

— Ну теперь держись! — сказал Амир-Амза.

Амир-Амза помянул единого творца, взял Ландаура за пояс, поднял в воздух и шмякнул об землю, да так, что тот и память потерял. Связал ему руки, потом привел в чувство, посадил на слона.

Все вместе — Амир-Амза, Амри-Айор, Густаманд, связанный Ландаур и всадники тронулись в обратный путь, к царю Ануширвану. Подъехали они к берегу моря, пересели там на корабли и пересекли море. Там опять сели верхом и поехали дальше.

Едут они, едут и подъезжают к одному селению. Возле селения разбили свои шатры и решили отдохнуть и повеселиться. Привели из города музыкантов, танцоров и танцовщиц. И решил Густаманд подкупить одну из танцовщиц, чтобы она отравила Амира-Амзу. Отозвал он ее украдкой в сторону и говорит:

— Когда кончишь свой танец, возьми там-то и там-то чашу

с вином и поднеси ее Амиру-Амзе. И скажи: «Выпей эту чашу за любовь Мир-Нигор». За это я тебе дам много золота.

Ну, вечером началось веселье, музыка гремит, танцоры танцуют. И вот та танцовщица насыпала в чашу яду и подошла к Амиру-Амзе. Протянула ему чашу, Амир-Амза взял в руку чашу, и рука его задрожала. Он понял, что это дурное предзнаменование, но танцовщица говорит:

— Выпей это вино за любовь Мир-Нигор.

Тогда Амир-Амза осушил чашу и тотчас упал без чувств. Увидел это Амри-Айор и немедля бросился в город за лекарем.

Тем временем Густаманд посадил Ландаура на лошадь и отправился вместе со всеми своими всадниками к Ануширвану. Приехал к нему во дворец и говорит:

— Я привел Ландаура, ты должен теперь отдать за меня Мир-Нигор.

— А где Амир-Амза? — спрашивает Ануширван Справедливый.

— Наверно, — говорит, — в море утонул, на море была буря. Я сам чудом спасся. — А сам думает: «Пусть только выдаст за меня Мир-Нигор, а там я расправлюсь с Амри-Айором и всеми воинами Амира-Амзы».

Ануширван говорит:

— Хорошо. Подожди сорок дней. Если через сорок дней Амир-Амза не придет и никаких вестей о нем не будет, я отдам за тебя Мир-Нигор. А сейчас вели расковать Ландаура, и пусть он живет у тебя эти сорок дней. А через сорок дней я решу, что с ним делать.

— Ладно, — говорит Густаманд.

Пошел он домой, но не велел снимать оковы с Ландаура. Ведь если бы только Ландаура расковали, он пошел бы к Ануширвану и весь обман Густаманда открылся бы. Велел Ландаура в цепях бросить в подземелье, а сам ждет, когда пройдут сорок дней. Ну, пусть он себе ждет, а ты послушай о том, что сделал Амри-Айор.

Прибежал Амри-Айор в дом к лекарю, а тот как раз сидит, плов ест. Говорит ему Амри-Айор: так, мол, и так, идем скорее, там человека отравили. А тот отказывается идти, боится: мол, сейчас ночь на дворе, ты меня заведешь куда-нибудь и убьешь. Сколько Амри-Айор его ни уговаривал — он не идет. Тогда Амри-Айор улучил минутку, когда лекарь отвернулся, и подсыпал ему в плов снотворного зелья. Тот съел горсть, другую и упал без чувств.

Амри-Айор собрал все лекарства и снадобья, что были в

доме, в мешок, взял самого лекаря в охапку и потащил его туда, где лежал Амир-Амза.

Прошло немного времени, лекарь очнулся. Тут уж ему некуда было деваться — достал из мешка со снадобьями противоядие и влил в глотку Амиру-Амзе.

Амир-Амза сразу ожил, а лекарь говорит:

— Теперь он должен отдыхать, пока совсем не выздоровеет.

Ну, лекаря отпустили, дали ему денег, а Амир-Амза и Амри-Айор остались там вместе со своей дружиной.

Десять дней прошло, двадцать дней прошло, месяц — Амир-Амза набрался сил, и пустились они в путь во дворец Ануширвана. Долго ли ехали, быстро ли ехали — на тридцать девятый день, после того как Густаманд привез к Ануширвану закованного Ландаура, прибыли во дворец.

А Густаманд уже радуется, думает: «Завтра Ануширван отдаст за меня Мир-Нигор, а ни Амри-Айора, ни дружины Амира-Амзы нет как нет!»

Прибыли они к Ануширвану во дворец и рассказали ему все, что с ними произошло. И так раскрылась вся ложь Густаманда.

И велел тогда Ануширван привести к себе Густаманда и Ландаура. Густаманда велел тотчас казнить, а Ландаура приказал расковать и спрашивает:

— Правда ли, что ты ударом палицы можешь разрушить булатную стену?

— Правда, — отвечает Ландаур.

— Отныне, — говорит Ануширван, — ты будешь моим слугой, будешь богатырем в моем войске.

Велел он дать ему боевого слона и все снаряжение, и стал Ландаур ему служить.

Потом Ануширван послал гонца в лес, туда, где отшельником жил Шопул. И снова посадил Шопула на царство.

А свою дочь Мир-Нигор Ануширван выдал за Амира-Амзу. Семь суток били в барабаны и в бубны, гремела музыка — сыграли свадьбу.

И пусть господь исполнит желания всех мусульман так, как он исполнил желания Амира-Амзы.

5. Девушка-игрок

Жил-был в одном городе старик-купец. Был он знаменит среди всех торговцев этого города, и они выбрали его своим старшиной. Созвал он как-то всех купцов и говорит им:

— Вы собираетесь ехать с караваном торговать, а я уже не могу — состарился. Есть у меня сын, зовут его Малик-Мухаммад. Возьмите его с собой, пусть будет у вас старшиной. Он хоть и молод, да в торговом деле понимает не хуже меня, я его всему обучил.

Посовещались купцы, посоветовались друг с другом и решили выбрать Малик-Мухаммада своим старшиной. Дескать, не беда, что молод, лишь бы дело знал. И стали они готовиться в путь.

Старик-купец нагрузил двадцать два верблюда всякими товарами и дал всех этих верблюдов Малик-Мухаммаду. Собрался уже караван тронуться в путь, а тут жена Малик-Мухаммада подошла к мужу и говорит:

— Вот ты будешь с караваном в дальних краях, привези мне одну вещь, которой мне не хватает.

— Какую? — спрашивает Малик-Мухаммад.

— Говорят, что все женщины хитрые да ловкие, а у меня совсем хитрости нет. Привези мне женскую хитрость. Вот тебе сто туманов, купи мне женскую хитрость.

— Ладно, — говорит Малик-Мухаммад.

Взял он у жены деньги, положил в хурджин и велел каравану трогаться в путь.

Шли они, шли, шли несколько дней и ночей и подошли к одному городу. Возле города они разбили шатры, развели огонь и стали варить на огне пищу, каждый себе — что у кого было. Приготовили пищу, поели и легли спать.

Наступило утро, а там и день. После полудня подошла к их лагерю какая-то девушка в чадре и говорит:

— Купцы, кто у вас здесь старший?

Купцы ей отвечают:

— Наш старший — вон в том белом шатре.

Девушка подошла к белому шатру, заглянула в него, видит: там сидит красивый юноша.

— О юноша! — говорит она.

— Да, — отвечает Малик-Мухаммад, — слушаю тебя.

— Не сможешь ли ты сегодня вечером оказать честь моему хозяину быть его гостем?

— Тут есть купцы и постарше меня, седобородые старики. Я пойду посоветуюсь с ними. Если они меня отпустят, я приду. Малик-Мухаммад пошел к старикам, сказал им:

— Тут пришла одна девушка-служанка, говорит, что ее хозяин приглашает меня сегодня вечером в гости. Что мне ей ответить? Пойти мне к нему или нет?

Старики поговорили друг с другом и говорят ему:

— Иди, ничего плохого в этом нет. Пойди, съешь угощение. Когда будешь уходить, положи рядом с блюдом десять туманов, без этого не уходи.

— Хорошо, — сказал Малик-Мухаммад.

Пришел к девушке и говорит:

— Пойдем.

Девушка пошла впереди, Малик-Мухаммад — сзади. Шли они, шли и пришли к воротам дворца. Малик-Мухаммад посмотрел на этот дворец и пришел в восторг: такой богатый дворец, одни ворота, и те, наверно, десять тысяч туманов стоят!

Стражники открыли ворота. Вошли они в сад, а в саду всякие птицы летают, в пруду плавают красные и белые рыбки, полно служанок и рабов.

Девушка привела его в комнату для гостей. Сели они на ковры, принесли им чай. Выпили они чаю, посидели, побеседовали, потом девушка ушла. Настало время вечернего намаза, служанки принесли всякие яства. Поел Малик-Мухаммад этих яств, наелся, и так они ему понравились, что он положил рядом с блюдом не десять туманов, как ему старшие говорили, а сто. Пришла служанка, чтобы унести блюдо, и спросила:

— Что это за деньги, братец?

— Да больше у меня нет, возьми хоть эти сто туманов, — сказал Малик-Мухаммад.

— Не нужны хозяину твои сто туманов, — говорит служанка. — Столько добра, сколько у хозяина этого дворца, даже у царя нет. У него табуны верблюдов и лошадей, овец огромные стада, дом всего полон. Забери свои деньги!

Взял он эти деньги, а служанка унесла блюдо.

А через некоторое время вошла хозяйка дворца, переодетая в мужское платье.

— Малик-Мухаммад, — говорит она, — давай с тобой проведем весело время!

— Как же мы проведем время? — спросил Малик-Мухаммад.

— Сыграем в кости. Будем бросать кости, посмотрим, кому господь пошлет счастье — тебе или мне.

— Я не умею играть в кости, — отвечает Малик-Мухаммад.

— Ничего, я тебя научу, — говорит она.

Стали они играть в кости, и начал Малик-Мухаммад выигрывать. Так увлекся, что и забыл, что старики ему велели вернуться в тот же вечер. Играли они, играли до самого утра, девушка проиграла ему десять тысяч туманов. Утром Малик-Мухаммад и говорит:

— Ну что ж, давай десять тысяч туманов, и я пойду. Мне уже давно домой пора.

— Нет,— говорит мнимый юноша.— Игроки так не поступают, это не по-мужски. Ты мне дай возможность отыграться. Ну уж если все мое добро, весь скот, всех верблюдов выиграешь, а дом, сад, да и самого меня в придачу — тогда ничего не поделаешь, тогда уходи. А теперь играй дальше. Что мне эти десять тысяч туманов?! Давай немного отдохнем и начнем играть снова.

Кликнула она служанок, те принесли разных яств. Они поели, потом выпили чаю и снова начали игру. И тут уж удача изменила Малик-Мухаммаду, стала выигрывать девушка. Играть они до вечернего намаза, парень проиграл и те десять тысяч, и свои двадцать два верблюда.

— Больше мне нечего ставить, что я еще могу проиграть? — спрашивает Малик-Мухаммад.

— Ставь себя самого,— говорит девушка.

Снова они бросили кости, и девушка выиграла Малик-Мухаммада.

— Ну, пиши теперь письмо,— говорит девушка,— пусть те двадцать два верблюда, что ты проиграл, навьючат и гонят сюда.

Что тут делать? Малик-Мухаммад написал одному из купцов письмо: мол, нагрузи мои двадцать два верблюда, и пусть их пригонят туда-то.

Один из слуг девушки взял письмо, отнес туда, где стоял караван, и отдал его купцу. Тот прочитал письмо и думает: «Что за старшину мы себе выбрали! Видно, нашел здесь себе кого-то и решил нас оставить! Надо было кого-нибудь из стариков выбрать!»

Но ничего не поделаешь. Велел он навьючить те двадцать два верблюда да еще дал нескольких погонщиков. Караван двинулся и вскоре достиг дворца девушки. Девушка как увидела, что идет караван, вышла ему навстречу, отпустила погонщиков, велела слугам разгрузить всех верблюдов. Верблюдов отослала в стадо, а добро все сложила в амбар. Потом надела на себя красивые женские одежды, подвела себе глаза и позвала к себе Малик-Мухаммада. Он пришел, смотрит: оказывается тот игрок, что все у него выиграл и его самого в придачу, вовсе не мужчина, а девушка, да еще красавица.

А она решила показать ему свою власть над ним, позвала садовника и говорит:

— Дай ему в руки лопату, пусть копает землю. Пусть у тебя работает, но не давай ему стричь волосы и ногти, пока я не разрешу.

Ну, и Малик-Мухаммад стал копать землю у садовника.

Копал, копал — месяц копал, другой, третий — волосы у него отросли — вот до сих пор, ногти выросли — вот такой длины!

Прошло шесть месяцев, и решила девушка проведать Малик-Мухаммада. А он весь зарос и только и знает, что землю копать. Стало ей его жалко, и задумала она одну хитрость. Велела обстричь ему волосы и ногти, отвести в баню и надеть на него женскую одежду. Отвели его в баню, отмыли дочиста мочалкой, надели на него красивые женские одежды. А сама девушка нарядилась в мужскую одежду — ту, которую надевают везиры, и приказала оседлать двух хороших коней. Сама села верхом, посадила на копя Малик-Мухаммада, и поехали они к царю. Приехали к царю, и девушка говорит:

О царь великий, жизнь твоя полна да будет света!
Твоя да будет справедливость так воспета,
Что Сулеймана славой превзойдешь ты и Джемшида!
Да будет твой клинок победы над врагом примета!

Знай и помни, что сын царя страны Чин уехал на охоту, а это его невеста. Он поручил ее моим заботам, я его везир. Не подобает ей жить в простом доме, ей место — в царском дворце. Разреши ей побыть у тебя, пока царевич Чина не вернется с охоты.

— Что ж, пусть остается, — говорит царь.

Девушка-игрок оставила там Малик-Мухаммада, переодетого в женскую одежду, а сама вернулась к себе в город, в свой дворец.

А царь велел отвести переодетого Малик-Мухаммада в покои к царевне, его дочери. Отвели его туда, принесли им разные яства. Начали они есть. Люди смотрят — невеста царевича Чина ест такими большими кусками, какими женщины не едят. Раз принесли еду — она все быстро съела, еще раз принесли — она опять съела, а все не сыта; только когда в третий раз принесли еду, она поела и насытилась. Ну и царевна подумала, что тут что-то неладно, что это, верно, переодетый мужчина.

Настало время ложиться спать, царевна спрашивает:

— Скажи мне правду, ты девушка или мужчина?

— Я девушка, — говорит Малик-Мухаммад.

— Говори правду, я сейчас позову служанок тебя раздеть, — сказала дочь царя.

— Зови, я не боюсь, ведь я девушка.

Она позвала служанок, мол, идите сюда. И тут Малик-Му-

хаммад испугался так, что девушка сразу все поняла и сразу закричала служанкам:

— Стойте, не входите!

— Что ты так побледнела? — спрашивает царевна.

— Я юноша, — ответил Малик-Мухаммад.

— Я это сразу поняла, — говорит царевна.

Ну, короче говоря, остался он там, полюбили они друг друга. Так прошло десять-пятнадцать дней.

Однажды царевна спросила:

— Расскажи мне, как ты сюда попал?

— Вот так и попал, — сказал он. — Обыграла меня девушка-игрок в кости, потом отдала садовнику, я шесть месяцев там землю копал, а потом велела она одеть меня девушкой и привезла сюда, будто я невеста сына царя страны Чин.

Царевна выслушала его и стала рассказывать про себя:

— У меня есть двоюродный брат, он купец. Он обручен со мной. Сейчас он отправился торговать в дальние страны, а когда вернется, придет сюда ко мне во дворец. Захочет он меня обнять, поцеловать, я тебе подмигну, мы его вдвоем свяжем, уьем, труп закопаем, а чтобы никто не узнал, головуотрежем, и ты ее спрячешь.

— Где же я ее спрячу? — говорит.

— А мы завернем голову в платок, ты тихонько выйдешь отсюда, прокрадешься к дому девушки-игрока и подкинешь голову к ней во двор. Девушка, когда найдет ее, никому не скажет — ведь если царь узнает, что случилось, то и ей не поздоровится.

Малик-Мухаммад согласился. Прошло дней десять-пятнадцать, двоюродный брат девушки вернулся из своего торгового похода. Только он вернулся, как сразу же побежал к невесте. Пришел во дворец и видит: рядом с невестой сидит какая-то девушка, еще красивей, чем она. Загляделся он на нее, а тут невеста подошла к нему, обхватила за шею и подмигнула Малик-Мухаммаду. Повалили они его на землю и задушили. Тело вынесли в сад, закопали, а голову отрезали. Царевна завернула ее в платок и говорит Малик-Мухаммаду:

— Иди, забрось во двор к девушке-игроку и возвращайся.

Малик-Мухаммад пошел, а город-то большой. Он заблудился, никак не может найти дорогу. В одну сторону пошел, в другую — все не найдет дворца девушки. Только к утру отыскал наконец ее дворец, смотрит в щелочку в заборе — а девушка сидит на берегу хауза, собирается читать намаз. Он забросил голову во двор и бросился бежать, а девушка заметила, что что-то упало во дворе, и говорит стражнику:

— Там возле дворца кто-то есть, беги на улицу, поймай этого человека.

Стражник погнался за Малик-Мухаммадом, схватил его и повел во дворец. Тут девушка-игрок кончила читать намаз и говорит слугам:

— Ну-ка, приведите его ко мне!

Малик-Мухаммада привели к ней, она велела отхлестать его по спине колючими ветками граната и посадить в амбар. Так его избili, что он долго не мог в себя прийти. Потом все-таки привели его в чувство, девушка приказала отвести его в баню. Вымыли его в бане, надели на него дорогие одежды — такие, какие цари носят. Сама девушка надела на себя одежду везира и говорит Малик-Мухаммаду:

— Ну, теперь пошли.

Повела она его к царю. Пришли они к царю, приветствовали его, воздали хвалу, а потом девушка и говорит:

— Вот это сын царя страны Чин. Он вернулся с охоты и хочет вернуть себе свою невесту, что живет в твоём дворце.

Царь тотчас приказал привести из гарема невесту царевича. Пошли к царской дочери, видят — царевна сидит одна. Спрашивают у нее:

— Где же невеста царевича страны Чин?

А она отвечает:

— Вчера приехал мой двоюродный брат, сын моего дяди, забрал ее и куда-то уехал.

Сказали об этом царю, тот задумался: «Что же мне теперь делать?» Думал, думал, потом говорит везиру царевича страны Чин — девушке-игроку:

— Так, мол, и так, увезли его невесту, что теперь делать? Вот есть у меня дочь, пусть сын царя страны Чин возьмет ее себе в жены вместо своей невесты.

— Ладно,— говорит девушка-игрок.

Ну, тут сыграли им свадьбу. Семь дней и семь ночей били в бубны и барабаны, трубили в трубы, дочь царя отдали в жены Малик-Мухаммаду. И он опять оказался в царском дворце.

А девушка-игрок вернулась к себе во дворец. Прошло два-три дня, и девушка призадумалась. Стала чесать у себя в затылке, размышлять: «Что же теперь будет? Сначала я обыграла Малик-Мухаммада, все у него выиграла, потом нарядила его невестой царевича страны Чин и поселила у царя. А он там убил царя племянника и голову забросил ко мне во дворец. Потом я передела его снова в мужское платье, отвела к царю и сказала, мол, сын царя страны Чин вернулся с охоты и требует назад свою невесту. Взял он себе взамен невесты в

жены царскую дочь и теперь живет там. Как только царь узнает о моих проделках — мне несдобровать, он превратит меня в пепел. Надо что-нибудь придумать, чтобы Малик-Мухаммад вернулся в свою страну. Да и мне надо отсюда уходить поскорее».

Надела она на голову чадру и пришла во дворец к Малик-Мухаммаду. Сидит она с ним и его женой, а потом улучила минутку, когда дочь царя вышла, и говорит:

— Малик-Мухаммад, когда царь узнает обо всем — не сносить нам с тобой головы. Надо нам уходить отсюда.

— Я сам, — говорит Малик-Мухаммад, — больше всего на свете этого хочу. Как только окажусь на родине, вознаграждою господу, буду целый день народ даром поить и кормить. Сделаю только так, чтобы мы поскорее отсюда ушли.

— Ладно, — говорит девушка. — Ты отпросись у своего тестя, а я пока продам все, что у меня есть, и уйдем отсюда.

Пошла к себе домой, продала дом, сад, все-все продала. А что не продала, нагрозила на верблюдов — сто верблюдов нагрозила добром. Надела на себя мужскую одежду — одежду везира — и стала ждать.

А Малик-Мухаммад тем временем пошел к царю — своему тестю и говорит:

— О царь, позволь мне уехать; мой отец — царь страны Чин — ждет меня.

— Хорошо, сын мой, — ответил царь. Велел дать ему приданое да пятьдесят верблюдов, чтобы его погрузить. Да еще сто верблюдов слуги навьючили всяким добром.

Малик-Мухаммад с царской дочерью сели в коляску, и весь караван — сто пятьдесят верблюдов — двинулся в путь. А когда проезжали мимо дворца девушки-игрока, то и ее верблюды пошли с караваном. А сама она поскакала верхом с саблей на боку рядом с коляской.

Ехали они, ехали, наконец приехали к одному городу. Остановились возле этого города на ночлег. Наутро пошли погулять по городу, увидели царский сад. А в саду царская дочь — такая девушка, каких нигде не сыщешь, девушка, каких одна на тыщи: легкость ветерка в изящном стане, взгляд, как будто у китайской лани, как фисташка, губы чуть раскрыты, кудри шелковые по плечам развиты... сто красот у ней и тысяча достоинств. Стоит шаг ступить ей — все немедля перед ней в восторге замирает, стоит бросить взгляд — и мир тотчас же за себя стыдиться начинает.

«Клянусь, — подумала девушка-игрок, — я возьму эту девушку в жены Малик-Мухаммаду!»

Ну, а царь того города услышал, что к их городу прибыли богатый караван, во главе каравана — всадник с саблей на боку, и решил пригласить его к себе во дворец — он же не знал, что это переодетая девушка.

Пригласил он ее к себе в гости, принесли богатые кушанья, они поели, стали беседовать. Ну, а в конце беседы девушка положила рядом с блюдом два драгоценных камня, да таких, что каждый из них стоит целого царства.

Царь с везиром взяли эти камни и удалились, оставив девушку одну. Ушли и стали совещаться: «Что же нам дать этому человеку взамен этих камней? Нельзя перед ним в долгу остаться». Думали — думали, везир и говорит:

— Дай ему свою дочь в жены, твоя дочь стоит этих камней.

Царь согласился. Прошла ночь, а когда настало утро, царь пришел в покои, отведенные для девушки, и говорит ей:

— Есть у меня дочь. Не возьмешь ли ты ее себе в жены?

— Отчего не взять, — говорит девушка-игрок, — возьму. Ну, и договорились они, что на следующий день свадьба.

Девушка-игрок пошла туда, где стоял караван, вошла к себе в шатер, переоделась и свое мужское платье, в котором она ходила к царю, отнесла Малик-Мухаммаду. Рассказала она ему, о чем говорила с царем, говорит, мол, ты, бедняга, шесть месяцев землю копал, отдыха не знал, теперь бери себе в жены царскую дочь, наслаждайся. В этой одежде, что я принесла, царь с везиром тебя от меня отличить не смогут.

На следующий день Малик-Мухаммад переоделся в те одежды, что принесла девушка-игрок, пошел во дворец и началась свадьба. Семь дней и ночей били в барабаны, стучали в бубны, трубили в трубы, гремела музыка — отдали царскую дочь в жены Малик-Мухаммаду.

Прошло еще несколько дней, попросил Малик-Мухаммад у своего нового тестя разрешения ехать дальше. Тот велел нагрузить пятьдесят верблюдов приданым, и весь караван — двести верблюдов — тронулся в путь. Малик-Мухаммад едет в коляске, справа у него одна царевна, слева — другая, а девушка-игрок в мужской одежде с саблей на боку едет рядом.

Ну, ехали они, ехали, наконец подъехали к родному городу Малик-Мухаммада.

Подъезжают к городу, а девушка-игрок спрашивает Малик-Мухаммада:

— Вот у нас сколько всякого добра, а есть у тебя дом и амбары, где все это добро можно сложить?

— Нет, — говорит Малик-Мухаммад.

— Ну, раз нет,— говорит девушка,— придется нам построть дворец.

Как только они приехали в город, девушка сразу же купила землю — двадцать или там тридцать джеривов. Сгрузили они тут весь свой груз. Наняла она табунщика, отослала верблюдов пастись, а потом созвала мастеров — каменщиков, плотников — и велела им быстро построить дворец. Если другие платили каменщику в день за тысячу кирпичей десять туманов — она платила двадцать, если плотнику за дверь платили двадцать туманов — она платила тридцать.

Ну, и за несколько дней построили дворец и двор — еще лучше, чем у нее был прежде. Перенесли они все добро, что с собой привезли, во дворец и поселились в нем.

Прошло несколько дней, и девушка-игрок говорит Малик-Мухаммаду:

— Ну что, хочешь сходить к своей первой жене?

— Да,— отвечает Малик-Мухаммад.

— Ну хорошо,— говорит она,— только, когда пойдешь, сними свою одежду, а надень на себя что-нибудь старое и рваное.

Малик-Мухаммад так и сделал. Надел какие-то лохмотья, на ноги нацепил опорки. Взял ветхую торбу, бросил в нее кусок сухого хлеба и говорит:

— Ну ладно, я пошел.

— Иди,— говорит девушка-игрок,— посмотрим, как тебя жена встретит.

Ушел Малик-Мухаммад. Пришел к своему дому, постучал в ворота, жена подошла к воротам и спрашивает:

— Кто там?

— Это я, раб божий Малик-Мухаммад,— отвечает он.

Она приоткрыла ворота, увидела его в лохмотьях и закричала:

— Чего ты явился?! Ступай туда, где ты проиграл двадцать два верблюда, а сюда не ходи!

— А где отец мой? — спрашивает он.

— Отец твой давно умер,— отвечает она и кричит слугам: — Прогоните его прочь!

Слуги отогнали его, он постоял и снова вернулся. Стоит там и думает: «Может быть, она все-таки сжадется надо мной и впустит». Так и простоял до полудня, а в полдень терпение у него иссякло и он ушел.

Вернулся домой, девушка-игрок его спрашивает:

— Ну, что она тебе сказала?

— Да она меня и в дом не пустила. Гонит вон, ругает: дескать, иди туда, откуда пришел. «Ты,— говорит,— того, что я у

тебя просила, мне не принес, только все, что у тебя было, потерял. Где, — говорит, — те твои двадцать верблюдов?»

— А что ты ей обещал привезти? — спрашивает девушка-игрок.

— Она дала мне сто туманов и просила привезти женскую хитрость. Мол, у всех женщин она есть, а у меня нет.

— Ну ладно, хоть она и гонит тебя, завтра ты все-таки снова пойдешь к ней, — сказала девушка-игрок.

Ночь прошла, а наутро Малик-Мухаммад опять надел на себя лохмотья и пошел к своей жене. Постучал в ворота.

— Что, опять явился? Убирайся отсюда! Отправляйся туда, где ты оставил двадцать два верблюда! Сам, — кричит, — расплачивайся за свои дела! И мне ничего не привез, и свое все потерял! Чего ты теперь хочешь?

Так она его целый час поносила, пока он не поплелся прочь.

А того-то я тебе и не сказал, что девушка-игрок, когда Малик-Мухаммад отправился к своей жене, надела мужской костюм, взяла саблю и пошла следом за ним. Когда он подошел к дому, она притаилась за углом посмотреть, что будет. Малик-Мухаммад ушел, а она осталась и смотрит в щелочку в стене сада. В полдень видит, та женщина зарезала курицу, поджарила ее. Потом надела чадру, взяла курицу и вышла. Только она из ворот — как девушка-игрок пошла за ней следом. Шла она, шла и видит, как женщина входит в какой-то дом. Девушка подошла и украдкой смотрит в окно, а там сидит на тахте толстый такой, усатый мужчина, сразу видно, что богат. Женщина дала ему курицу, он ее быстро сожрал, и они предались любовным утехам. А потом она ушла. Только она вышла, как девушка-игрок вбежала, выхватила саблю и отрубила голову этому усачу. Самого его изрубила на мелкие кусочки, а голову завязала в платок; потом вышла на улицу и пошла к себе домой. Пришла домой, положила голову в суму, а сверху положила шелку, парчи, бархату, атласа — всяких товаров.

А потом позвала к себе Малик-Мухаммада и спрашивает его:

— Ну как дела?

— Больше я туда не пойду, — говорит Малик-Мухаммад. — Она меня гонит, ругает на чем свет стоит, а пускать не пускает. Хожу я к ней без толку.

— Я тебя прошу, ради меня, пойдешь завтра опять. Но когда она тебя будет выгонять, ты не уходи совсем, отойди от ворот и спрячься где-нибудь поблизости. Она выйдет из дому, уйдет, а ты подожди, пока она вернется. Тогда и поговоришь с ней.

Наутро он опять надел на себя ту рваную одежду, опять пришел к дому своей жены, постучался в ворота.

— Ты опять пришел? — встретила она его. — У тебя ни стыда, ни совести нет, я же тебе велела не приходить сюда! Что тебе нужно? Убирайся туда, где ты оставил двадцать два верблюда!

— Но от моего отца осталось же какое-то имущество, добро, — сказал Малик-Мухаммад. — Отдай мне хоть что-нибудь, не прогоняй меня так.

— Ничего твой отец не оставил, — сказала она. — А этот дом мой, это мой махр.

Малик-Мухаммад отступился; ушел и притаился за стеной. Смотрит — в полдень она вышла в чадре, под мышкой несет жареную курицу. Ушла, а он сел и сидит возле ворот.

Женщина пошла к тому дому, открыла двери, вошла, смотрит — а от того усача только мелкие кусочки остались, и те кусочки кошки доедают и мяукают, мяукают. Увидела она это, повернулась и пошла обратно, а там возле ворот сидит Малик-Мухаммад.

— Ну что ж, — говорит она ему, — хоть ты и проиграл все добро, что у нас было, я, так и быть, дам тебе одежду, найду тебе товаров — поедешь опять торговать. Даст бог, все будет хорошо.

Впустила она его в дом, потом отвела в баню. Сняла с него лохмотья, сожгла их, вымыла ему голову, тело. Передела его в купеческие одежды. Потом повела в покои, просидели они до вечера, а вечером Малик-Мухаммад говорит:

— У меня есть тут один знакомый, купец из нашего каравана. Пойду к нему, может займет сто туманов, отдам тебе.

Пошли они — Малик-Мухаммад впереди, жена следом за ним. И повел он ее в дом к девушке-игроку. А девушка-игрок в мужской одежде сидит на верхнем этаже, отдыхает. Вошел Малик-Мухаммад, сел, а тут яришли две царские дочки, одна принесла кувшин и поднос, другая — полотенце. Одна поливает ему на руки, другая вытирает лицо. Потом облачили они его в царские одежды. Принесли очень богатое угощение, поели они, а после еды начали разговаривать. Беседуют, беседуют, а первой жене Малик-Мухаммада не терпится, все ждет, когда он заговорит про те сто туманов. Наконец не вытерпела и говорит Малик-Мухаммаду:

— Я тебе давала сто туманов, чтобы ты привез мне женскую хитрость.

А девушка-игрок взяла суму, подала ее женщине и говорит:

— Вот тебе она — хитрость женщин!

Та обрадовалась, раскрыла суму, вынула шелковый платок, потом парчовый, развернула бархат, потом атлас. Так перебрала все товары, наконец, добралась до головы. Вынула голову, у нее вот такие усищи!

Девушка-игрок и говорит:

— Вот это и есть женская хитрость. Твоя жена, Малик-Мухаммад, путалась с этим усачом. А теперь твоя воля — пойдешь ты к своей жене или останешься со мной.

— Нет, твоя воля, — говорит Малик-Мухаммад.

— Ну, если воля моя, — сказала она, — тогда пусть будет так!

Выхватила она саблю, отрубила той женщине голову, позвала слуг и приказала:

— Разрубите на куски и выбросьте на помойку!

А потом говорит Малик-Мухаммаду:

— Много ты натерпелся горя, но я тебя за все вознагражу. Пусть приведут муллу!

Привели муллу, и девушка взяла Малик-Мухаммада себе в дужья. И зажали они в счастье и довольстве.

Пусть господь исполнит желания других мусульман так, как он исполнил желания Малик-Мухаммада.

6. Торговец халвой

Сладкоустые и красноречивые попугаи передавали, что в стране Миср был один колдун — торговец халвой, который варил халву, положив в очаг под котел вместо дров свои ноги: жег свои ноги и варил халву. А каждому, кто приводил к нему своего сына, мол, возьми его себе в ученики, он в ответ говорил:

— Я его на сорок дней подвешу в колодце. Если в живых останется, значит, сможет научиться моему ремеслу, а умрет — так умрет.

Ну а кто же может остаться в живых, провисев сорок дней в колодце? Ну три, четыре дня можно в колодце выдержать, да нет, и трех-то не выдержать. Ну, и все, кого к нему в ученики ни приводили, погибали в этом колодце.

Был в другом городе один старик, и был у него сын. Старик прослышал о том, что есть такой колдун — торговец халвой, и говорит сыну:

— Пойдем, сынок, поучись ты ремеслу, узнаешь, как варят халву.

Старик привел своего сына в страну Миср, и видят они: сидит торговец халвой, ноги у него горят в очаге под котлом, а руками халву в котле мешает.

Старик сказал:

— О почтенный торговец халвой!

Тот отвечает:

— Что?

Старик спросил:

— Не примешь ли ты моего сына в ученики?

Тот говорит:

— Что ж, пожалуй, возьму в ученики, но сначала на сорок дней подвешу его в колодце. Если останется жив — научится моему ремеслу, а если умрет — ничего не поделаешь.

Старик сказал:

— Я согласен.

Тогда торговец халвой вытащил свои ноги из-под котла и повел старика с сыном во двор, туда, где у него был колодец, и подвесил он там юношу в колодце. Подвесил его в колодце и сказал старику:

— Ну, теперь ты уходи, дед.

И отец юноши ушел. А колдун пошел, опять засунул свои ноги в очаг под котел — и снова ноги у него горят, а он халву варит. Ну а юноша в колодце оттолкнулся от одной стенки ногой, оперся о другую, подтянулся, высунул голову из колодца и пропел несколько стихов.

А у торговца халвой была дочь. Услышала она чей-то голос, кто-то так красиво поет в колодце! Подошла к колодцу и видит: юноша, такой красивый, прямо гибель для девушек! Девушка вытащила юношу из колодца, накормила его досыта, дала ему плова, дала ему мяса, всего дала.

На следующий день он снова запел, и она снова помогла ему выйти из колодца, напоила и накормила.

И вот так она каждый день его вытаскивала из колодца, а как только должен был прийти отец, он спускался обратно. Она обучила юношу всему, что знал ее отец, всем колдовским уловкам.

И вот, когда так прошло тридцать восемь дней, пришел старик, отец юноши, на базар и видит: торговец халвой сидит, обе ноги у него засунуты под котел, горят, а халва понемногу варится.

Сказал старик:

— Торговец халвой, а торговец халвой!

Тот спросил:

— Что?

— Давай пойдем, посмотрим, жив мой сын или умер.

Колдун отвечает:

— Еще ведь сорок дней не прошло.

— А хоть сорок дней и не прошло,— говорит старик,— все-таки пойдем посмотрим, как там мой сын.

Пошли они в дом, постучали в ворота. Девушка быстро-быстро спрятала юношу в колодец и закрыла крышку, потом открыла дверь. Торговец сказал:

— Почему ты так долго не открываешь дверь? Я же зову тебя!

Она ответила:

— Отец, я подметала в доме и не слышала твоего голоса.

Подожли они к колодцу, вытащили оттуда юношу, а он — здоровее прежнего. Торговец с размаху дал юноше пощечину, сказал старику:

— Уведи его!

Он понял, что его дочь вытаскивала юношу из колодца и кормила, потому-то он и жив остался.

Старик взял своего сына за руку и отправился в путь.

Шли они, шли и вернулись в свою страну, в свой город.

Прошло три дня, прошло четыре, на пятый день, накануне базарного дня, юноша сказал:

— О отец! Я обернусь норовистым скакуном, ты отведи меня на базар, цена мне — сто туманов, продай меня за сто туманов, но только не отдавай мою уздечку.

Юноша обернулся скакуном-иноходцем, сбруя из золота и серебра, раукрашенное седло! Старик сел на него верхом, сдвинул шапку набекрень и поскакал — любо-дорого смотреть! Ехал, ехал, ехал, приехал на базар, а там один купец его спрашивает:

— Эй, старик, почем твоя лошадь?

Тот отвечает:

— Сто туманов.

Купец говорит:

— Вот тебе сто туманов.

Дал купец ему сто туманов, взял лошадь, но уздечку старик не отдал. Купец забрал лошадь и ушел.

Отвел, как полагается, коня в конюшню и привязал его там, дал ему травы и ячменя, крепко запер ворота конюшни. Утром пришел, смотрит — а коня и нет. «Кто его увел, кто его увел?» — кто его знает. А старик — отец юноши — вернулся домой, видит: сын его сидит дома.

Настал следующий базарный день, парень говорит отцу:

— Я превращусь в резвого ездового верблюда, отведи меня

на базар и не продавай меньше чем за сто туманов. Но только недоуздок мой никому не отдавай.

Наступил базарный день, и парень превратился в верблюда, такого резвого, что храпит от нетерпения. Старик сел на него верхом, и тот понесся на базар. Купец спрашивает его:

— Сколько стоит твой верблюд?

Старик отвечает.

— Сто туманов.

Купец дал ему сто туманов, и тот отдал ему верблюда, а недоуздок старик ему не отдал.

Купец привел верблюда и отправил его пастись вместе со своими верблюдами. А утром пришел пастух и говорит:

— Того верблюда, что ты вчера купил, нет!

А старик накупил на базаре всякой снеди, приходит домой вечером и видит: сын его сидит дома.

И вот обо всем этом услышал торговец халвой, мол, некто приводит на базар на продажу коня, а потом он исчезает, приводит верблюда — и он тоже исчезает. И понял, что это проделки того юноши.

Взял он с собой много денег и пошел на базар, решив: «Если встречу того парня — схвачу и убью».

А тот парень в этот день обернулся большим бараном — вот такие огромные рога! — и говорит отцу:

— Меньше чем за пятьдесят туманов меня не продавай. Но только веревку, что у меня на шее, сохрани, не давай никому!

Этого барана старик привел на базар. А там торговец халвой уже ходит, ищет. Увидел барана, сразу все понял и говорит:

— Сколько стоит этот баран?

Тот отвечает:

— Пятьдесят туманов.

— На тебе пятьдесят туманов, — говорит торговец халвой.

Старик взял пятьдесят туманов, а торговец халвой говорит:

— Дай-ка и веревку!

Старик сказал:

— Веревку я ни за что не продам!

— Я дам за нее десять туманов, — сказал торговец халвой.

Торговались они, торговались, а потом старик уступил, и торговец халвой увел барана, потащил за веревку. Баран упирается, а торговец взял в руки прут и хлещет его что есть силы!

А старик пришел домой, видит: сына его нет.

Колдун привел барана к своему дому, постучал в ворота и закричал своей дочери:

— Иди открывай дверь!

Девушка открыла дверь и видит: это тот самый юноша, пре-

вратившийся в барана. Она ведь тоже понимала в колдовстве. А отец сразу закричал:

— Скорее неси нож, я его зарежу!

Девушка пошла в дом и все ножи, которые были в доме, спрятала. Вернулась и говорит отцу:

— Отец, я нигде не могу найти ножа!

— Тогда постереги здесь барана,— приказал ей отец.

Девушка осталась стеречь барана, а торговец халвой пошел за ножом. Тогда девушка сняла веревку с шеи барана и тот сразу превратился в голубя и взмыл в поднебесье.

Торговец халвой вернулся, видит: барана нет, а в небе летит голубь. Обернулся он коршуном и погнался за голубем. Гнался за ним, гнался, пока не долетели они до сыпучих песков. Тут голубь превратился в иголку, упал в песок и зарылся в нем. А торговец халвой спустился на землю, принял человеческий облик, смастерил сито и стал понемножку просеивать песок через сито, мол, рано или поздно иголка в сите попадется. И вот, как только иголка попала в сито, юноша превратился в сокола и взмыл в небо, а торговец халвой обернулся ястребом и погнался за ним.

Мчались они, мчались, несколько раз было так, что ястреб почти нагонял сокола, но тот каждый раз успевал увернуться. Наконец, долетели они до одного города. И тут юноша превратился в букет цветов и упал прямо в руки царю. Зима, холод, а тут с неба прямо в руки падает букет свежих цветов!

А торговец халвой тем временем обернулся дервишем и стучится в ворота дворца, мол, подайте ради бога.

— Что ты хочешь? — спрашивают его.

— Отдайте мне тот букет цветов, что в руках у царя.

— Этот букет не для тебя,— отвечают ему.

Дервиш уселся у дворца царя, развел огромный костер, такой, что весь дым идет в сторону дворца, и сидит себе.

День сидит, два сидит, на третий день царь не выдержал и говорит:

— А ну-ка, приведите ко мне этого дервиша.

Дервиша привели к царю, и царь спрашивает:

— Чего ты хочешь?

— Мне нужен тот букет цветов,— отвечает дервиш.

— Проси все, что хочешь,— говорит царь,— но только не этот букет. Все я тебе отдам, но только не этот букет, что упал мне с неба среди зимы.

— Ну, если ты мне его не отдашь, я буду постоянно — день и ночь — дымить на твой дворец.

Царь рассердился, поднял букет высоко над головой и швыр-

нул его оземь, так что он рассыпался. Рассыпался и превратился в просяные зерна. Дервиш превратился в курицу с выводком цыплят. И начали они понемногу склевывать просяные зерна. А одно зернышко попало царю в туфлю. Они его склевать не успели, и оно превратилось в шакала, шакал бросился и свернул головы сначала курице, а потом и всем цыплятам. А потом шакал вновь превратился в человека и приветствовал царя.

Царь спросил:

— Что это? Что здесь происходит?

И тогда юноша рассказал царю обо всем, что с ним произошло, о всех своих злоключениях. И так юноша понравился царю, что царь сказал:

— Я отдам тебе в жены дочь и полцарства в придачу.

А юноша отвечает:

— Сначала я должен взять в жены дочь того торговца халвой, ведь она меня спасла от смерти. Ну а уж потом я приду за твоей дочерью.

Юноша отправился к своему отцу, пришел к нему и сказал:

— Отец, ты знаешь, что продал меня за десять туманов? Если бы ты не отдал мою веревку, торговец халвой не смог бы со мной ничего сделать. А теперь только бог меня спас.

А отец сказал:

— Откуда же я мог знать? Я не знал!

И потом юноша отправился к дочери колдуна — торговца халвой и взял ее себе в жены. Семь дней и семь ночей били в бубны, барабаны, дули в трубы, звучала музыка. И взял он себе в жены дочь торговца халвой. А потом забрал все свои богатства и отправился к царю. Взял в жены царскую дочь и стал у царя везиром правой руки.

И как бог исполнил его желания, пусть так же исполнит желания всех мусульман.

7. Ширавия

Был когда-то царь, и было у него два сына. Одного сына звали Арча, другого — Ширавия.

И вот прошло время, царь состарился, стал думать о своей смерти. Созвал народ и спросил:

— Люди, кого вы хотите выбрать царем? Я уже стар, нет у меня сил править вами.

Люди подумали и сказали:

— Пусть Ширавия будет царем. Хоть Арча и старший сын, а нет у него тех достоинств, что у Ширавии.

Но все-таки царь не решился сделать царем младшего сына. Оставил он после себя наследником старшего сына, Арчу.

Арча воссел на престол, а Ширавия остался жить со своим отцом.

Так он и жил со своим отцом. И постепенно в душу Арчи закралось сомнение. Он стал думать так: «Сейчас Ширавия еще маленький, вот я и царствую, а как он вырастет — царем сделают его».

Задумал он погубить Ширавию. Пришел к отцу и говорит:

— Отец, отпусти Ширавию со мной на охоту.

А отец ответил:

— Ширавия еще маленький, куда ему на охоту! Ему ведь еще только двенадцать лет!

Арча отвечает ему:

— Мы далеко не поедem, сегодня же вернемся, он все время будет со мной вместе.

В конце концов удалось ему уговорить отца, и вот Арча и Ширавия вместе отправились в путь. Ехали они, ехали, проехали десяток верст, и Ширавия сказал, обращаясь к Арче:

— Ты не взял с собой воды? Мне хочется пить... А что это мы так далеко едем? Ты же говорил, что мы поедem совсем недалеко и скоро вернемся.

Арча ничего не ответил ему, только сказал:

— Давай отъедem в сторону, попьем воды вон там, а свита пусть ждет нас здесь.

Оставив свиту, оба брата поехали верхом в сторону леса. Заехали они в чащу, и тут им навстречу вышел лев.

Ширавия увидел его и крикнул:

— Брат, убей льва!

А Арча отвечает ему:

— Ты убей, испытай свою силу. Ведь когда ты вырастешь, царство достанется тебе.

Ширавия говорит:

— Причем тут царство, что ты говоришь? Ты старше, ты и убей льва!

Арча отвечает:

— Нет, это ты должен убить льва!

Ширавия рассердился, выхватил меч и разрубил льва пополам. Когда Арча это увидел, ему это не понравилось. Он подумал: «Если он сейчас, еще совсем ребенком, может рассечь льва пополам, что будет, когда он вырастет?» — И с новой силой закипела злоба в его сердце.

Подъехали они к колодцу, а воду никак не зачерпнуть, надо лезть в колодец. Арча и говорит:

— Братец, ты полегче меня, полезай ты. Ты и сам напьешься, и достанешь воды мне и лошадям. Напоим здесь лошадей, а потом поедем назад.

Арча привязал веревку к поясу Ширавии и опустил брата в колодец. Ширавия зачерпнул воды бадьей — или чем там было, — Арча поднял бадью, напоил лошадей. Потом чуть подтянул ту веревку, что была привязана к поясу Ширавии, и обрезал ее — сбросил брата в колодец и сказал:

— Вот теперь здесь и царствуй!

Потом Арча пошел и вымазал коня Ширавии в крови льва. Сел на коня, в поводу повел коня Ширавии. Подъехал к свите и объявил траур: дескать, у меня на глазах лев сожрал моего брата.

Приехали они в город, и царю принесли весть, мол, свита Арчи в трауре. В чем дело, в чем дело? Оказывается, Ширавию сожрал лев.

Услышал это отец Ширавии — и ослеп от горя. Ну, а Арча продолжает царствовать.

Пусть Арча себе царствует, а вы теперь послушайте несколько слов о Ширавии.

Ширавия сидит в колодце. Десять дней сидит, пятнадцать дней сидит. И вот однажды вечером к колодцу подъехал некий купец. Опустил он в колодец бадью, а Ширавия за нее крепко уцепился. Купец как ни тянет веревку — никак вытащить бадью не может. Заглянул в колодец, мол, в чем там дело — а оттуда такой свет исходит, словно в воде луна отражается.

И тогда купец взмолился:

— Кто бы ты ни был — птица, рожденная птицей, или пари, рожденная от пари, или человек, рожденный человеком, — отпусти мою бадью, мои лошади хотят пить.

А Ширавия отвечает ему из колодца:

— Я не див и не пари, я человек и сын человека. Но пока ты меня отсюда не вытащишь — воды у тебя не будет.

Тогда купец сказал:

— Привяжи веревку к своему поясу.

Ширавия привязал веревку к своему поясу, и купец его вытащил.

Напоили они скот, поели сами, провели там ночь, а наутро Ширавия спросил:

— В какую сторону ты направляешься?

Тот ответил:

— Я еду в страну, где царствует Арча.

— Ну, тогда я с тобой не поеду.

Купец спросил:

— А почему ты не поедешь?

Ширавия ответил:

— Да так, что-то не хочется. Меня там знают; если я с вами поеду, это и для вас может кончиться плохо.

Купец сказал:

— А я на тебя надену такую одежду, что тебя никто не узнает.

Дал он ему одежду дервиша. Юноша переоделся, купец повел свой караван и привел его в город, где царствовал Арча.

Тут они остановились, сошли с коней, купец пошел торговать на базар, а Ширавия остался. Сидит себе, играет на вьюках с товарами. И оказался здесь один из мальчиков, который раньше знал Ширавию. Он увидел его и думает: «Ведь это Ширавия сидит и играет на вьюках».

Пошел он к Арче и говорит ему:

— Ты ведь говорил, что Ширавию растерзал лев, а он, оказывается, здесь, сидит на вьюках с товарами такого-то купца и играет. Почему ты говорил неправду?

Арча сказал:

— Завтра же отберу у купца все его товары, а Ширавию повешу!

Мальчик подумал: «Зачем я это сделал, зачем сказал ему?»

Стремглав бросился бежать к Ширавии, пришел и говорит:

— Ширавия, я не знал, в чем дело, пошел и сказал твоему брату: дескать, ты говорил, что Ширавию сожрал лев, а Ширавия — вот он, сидит на вьюках с товарами такого-то купца. Тогда он сказал: «Завтра же отберу у купца все его товары, а Ширавию убью».

— Ладно, не беда, — говорит Ширавия.

Когда пришел купец, Ширавия ему сказал:

— Вот я говорил тебе, что не надо сюда приезжать!

— А в чем дело? — спрашивает купец.

— Завтра все твои товары отберут в пользу царя, — говорит Ширавия, — а меня повесят.

— Ну, до завтра как-нибудь это дело уладится, — отвечает купец.

Когда настала ночь, они развели большой костер и стали возле костра укладывать вьюки. В полночь они отвязали бубенцы, что были на шее у верблюдов, навьючили груз и — поминной как звали! Шли они, шли до самого утра, а утром пересекли границу владений Арчи. Вышли они из владений Арчи, шли, шли, наконец пришли в страну Йемен. Продали они свои товары в Йемене, и тут царь Йемена заметил мальчика, одетого в

дервишеские лохмотья. Увидел, что маленький дервиш играет на тюках с товарами купца, такой красивый, что и жизнь за него отдать не жалко!

И тогда царь сказал купцу:

— Купец, не отдашь ли ты мне этого мальчика?

— Все, что у меня есть,— это мальчик. Если его от меня хоть на час заберут — из меня и душа вон!

Царь говорит:

— Я дам тебе золота столько, сколько он весит, только отдай его мне.

Царь дал купцу золота столько, сколько весил мальчик-дервиш, и забрал его к себе. Мальчик играл возле царя, подавал ему кушанья... ну что может сделать ребенок? Что ему царь ни говорил, он все делал.

А у царя было два везира, один из них был мусульманин, а другой был кафир. Одного звали Худжанд, другого звали Йаманд.

Везир Йаманд сказал:

— Я предвижу, что мальчик этот станет причиной разрушения Йемена.

А Худжанд отвечает:

— Если б мальчик и водой был — что он может снести? А если бы был огнем — что он сожжет?

Прошло некоторое время, и снова везир Йаманд говорит:

— О царь!

— Что? — спрашивает царь.

— Я предвижу, что из-за этого мальчика будет разрушен Йемен.

Везир Худжанд сказал тогда:

— О царь, отдай мне на сегодняшний вечер мальчика-дервиша.

— Хорошо, — говорит царь.

Когда настал вечер, везир Худжанд взял мальчика и увел его к себе домой. Устроил угощение, поели плова и всякой всячины и беседуют. Разговаривали так до полуночи, когда же настала полночь, везир Худжанд принес Коран и сказал мальчику:

— Ну-ка, поклянись на Коране, скажи правду, чей ты сын, откуда ты пришел?

Ну, и мальчик поклялся на Коране, что скажет правду, и рассказал ему: «Я не сын дервиша, а царевич, а попал сюда из-за своего брата. Он хотел меня погубить и бросил в колодец, а купец вытащил меня из колодца, привел сюда и отдал царю».

— Ну, раз так,— говорит везир Худжанд,— ты никому этого не говори, а не то тебя погубят.

Постелил везир постели: себе в передней части дома, а мальчику во внутренних покоях. А у везира была дочь, которую звали Гунча. Когда юноша пришел к везиру, взгляд ее упал на него, и она в него влюбилась — не одним сердцем, но тысячько сердец. Ну и когда везир с юношей разошлись по покоям, она постучала в двери того покоя, что был отведен для юноши.

— Кто там? — спросил Ширавия.

— Дочь такого-то.— ответила она.— Отвори дверь!

— Зачем ты пришла? — спросил Ширавия.

— Я влюбилась в твою красоту,— ответила девушка.

— О девушка! — сказал Ширавия.— Стунай отсюда той же дорогой, что пришла сюда! Уходи отсюда. Я отведал соли у твоего отца, а соль — это не дерьмо! ¹

— Клянусь богом, которому нет равных,— сказала девушка,— пока ты не удовлетворишь того желания, что у меня в сердце, я никуда не уйду!

А он опять ей говорит:

— Девушка, ступай, откуда пришла! Иди своей дорогой.

И все это он говорил так громко, что везир Худжанд проснулся; услышал, о чем говорят, вошел в покои, смотрит — да ведь это его дочь! Подумал: «Ну что ж, молоко овцы для того и есть, чтоб его ягненок пил! Отдам я свою дочь за этого юношу». Ну и обручил свою дочь с юношей-дервишем, отдал Гунчу ему в жены.

А наутро пришел к царю и говорит:

— Это обыкновенный сын дервиша, и ничего больше!

Прошло некоторое время, и однажды везир Йаманд снова говорит царю:

— О царь! Я предвижу, что из-за этого юноши Йемен постигнет несчастье!

— Ну что же мне делать? — говорит царь.

Тогда везир Йаманд говорит:

— Ты мне не веришь? Ну хорошо. Давай возьмем с собой мальчика и пойдем на базар. Ты сам убедишься в том, что я прав.

— Ладно,— отвечает царь.

А везир Худжанд прослышал, что они отправляются на базар, позвал к себе юношу и говорит:

— Когда вы пойдете на базар, царь с везиром поведут тебя в тот ряд, где продают оружие. Ты смотри не проговорись, мол, «какой хороший меч!», «какой хороший щит!» или «какая хорошая палица!» Смотри не скажи так! А увидишь где-нибудь

головную повязку или чашу для подаяния, или дервишеский топорик, скажи: «Какая хорошая повязка! Какая хорошая чаша! Какой хороший топорик!». Ведь это все — вещи для дервишей, вот их и проси купить тебе.

И вот царь, везир Йаманд, везир Худжанд и мальчик-дервиш пришли на базар. Прогуливались они по базару и наконец пришли в оружейный ряд — там висят щиты, мечи и всякое оружие.

Везиры с царем идут мимо, а мальчик-дервиш идет вместе с ними, даже головы не подымает. Пришли они в ряды, где продают головные повязки, топорики и чаши для дервишей, и тут мальчик говорит:

— Какая хорошая повязка! Жаль, нет у меня денег ее купить! Какой хороший топорик! А что толку, ведь денег-то нет! Какая чаша хорошая, да купить не на что!

Везир Худжанд и говорит царю:

— Вот видишь, он только и думает, что о чашах и топориках! О мече и не заикается, сразу видно, что в оружии он ничего не смыслит!

И так опять ничего не вышло из козней везира Йаманда. Вернулись они все домой.

Прошло сколько-то времени, и снова везир Йаманд говорит царю:

— Я предвижу, что Йемен будет разрушен из-за этого мальчика-дервиша.

— А что же мне делать? — спросил царь.

— Если не веришь — выставь сорок богатырей, и пусть они померятся с юношей в искусстве владения копьём и палицей. Тогда все и станет ясно.

Ну, и царь согласился. Выставил он сорок богатырей с золотыми поясами и велел им померяться силой с этим юношей.

А везир Худжанд говорит юноше:

— Тебя хотят погубить, мальчик! Старайся, что есть у тебя сил, попытайся одержать над ними верх. Будь что будет, а ты старайся их одолеть!

Мальчик-дервиш потребовал, чтобы ему привели коня. Привели ему на выбор пятьдесят коней, а он только положит руку коню на спину — сразу ему хребет ломает.

Сказали об этом царю, царь разгневался и говорит:

— Неужто в царской конюшне нет ни одного скакуна, который может выдержать руку этого юноши?

Главный конюх говорит:

— Есть тут у нас один лютый конь, такой свирепый, что

даже ячмень и сено ему приходится издали бросать, воду ему тоже даем, не входя в стойло.

Царь велел конюху:

— Отведите мальчика к этому коню! Может быть, конь сломаёт ему голову, и мы от него избавимся, а то спасу от него нет!

Ну ладно. Приведи мальчика в конюшню и говорят:

— Вот в этом стойле есть конь, попробуй его оседлать.

Только мальчик приблизился — конь так взбрыкнул, что половина стойла отлетела в одну сторону, другая половина — в другую. Тогда мальчик-дервиш схватил коня за холку и так огрел его по морде, что коня проняла дрожь. Потом Ширавия сказал:

— Принесите попону, потник и всю сбрую.

Принесли ему потник, и попону, и покрывало. А он берет потник и то на хвост коню положит, то на гриву: дескать, я и лошадь-то седлать не умею. Стали ему объяснять: это положи сюда, это положи туда. Вот потихоньку он оседлал коня, да так затянул подпруги, что лютый конь застонал.

— Принесите меч, — попросил Ширавия.

Принесли ему один меч, принесли другой — сто мечей ему принесли, и все их он погнул и выбросил.

И тогда царь сказал:

— Неужто не найдется такого меча, чтобы подошел этому юноше?

Казначей сказал:

— Есть один меч, который принадлежал твоему деду. Но никто его поднять не может — такой он тяжелый.

Привели самого юношу, он взял этот меч в руку, помахал им и говорит:

— Этот подойдет, этот годится.

Ну вот, а теперь послушай о другом. У царя была дочь, звали ее Симинзар. Симинзар давно уже прослышала об этом юноше и, когда пришло время ему померяться силами с сорока богатырями, позвала служанку и сказала ей:

— Возьми этот узелок с одеждой, отнеси его юноше; пусть, когда настанет ему время идти на ристалище, он наденет эту одежду на себя.

Служанка взяла этот узелок с одеждой, отнесла мальчику и сказала:

— Это прислала тебе Симинзар, царская дочь.

Надел мальчик-дервиш на себя эту одежду — что за юноша, сияет, как луна в четырнадцатую ночь!

Вложил он ногу в стремя, легко, без труда вскочил в седло,

уселся поудобнее и выехал на ристалище. Царь, везиры и вся свита расселись на склоне холма и смотрят. А сорок богатырей и мальчик-дервиш мерятся силой в состязании на копьях и палицах. Вот они состязаются, и юноша видит, что, вместо того чтобы сражаться с ним тупыми сторонами мечей, они направили на него острия и хотят его убить. И тогда он взялся покрепче за рукоять меча и перебил всех сорок богатырей.

Убил он всех богатырей, и тут появился какой-то всадник: верхом на слоне, из породы дивов. Появился на ристалище и кричит:

— Эй, ублюдок, что за смуту, что за раздор ты сеешь, почему ты убил столько людей?

Только он это сказал, как Ширавия схватил его за поясной платок, сдернул с седла, поднял вверх и так швырнул оземь, что земля растрескалась. Вытащил кинжал, чтобы распороть ему брюхо, а тот и говорит:

— Постой, приятель, я гонец, у меня есть письмо.

Ширавия взял письмо, открыл его и видит, что там написано. Правитель Шама пишет: «Эй, царь Йемена! Если ты пришлешь мне свою дочь Симинзар со служанками и рабами — хорошо; если же не пришлешь, то прахом твоего города я наполню торбы своих коней».

Ширавия тогда оставил гонца, и тот понес письмо царю. А Ширавия отправился домой.

Царь прочел письмо и отдал его везиру Йаманду. Везир Йаманд прочел его и передал везиру Худжанду.

И потом царь спросил у них:

— Ну, что вы посоветуете?

Везир Йаманд сказал:

— Отшли Симинзар со служанками и рабами правителю Шама.

А везир Худжанд сказал:

— Надо посоветоваться с юношей-дервишем.

Пошли, позвали юношу-дервиша. Юноша-дервиш пришел, а ему говорят, что правитель Шама требует прислать к нему Симинзар со служанками и рабами. Мол, пошлешь — ладно, а не пошлешь — прахом твоего города наполню торбы своих лошадей.

Тот говорит:

— О средоточие вселенной, хочешь посылать — посылай! Что мне за дело до твоей дочери? Ты — царь, у тебя есть везиры, векили, а мне-то что за дело!

А царь говорит:

— Я даю тебе полную волю, решаю ты!

Тот спросил:

— Ты мне даешь волю?

Тот сказал:

— Да, тебе.

Тут юноша взял письмо, разорвал его на мелкие клочки и запихал в рот гонцу. И сказал:

— Передай правителю Шама, пусть поостережется, не то остаться ему без рук и без ног.

Отрезал ему нос и уши, бросил в полу одежды и сказал:

— Убирайся!

Гонец отправился в путь. Пусть он себе едет, а ты послушай про юношу-дервиша. Юноша-дервиш надел на себя ту одежду, которую ему прислала Симинзар, и вечером пришел к ней во дворец. А Симинзар его уже поджидала. Увидела она, что он идет, пошла ему навстречу, обняла его, поцеловала, и они предались утехам и наслаждениям. Он положил голову на колени Симинзар и заснул.

Пусть он себе спит, а ты послушай о том, что у царя Йемена был племянник. Племянник подумал: «Пойду-ка я сегодня к своей двоюродной сестре. Ведь ее все равно либо правитель Шама уведет, либо юноша-дервиш заберет себе. Уж лучше я сам к ней пойду».

Пришел племянник царя во дворец Симинзар и видит: юноша-дервиш положил голову на колени Симинзар и спит. Снял меч с пояса и ударил Ширавию по голове мечом. Девушка увидела, что это ее двоюродный брат, опустила голову Ширавии на землю, схватила меч и погналась за ним. Выбежали они в город — она не смогла его догнать, он убежал.

Вернулась она назад и думает: «Что мне теперь делать?»

Была у нее хорошая кошма. Она принесла ее, насыпала в белую простыню всякого добра, драгоценностей, рядом положила тело Ширавии, голову ему крепко обвязала платком, все это завернула в кошму и приказала двум служанкам:

— Возьмите это, отнесите и положите на перекрестке у базарной площади. Кто-нибудь его там найдет и заберет, может быть, вылечит его за эти деньги.

Две-три служанки взяли тело Ширавии, завернутое в кошму, отнесли его на перекресток.

Пусть себе он лежит на перекрестке, а ты послушай про сорок разбойников.

Неподалеку от города в горах жили сорок разбойников. Все время они ели, пили да спали — больше ничего не делали. И вот их атаман говорит им:

— Вот уже двадцать дней, как вы никуда не выходите по

почам, не грабите, не воруете. Только и знаете, что есть да спать! Разве это дело?

Один разбойник говорит:

— Пойду сегодня ночью хоть ослиное седло украду!

И тогда все разбойники встали и разошлись кто куда воровать да грабить. Тот из них, который собирался украсть ослиное седло, вышел на базарную площадь и видит: валяется на земле хорошая кошма. Взвалил он ее себе на плечи и понес. Пришел в пещеру, где было логово разбойников, развернул кошму — а там такой красивый юноша, что и сестры для него не жалко! Но вот только кто-то его по голове мечом ударил — зияющая рана! А еще в той же кошме столько богатств, что если и всю жизнь будешь тратить — все равно не истратишь!

И тогда он сказал:

— Кто может привести лекаря?

Один из разбойников сказал:

— Я приведу.

Подпоясался и пошел в город разыскивать лекаря. Разыскал его дом, вошел и сказал ему:

— Лекарь, у нас тут есть один больной, пойдем со мной к нему. Возьми с собой все снадобья, какие только у тебя есть, чтобы потом не говорить, мол, у меня такого лекарства нет. Это здесь, недалеко, ты быстро вернешься.

Лекарь собрал все самые лучшие снадобья, что у него были, отдал их разбойнику и говорит:

— Ну пошли.

Идут они, а разбойник приговаривает: тут рядом, еще немного, еще два шага. И так постепенно вывел его за городские ворота. А как вывел его из города, вытащил меч и приказал ему:

— Иди вперед! А если не пойдешь — я тебя прикончу одним ударом.

Повел его, привел в пещеру и сказал:

— Один из наших товарищей ранен ударом меча. Когда ты его вылечишь — уйдешь отсюда. А если не вылечишь — здесь же и останешься навеки.

Лекарь развязал голову Ширавии, промыл его рану, смазал снадобьем, снова крепко завязал платком. И тут Ширавия открыл глаза и увидел, что он в пещере.

Пусть себе Ширавия остается в пещере, а ты послушай несколько слов о том гонце, что ездил верхом на слоне.

Прибыл этот гонец к правителю Шама. Когда правитель Шама увидел, что его гонцу отрезали нос и уши, он спросил:

— В чем дело, что случилось?

Тот рассказал все, что с ним случилось. И еще добавил:

— Они сказали, дескать, пусть правитель Шама поостережется, не то останется без рук и без ног.

Правитель Шама вынул из кармана калам и чернильницу и написал приказ, мол, соберите войско, пусть придут все — от двадцати пяти до тридцати пяти лет. И собралось такое войско, что колосья в поле сосчитать можно, а людей в этом войске сосчитать нельзя. Двинулось это войско в сторону Йемена и обложило Йемен. И тогда везир Йаманд сказал царю Йемена:

— Ну что, не говорил я тебе, что Йемен будет разрушен из-за юноши-дервиша? Посмотри, что он наделал! Он отрезал нос и уши тому гонцу, а теперь пришло войско и окружило тебя — что ты теперь будешь делать? А самого его нет! Кто знает, куда он подевался?!

И вот Йемен в осаде, каждый день бой, убивают двадцать-тридцать человек из людей царя Йемена.

Пусть их себе убивают, а ты тем временем послушай о Ширавии, которому стало теперь немного лучше.

Однажды вышел Ширавия из пещеры и видит: город окружен войском, да таким многочисленным, что легче колосья в поле сосчитать, чем это войско. Тогда он сказал, обращаясь к разбойникам:

— Братья, ведь все это войско и вся эта война — все это из-за меня. Я должен тоже участвовать в сражении. Мне надо отправиться в город, привести своего коня и принести свой меч.

Разбойники сказали:

— Мы тоже с тобой пойдём.

Этой ночью Ширавия и сорок разбойников проникли в осажденный город и пришли в дом Ширавии.

Ширавия взял того лютого коня и свой меч, попрощался со своей женой Гунчей, сказав ей:

— Прощай пока, не знаю, что со мною будет!

Вернулись они все в пещеру, а наутро Ширавия оседлал своего коня, крепко затянул подпруги, и вот уже славный Ширавия под грохот барабанов выезжает на поле брани.

Выходит ему навстречу богатырь, такой, что один может сразиться с сотней всадников.

И говорит Ширавия:

Сердцу моему знаком меча удар,
Только с Искандаром сравнится Искандар!
Битвой двух героев пусть наш будет бой,
Словно львы, сразимся, витязь, мы с тобой.
Не бывало равных мне на поле брани,

Хил ты, как росток, что, обреченный, вянет.

— Право первого удара я даю врагу. Бей, и пусть в сердце твоём не будет жалости!

Славный Ширавия укрылся под сенью щита, а тот ублюдок поднял палицу и обрушил удар на Ширавию. Ширавия храбро отразил удар и сказал:

Пусть мой меч удар ответный нанесет
Так, чтобы забыл ты этот мир и тот.
Не бывало равных мне на поле брани,
Хил ты, как росток, что, обреченный, вянет.

Пошевеливайся, чтобы я убил тебя скорее, ведь есть у меня сто других дел!

Тут Ширавия вытащил меч из ножен и так ударил по щиту врага, что развалил его, как кусок сыра. Рассек его от головы до пояса, так что конь и всадник развалились на четыре части. А сам въехал в гущу вражеского войска и так бился, что громоздил из трупов холмы, а из холмов горы; смело сражался, и никто не мог выстоять против него. И не успокоился он, пока не наступил вечер. Тысячу людей он отправил в ад. А вечером барабаны забили отбой, все направились по своим шатрам, а Ширавия вернулся в горы, в пещеру к разбойникам.

А эти разбойники так ему прислуживают, так за ним ухаживают! Так они ему все тело размяли, такой вкусной едой пакармили, что наутро ему кажется, будто накануне никакого боя и не было!

На следующий день, когда черноту ночи смыли с престола звезд и солнце воцарилось на троне, опоясавшись усыпанным драгоценностями кинжалом, и когда половину свода небесного золотом, а половину — серебром украсил копьеносец-араб, воссевший на его вершине², Ширавия вновь вышел на поле битвы. И опять сражался так, что тысячу людей отправил в преисподнюю. А к вечеру барабаны забили отбой, и все разошлись по своим шатрам, а Ширавия ушел к себе в горы.

Царь спросил:

— Что это за богатырь, что каждый день спускается с гор, выходит на поле брани, а вечером возвращается восвояси?

Везир Йаманд сказал:

— Ему помогают Большой идол, Маленький идол, теленок и телка³.

А везир Худжанд говорит:

— Ни при чем здесь ни Большой идол, ни Маленький идол, ни теленок, ни телка; просто это тот парень-дервиш.

Царь спросил:

— Если это юноша-дервиш, почему он не приходит к нам?

А везир ему отвечает:

— А как он к нам придет? Ведь вдоль границ города поставлены караулы. Если бы мой сын пришел — и его бы убили, не пропустили в город.

На третий день Ширавия вышел сражаться на поле брани и сражался до вечера; вечером он снова вознамерился отправиться к себе в горы, но люди йеменского царя обступили его и говорят:

— Царь Йемена требует тебя к себе.

Ширавия вместе с сорока разбойниками въехал в город. Въехал он в город, едет по улице, а навстречу ему идет племянник царя, тот самый, что его ранил. Ширавия выхватил меч и ударил его — дескать, когда голова моя лежала на коленях у Симинзар, ты нанес мне удар, а теперь я тебе его возвращаю. И отправил его в ад.

И вот теперь Ширавия с сорока разбойниками живет в городе; каждый день он по-прежнему выходит на поле брани и каждый день тысячу человек отправляет в преисподнюю. Этим только он и занят.

Был у властителя Шама один богатырь, и решил властитель Шама, что выпустит его бороться с Ширавией. Это был богатырь из богатырей, громадный, как гора, дивовское отродье!

Настал день поединка, вышел Ширавия на поле брани и спрашивает соперника:

— Как мы будем биться: палицами или копьями?

— Будем бороться, — отвечает тот.

И они схватились и боролись целый день. К концу дня тот богатырь стал одолевать Ширавию, стал валить его на землю.

Как раз в это время Симинзар вышла прогуляться на крышу царского дворца. Увидел ее Ширавия, и силы его словно удвоились. Помянул он единого бога, поднял этого богатыря в воздух и швырнул его оземь так, что земля треснула. Вытащил кинжал, вспорол ему брюхо. А тут уже вечер: барабаны забили отбой, и все разошлись по своим шатрам.

И тогда полководец Шама послал к царю Йемена сказать, дескать, не удастся нам победить вас, давайте заключим мир.

Царь согласился. Люди Шама принесли клятву на Коране, дескать, нам до вас больше дела нет, а вам — до нас. Мы уйдем отсюда, а вы оставайтесь себе здесь, у себя в стране.

Помирились они, прошло несколько дней, и властитель Шама пригласил к себе царя, обоих везиров, Ширавию и двадцать главных эмиров.

Пригласил он их к себе в гости, и тут везир Худжанд говорит Ширавии:

— А ты, Ширавия, будь осторожен, не ходи туда. Ведь никогда враг не станет другом.

Ширавия ему отвечает:

— Как же мне не пойти? Ведь скажут, что я испугался.

А везир Худжанд настаивает на своем:

— Говорю я тебе: не надо ходить.

Ширавия его не послушался и вечером отправился в гости к правителю Шама вместе с эмирами и вельможами.

Пришли они к правителю Шама в шатер, принесли им воду для мытья рук. Помыли они руки; тут подали еду. Только они собрались есть, как на каждого из них набросились по три-четыре воина и связали их. Заковали в цепи всех: и царя Йемена, и везира Йаманда, и Ширавию, и всех эмиров. Только везира Худжанда там не было. А еще была там Симинзар со своими служанками и рабами — всех их правитель Шама захватил в плен и увел с собой. Привел он их в свою страну, и тут Симинзар сказала ему:

— Если ты убьешь Ширавию — то и я себя убью. Хочешь держать его в плену — твое дело. Но если только я узнаю, что ты хочешь его убить, — я убью себя.

У правителя Шама была дочь. Он поселил Симинзар вместе со своей дочерью, а всех остальных — царя Йемена, везира Йаманда и Ширавию — бросил в темницу.

Пусть они себе остаются в темнице, а ты послушай несколько слов о жене Ширавии.

Жена Ширавии Гунча, когда Ширавия еще был в Йемене, зачала от него. Через девять месяцев, девять дней, девять часов она родила сына, которого нарекли Джахангир-шахом. Не будем растягивать наш рассказ на долгие месяцы и годы — мальчик вырос, стало ему тринадцать-четырнадцать лет.

И вот играл он однажды с мальчишками, и один из мальчишек ему сказал:

— Если ты и вправду такой сильный, иди освободи своего отца.

Джахангир ничего не ответил, но слова эти запали ему в сердце. Пришел он к своей матери и сказал:

— Поджарь мне немного пшеничных зерен.

Она поджарила и говорит ему:

— Бери!

— Нет, ты дай мне своей рукой! — отвечает он.

Только мать набрала полную горсть раскаленных зерен — он схватил ее за руку, крепко сжал ладонь и говорит:

— Говори, где мой отец! ⁴

Она взмолилась:

— Отпусти мою руку, она горит! Твой отец в плену у правителя Шама.

— А почему ты мне об этом раньше не сказала?

— Ты ведь еще маленький, сыночек, ты еще не сможешь сражаться, чтобы освободить своего отца.

Джахангир ей отвечает:

— Не твое дело, маленький я или большой! Ты должна была рассказать мне о судьбе моего отца.

А к тому времени от того лютого коня, что был у Ширавии — его кличка была Дракон, — у нескольких кобылиц родились жеребята. Джахангир выбрал себе одного прекрасного жеребца, дал ему кличку Гульранг, надел на него красивую сбрую, а на себя — богатырские доспехи; наполнил хурджин драгоценностями, приторочил его к седлу коня, попрощался с матерью и дедом — везиром Худжандом. Он сказал им:

— Прощайте, не знаю, увижу вас еще или нет.

Птицей он в седло взлетел, ногу в стремя он продел; удобнее уселся и пустился в дальний путь, о любви стихи слагая, подвиг ратный совершая. Конь стойкий мчался вдаль: жилы крепки, словно сталь, ноги — мощные колонны. Чтоб иметь коня такого — я даю вам в этом слово, небосводом я клянусь! — вмиг навеки откажусь я от локонов любимой. Меч стальной, что держит он, пусть не будет занесен над головками красавиц, пусть живут и радость дарят; люди плачут о себе, по себе Саади рыдает ⁵.

И так приехал он в один город. Видит: на зубцах стены этого города насажены человеческие головы. Подошел к воротам, а там сидит старик-привратник. Он спросил его:

— Примешь ли ты гостя?

— Гость — от бога, гостя бог посылает, — отвечает тот.

И вот он на ночь остался гостем старика-привратника. И вот Джахангир спрашивает у привратника:

— О старик, что означают эти головы на зубцах стены?

— Зачем ты спрашиваешь об этом? Лучше бы тебе ничего не знать, — отвечает привратник. — Но раз уж ты спросил, я скажу тебе: у царя есть дочь, ее зовут Шэкуфэ. В эту Шэкуфэ влюбился див. Откуда ни приходят царевичи к ней свататься — всем им приходится вступать в поединок с дивом, и див их всех убивает. Если найдется кто-нибудь, кто одолеет дива, тому царь отдаст дочь и полцарства в придачу. А до сих пор див побеждал в поединке всех юношей, отрезал им головы и вешал на зубцы городской стены.

Ну, прошла ночь, наутро юноша просыпается и видит: улицы убирают, поливают их водой, играет музыка.

Джахангир спрашивает у своего хозяина:

— В чем дело?

— Наверное, еще один царевич появился, чтобы бороться с дивом, — отвечает привратник.

— Давай пойдем посмотрим, как они будут бороться, — говорит Джахангир.

— Туда не пройти, — отвечает старик. — Туда столько народу приходит поглазеть, что и не протиснуться.

Джахангир сказал:

— Тогда возьми меня сзади за пояс, держись крепче, я проташу тебя туда.

Старик схватил Джахангира сзади за пояс, и тот повел его за собой — то в одну сторону, то в другую, — протиснулись они к тому месту, что было отведено для борьбы. Встали в первом ряду. Видят: вышел царевич, такой красивый, что и умереть за него не жалко! Вышел див, и начали они бороться. Много ли, мало ли они боролись — наконец див поднял царевича и шмякнул оземь. А потом отрезал ему голову, подошел к городской стене и повесил голову на зубец.

Вышел снова на площадь и говорит:

— Ну, кто еще желает со мной бороться, пусть выходит на площадь!

Тут царь сказал, обращаясь к толпе, собравшейся на площади:

— О друзья и родичи! Неужели во всем городе не найдется никого, кто победил бы в борьбе этого дива? Я отдал бы тому свою дочь и полцарства в придачу!

Но никто не отозвался.

Царь повторил свои слова, но в ответ опять молчание. В третий раз воззвал к толпе царь — и тут Джахангир вышел вперед и сказал:

— Я буду бороться.

Джахангир вышел на площадь и начал бороться с дивом. Два-три захвата — и Джахангир поднял дива и так шмякнул его оземь, что земля треснула. Отсек ему голову, повесил на зубец городской стены и вместе со стариком-привратником отправился восвояси.

А царь, когда пришел в себя от радости, велел разыскать того, кто убил дива. Но сколько ни искали — найти не могли. Наконец царю донесли, мол, у такого-то из привратников живет кто-то в гостях. Царские слуги пришли домой к привратнику и отвели юношу к царю.

Царь сказал:

— Сын мой, я давно мечтал, чтобы нашелся такой человек, как ты, и освободил нас от дива. Я поклялся отдать ему в жены свою дочь Шэкуфэ.

А Джахангир говорит:

— О царь! Я сейчас не смогу здесь оставаться, у меня впереди долгий путь.

Царь отвечает:

— Как бы там ни было — Шэкуфэ твоя.

И решили они тотчас заключить брачный договор. «Пусть,— думает Джахангир,— ведь хуже от этого не будет».

Совершили они брачную церемонию, прошло десять-пятнадцать дней, и Джахангир сказал:

— О царь! Мне нужно пойти по своим делам — ведь я говорил, что мне предстоит долгий путь.

А Шэкуфэ услышала это и говорит:

— И я пойду с тобою.

— Ты-то зачем пойдешь?

— Нет, я тоже пойду! Как же я тебя оставлю?

Джахангир взял с собой Шэкуфэ, и они пустились в путь. Ехали, ехали и наконец приблизились к городу, где жил правитель Шама. Разбили шатер на лужайке возле города. Джахангир взял лук и стрелы и застрелил несколько диких голубей. Приготовили из них жаркое, поели. Джахангир положил голову на колени Шэкуфэ и заснул.

Пусть себе спит, а ты теперь послушай о правителе Шама.

Правитель Шама отправился на охоту, приехал на ту лужайку, где остановились Джахангир и Шэкуфэ. Смотрит: на лужайке разбит шатер, а в шатре сидит девушка невиданной красоты. Девушка, каких нигде не сыщешь, девушка, каких одна на тыщи: легкость ветерка в изящном стане, взгляд — как будто у китайской лани; как фисташка, губы чуть раскрыты, кудри шелковые по плечам развиты, сто красот у ней и тысяча достоинств. Стоит шаг ступить ей — все в смятенье перед ней мгновенно замирает; бросит взгляд — и мир тотчас же перед ней стыдиться начинает⁶.

Правитель Шама сказал одному из своих слуг:

— Пойдите и скажите этому юноше, чтобы он пришел ко мне.

Слуга пошел, вошел в шатер и сказал:

— Эй, брат, пойдем со мной, тебя зовет к себе полководец Шама.

Джахангир вместо ответа так ударил этого дерзкого слугу, что тот стал горбатым.

Слуга вернулся к царю и стал жаловаться, дескать, вместо ответа тот человек так меня ударил, что из меня чуть душа вон не вышла.

А властитель Шама говорит ему:

— Ты что, не попросил разрешения войти, не кашлянул у входа?

— Нет,— отвечает слуга,— я прямо так вошел, без всяких церемоний.

— Ну что же, тогда правильно, что тебя так отделали,— сказал правитель Шама.

И послал своего везира, чтобы тот пошел и привел юношу. Везир отправился и еще за десять шагов до шатра начал отвечать поклоны, бормоча: «Да будет мир вам, в добрый час, да будет мир вам, в добрый час...»

— В чем дело? — спросил его юноша.

— Правитель Шама зовет тебя к себе,— отвечает везир.

— Хорошо, скажи ему, что я приду,— сказал Джахангир. Собрался и пошел к правителю Шама. Приветствовал его, услышал ответ на свое приветствие.

Правитель Шама спросил его:

— Откуда ты, юноша?

— Я — чужеземец, странник,— отвечает Джахангир.

— О чужеземец! Не подаришь ли ты царю свою девушку?

— Хорошо,— говорит Джахангир,— но только если ты удовлетворишь одно мое условие.

— Какое еще условие? — спрашивает правитель Шама.

— Сделай меня старшим над отрядом всадников человек в сорок-пятьдесят.

— Ладно,— сказал правитель Шама,— пусть будет по-твоему.

Джахангир отправился в шатер к Шэкуфэ, рассказал ей все как было и говорит:

— На время я отдам тебя правителю Шама, живи там, но смотри — руки ему не давай.

Отвел он Шэкуфэ правителю Шама, а сам стал старшим над отрядом всадников человек в сорок-пятьдесят.

Правитель Шама поселил Шэкуфэ вместе с Симинзар и своей дочерью. Так они там втроем и жили: Шэкуфэ, дочь правителя Шама и Симинзар.

Прошло какое-то время, и Джахангир с помощью всевозможных хитростей и уловок постепенно, постепенно разузнал дорогу к темнице.

И вот однажды вечером он вместе со своим отрядом напал на темницу, убив сорок-пятьдесят человек. Но тут пришла под-

мога тюремной страже, и Джахангир еле унес оттуда ноги. Не удалось ему освободить пленников. И с тех пор стал он совершать набеги на войско правителя Шама. Каждый день убивает сто-двести человек — а сам цел, и все его люди целы.

Везир правителя Шама говорит своему господину:

— Это кто-то из родственников Ширавии. Либо брат его, либо сын. Надо вздернуть Ширавию на виселицу — тогда он оставит нас в покое.

Настала ночь, построили виселицу и всех троих: царя Йемена, везира Йаманда и Ширавию — вздернули на виселицу.

А тут откуда ни возьмись появились трое разбойников, что бродили вокруг города. Перерезали веревку, сняли тела и отнесли к источнику. Смотрят — а Ширавия еще чуть-чуть дышит. Взяли воды, накапали ему в рот, так или иначе привели его в чувство. Пришел он в себя и говорит:

— Если не умру, останусь жив, — сделаю вас в этом городе царями. Ну уж а если нет, так нет.

Десять-пятнадцать дней эти разбойники ухаживали за ним, кормили его, и так он поправился, что будто ничего и не было.

А тем временем Джахангир все еще сражался с войском правителя Шама.

Тут ему на помощь пришел Ширавия. Он разыскал себе меч, и так они и сражаются вдвоем — Ширавия нападает с одной стороны, Джахангир — с другой.

Видит это Ширавия и думает: «Я двадцать лет провел в темнице, мщу за себя, потому и сражаюсь с правителем Шама. А этот юноша — почему он сражается?»

А Джахангир думает: «Я сражаюсь за своего отца, которого они бросили в темницу, а из-за чего сражается этот человек?»

Бились они в этот день до полудня, один с одной стороны, другой — с другой. И сошлись вплотную. Спрашивает Джахангир:

— О богатырь, почему ты сражаешься с войском правителя Шама?

А тот в ответ:

— А ты почему сражаешься?

— Я сражаюсь потому, что, когда я еще не родился на свет, правитель Шама пленил моего отца. Я мщу за своего отца.

Ширавия спросил:

— А кто твой отец?

— Мой отец — Ширавия, — отвечает тот.

— А твой дед?

— Мой дед — везир Худжанд.

— А как зовут твою мать?

— Мою мать зовут Гунча, — отвечает Джахангир.

Тут Ширавия заключил его в объятия и поцеловал в щеку со словами: «Я твой отец». И они зарыдали...

Они продолжали сражаться с войском правителя Шама — отец с одной стороны, сын — с другой. А вечером вместе возвращались в шатер, и там те два-три разбойника готовили для них пищу. Так вот и шло время.

Однажды ночью Ширавия сказал Джахангиру:

— Сходим в город, проведем пленниц.

А пленницам пищу носила дочь правителя Шама. И так она к ним привязалась, что готова была исполнить любое их желание.

Ширавия с Джахангиром подстерегли дочь правителя Шама на улице, когда та несла пленницам пищу, и уговорили ее провести их в покои к девушкам.

И стали они после этого каждую ночь навещать Симпзар и Шэкуфэ.

А однажды они сказали девушкам, когда у них были:

— Одну или две ночи мы не придем. Кончим битву, победим войско правителя, а потом придем и заберем вас отсюда.

Ночь прошла, другая, а на третью ночь решили девушки сами пойти к Ширавии и Джахангиру. Подговорили дочь правителя Шама и под покровом ночи выбрались из города. А тут, откуда ни возьмись, по небу летит див. Подхватил всех трех девушек и унес.

На четвертую ночь пришли Ширавия и Джахангир в замок — а девушек и следа нет. Тогда они пошли к гадалщику, гадалщик бросил кости и говорит:

— Девушек унес див в такое-то место и заколдовал. Семь заклятий надо снять с этого места, чтобы их освободить. Но только осторожно, чтобы самому не оказаться заколдованным. — И дал им скрижаль, где было написано, как снимать заклятия.

Ушли отец с сыном от гадалщика и решили между собой так: пусть Джахангир остается воевать с войском правителя Шама, а Ширавия поедет на поиски девушек.

На следующее утро Ширавия сел на своего коня и пустился в путь. Много ли, мало ли проехал, достиг того заколдованного места. Решил вынуть скрижаль, чтобы расколдовать это место — сунул руку в хурджин — а камня нет. И понял он тут, что оставил скрижаль в том шатре разбойников, что служил им с сыном местом ночлега. Стал вспоминать заклинания, что были на скрижале. Снял первое заклятие, снял второе, снял третье — и так дошел до седьмого, а как снять седьмое — не помнит. Не

удалось ему освободить девушек, и оказался он, как и они, заколдованным.

Пусть они себе остаются в этом заколдованном месте, а ты послушай теперь про Джахангира.

Джахангир сражался, сражался с войском правителя Шама, наконец перебил всех его воинов, убил и его самого, и всех его векилей и везиров. И одного из трех разбойников сделал он царем в этом городе, а другого везиром, третьего — векилем. Понял он, что с отцом что-то случилось, взял скрижаль, положил в переметную суму и двинулся в путь. Ехал, ехал и достиг того заколдованного места. Снял первое заклятие, снял второе, снял третье — и так дошел до седьмого. А седьмого никак снять не может. Вытащил тогда из сумы скрижаль, взглянул на камень, прочитал заклинание и снял последнее заклятие. Смотрит — а он в царстве дивов. Вокруг столько дивов и пари, что один бог может сосчитать. А отца его нет и девушек тоже. И понял он, что, пока не перебьет этих дивов, не освободить ему отца и пленниц. Разбил он себе шатер и стал сражаться с дивами. Днем бьется с дивами, а ночь проводит у себя в шатре.

А все эти дивы и пари были подданными царя пари — того самого дива, что ночью унес Шэкуфэ и Симинзар и дочь правителя Шама. У царя пари была дочь. Увидела она, что красивый, статный богатырь сражается с подданными ее отца, поняла, зачем он пришел, и влюбилась в него не одним сердцем, а тысячею сердец. И послала к нему в шатер гонца с письмом. А там написано: «О богатырь! Если ты возьмешь меня в жены — я верну тебе и пленниц, и твоего отца. А если нет — сражайся хоть год, все равно не перебьешь всех дивов и пари».

В ответ на это письмо Джахангир написал, дескать, я уже устал сражаться, возьми тебя в жены, если освободишь моего отца и пленниц.

Ночью царевна-пари пришла к Джахангиру и повела его в один дом. Открыла она дверь в этот дом, там — покои, за ними открыла еще одну, потом еще одну и так открыла двери шести покоев. А за шестой дверью — девушки-пленницы; потом открыла она седьмой покой, а там отец Джахангира. И вывели они оттуда всех четверых пленников; царевна-пари — пятая, Джахангир — шестой. Вышли они из того заколдованного места, прошли мимо всех заклятий. Джахангир посмотрел на скрижаль и вновь закрыл все заклятия.

Пошли они в тот город, где раньше царствовал правитель Шама, провели там несколько дней. А потом ушли оттуда и пошли в тот город, где жил отец Шэкуфэ.

Джахангир попросил у отца руку Шэкуфэ. Отец согласился.

Три-четыре дня они провели там, а потом отправились к себе в Йемен. Пришли в Йемен, устроили празднество, семь дней били в бубны, дули в трубы, звучала музыка. Симинзар выдали за Ширавию. Потом опять семь дней били в бубны, барабаны, дули в трубы, звучала музыка — Ширавия взял в жены дочь правителя Шама. И стало у него три жены.

А после этого семь дней праздновали свадьбу Джахангира и Шәкуфэ. А потом снова семь дней били в бубны и барабаны, дули в трубы — Джахангир взял себе в жены дочь царя пари. У Джахангира стало две жены, у Ширавии — три.

Некоторое время они проводили там в удовольствиях и наслаждениях, а потом отправились в путь. Из одного города в другой, из другого в третий — и добрались так до того города, где царствовал Арча.

Пришли они к городу Арчи, окружили его со всех сторон. Наутро забили в боевые барабаны. Арча сам вышел на поле брани. Ширавия вышел ему навстречу и говорит:

— Эй, богатырь, каким ратным искусством ты владеешь? Хочешь ли ты биться булавами, или копьями, или мечами? А может быть, ты предпочтешь бороться врукопашную?

Тот говорит:

— Давай бороться.

Схватили они друг друга за пояса и начали бороться. В один-два приема Ширавия поднял Арчу в воздух и шмякнул его о землю. Достал кинжал, чтобы вспороть ему живот. А Арча говорит:

— Не жалко тебе моей жизни?

Ширавия отвечает:

— Ты же не пожалел моей жизни, когда бросил меня в колодец, а потом хотел меня повесить и отобрать весь товар у того купца.

И тогда Арча узнал своего брата, издал вопль и сказал:

— По молодости и по глупости совершал я неразумные дела. Хочешь, будь царем вместо меня! Я отдам тебе свое царство!

А Ширавия отвечает:

— На что мне царство? У меня и так много царств! Я пришел, чтобы ты видел — тебе не удалось меня погубить. Если бог не захочет погубить человека, то раб его не сможет этого сделать.

Простил его Ширавия, и все они стали гостями у Арчи. А через месяц распрощались с ним и отправились обратно в Йемен. Вернулись в Йемен, посадили на престол везира Худжанда, а Ширавия и Джахангир так и остались богатырями. И так, как

господь исполнил их желания, да исполнит он желания всех мусульман!

8. Луна и две звезды

Жил один старик. И вот увидел он однажды во сне, что упали ему с неба луна и две звезды. Наутро он встал и подумал: «Это вещей сон». Он сказал жене:

— Жена, приготовь мне припасов в дорогу, я видел такой вот сон, пойду за своим сном, искать то, что мне приснилось.

Жена наготовила ему припасов на дорогу, полный танур хлеба напекла. Старик положил хлеб в торбу, взвалил торбу на спину и вышел в путь — спиной к городу, лицом ко всему миру. Шел он, шел и пришел в степь.

И встретился ему тут плешак-пастух по имени Хасан. Плешивый Хасан пас тут свое стадо. Увидел пастух, что старик идет по дороге, позвал его и говорит:

— Старик, иди-ка сюда, у меня есть молозиво¹, поешь и ступай себе.

Старик его не послушал. Второй раз позвал его пастух, тот снова не послушал. Тогда он подбежал к старику, схватил его за руку и сказал:

— Ну иди же поешь, потом пойдешь!

Старик согласился. Сел вместе с пастухом, поел, а когда встал, чтобы уходить, плешивый Хасан спрашивает его:

— Старик, скажи мне, куда ты идешь?

— Я видел сон,— сказал старик,— иду за своим сном.

Стало тут пастуху завидно, он и говорит:

— Продай мне свой сон.

— Нет, я тебе своего сна не продам.

— Сто баранов я тебе дам.

— Нет, не продам.

— Двести дам!

— Не дам.

— Триста дам!

— Нет,— ответил старик.

— Все стадо тебе отдаю.

Тут уж старик согласился. Хасан отдал ему все стадо, а сам взвалил на плечи торбу с лепешками и тронулся в путь. Шел он, шел, много ли, мало ли — и все припасы у него кончились. А денег у него тоже с собой нет. И тут он подумал: «Эх, все свое добро я отдал за чужой сон, а что за сон был — и не спросил».

Прошел он еще немного и видит — стоит дворец. Решил он

ночь проспать под стенами этого дворца. Был уже вечер, он лег спать. Пусть он себе спит, а ты послушай о царской дочери, что жила в этом дворце.

Царская дочь и сын везира были влюблены друг в друга, и как раз сегодня ночью он собирался ее похитить.

В одиннадцать часов ночи сын везира с двумя лошадьми подъехал к дворцу. Дочь царя выглянула в окошко и тихо спросила его:

— Сын везира, это ты?

— Да,— ответил тот.

— Нам предстоит далекий путь,— говорит она.— Я должна сходить в баню, а когда приду из бани, тогда и поедем. Ты подожди меня здесь.

— Ладно,— говорит сын везира. И остался там стоять ждать ее.

А дочь царя пошла в баню. Сын везира ждал ее, ждал, полчаса ему показались целой вечностью. Решил он пойти поторопить ее. Посмотрел вокруг, видит: под стеной дворца спит какой-то человек. Разбудил его и говорит:

— Эй, братец, присмотри-ка за моими лошадьми, я отлучусь ненадолго. За это я дам тебе четыре крана.

«Бог мне эти четыре крана посылает,— подумал Хасан.— Завтра я куплю себе на них хлеба».

Стал он стеречь лошадей. Сын везира только ушел, как в окне появилась царевна и кричит:

— Держи хурджин, приторочь к седлу!

И бросила вниз хурджин.

Хасан поймал хурджин и приторочил к седлу. Она бросила еще один хурджин, он его тоже приторочил.

— А теперь меня лови! — кричит она.

Она прыгнула из окна, он поймал ее и посадил на коня. Сам же вскочил на другого коня, и они вместе ускакали. А девушка в темноте и не видит, что это не сын везира, а плешивый пастух.

Сын везира, когда вернулся, увидел, что нет ни девушки, ни лошадей. В отчаянии он выхватил кинжал и воткнул себе в живот, зарезал себя.

Пусть он там лежит себе убитый, а ты послушай про плешивого Хасана и девушку.

Ехали они, ехали, и начало светать. Девушка удивляется, почему это сын везира молчит, не говорит ни слова. Он это или нет? Раньше он, когда был с нею, и пяти минут выдержать не мог молча, а теперь молчит и молчит. Стало совсем светло, посмотрела она — а это не сын везира, какой-то плешак.

«Ну что ж,— подумала девушка,— значит, такова воля божья». Не стала роптать.

Ехали они, ехали и доехали до солончака.

— На этом солончаке хорошо пасти верблюдов,— говорит девушка.

Плешак молчит.

Едут они дальше и подъезжают к цветущему лугу.

— Вот здесь бы пасти коров,— говорит девушка.

Плешак опять молчит.

Проехали они еще сколько-то, и девушка говорит:

— Какое здесь хорошее пастбище, здесь бы овец пасти!

— О, эй,— закричал плешак в восторге.

— Да ты, оказывается, пастух, овец пасешь! — воскликнула царская дочь.— Как тебя зовут?

— Меня зовут плешивый Хасан,— ответил он.

Едут они дальше и подъезжают к одному городу. И тут как раз бежит родник. Девушка и говорит Хасану:

— Хасан, мы здесь остановимся, поставь здесь шатер.

Они сошли с коней, Хасан разбил шатер, и тогда девушка дала ему денег и говорит:

— Пойди в город, найди повара, дай ему денег и скажи, чтобы он приготовил такой плов, какого и царь не пробовал.

Хасан пошел в город, нашел харчевню, дал повару денег и говорит:

— Приготовь такой плов, какого и царь не пробовал!

— Ладно,— говорит повар.

Хасан пошел пока прогуляться по базару. Прошло какое-то время, он возвращается к повару, а повар собрал со дна котла пригоревший рис, положил на блюдо и дает Хасану.

— Вот,— говорит,— возьми, этого царь никогда еще не пробовал.

Хасан посмотрел на блюдо и спрашивает:

— Это что такое?

— Это такой плов, какого царь в жизни не ел.

— Но я ж тебя плов просил сварить, а ты мне даешь подгоревшие остатки. Еще раз говорю — свари такой вкусный плов, какого даже царь не ел.

— Ну ладно, иди погуляй еще часок,— говорит повар.

Погулял он еще часок, а повар сварил очень хороший плов. Хасан пришел, отведал — плов очень вкусный. Взял он блюдо с пловом, нанял носильщика, тот положил его себе на голову, и они пошли. Хасан впереди, носильщик сзади — подошли они к шатру. Девушка услышала, что они подходят, и кричит из шатра:

— Хасан, возьми котел с пловом у носильщика, поставь в шатер, заплати носильщику, пусть уходит.

Хасан отнес блюдо в шатер, поставил его там, дал носильщику денег, тот отправился восвояси. Царская дочь съела одну-две горсти плова, потом сказала:

— Хасан, возьми это, унеси и поешь.

Хасан взял блюдо с пловом, вынес наружу и поел.

Прошло немного времени, царская дочь спрашивает:

— Ну что, съел ты плов?

— Да,— говорит,— съел.

— Ну, теперь складывай шатер,— приказала она.

Сложил он шатер, навьючил на лошадь, и они тронулись дальше в путь.

Ехали они, ехали и приехали опять к какому-то городу. Разбили шатер возле источника. Девушка дала Хасану сто туманов и сказала:

— Пойди и скажи повару: пусть сварит хорошего плова. Потом сходи в лавку, купи сапоги, одежду, душистое мыло, пемзу, повязку на бедра. Купи все это и приходи.

Хасан пошел сначала к повару и наказал ему: мол, сварил плов, только очень вкусный. Потом пошел в лавку, купил пемзы, душистого мыла, одежду, обувь, повязку на бедра и опять пришел к повару. Плов уже был готов. Хасан нанял двух носильщиков, те взвалили все на плечи, и они пошли к шатру.

Возле шатра он расплатился с носильщиками и отпустил их. Положил все вещи в шатер, поставил блюдо с пловом, а сам вышел. Девушка поела плова, а потом говорит:

— Хасан, возьми и ты поешь!

Хасан взял блюдо, вынес на улицу, поел на улице как нищий сирота.

Прошло какое-то время, царевна спрашивает:

— Ну что, поел ты, Хасан?

— Да,— отвечает тот.

— Теперь раздевайся, залезай в пруд, что возле родника.

«Что это она собирается делать?» — думает плешак. Однако разделся, надел набедренную повязку и залез в пруд, а девушка вышла из шатра и начала его мылить мылом и тереть пемзой так, что до крови ему кожу стерла. Только и слышно — бр-бр, бр-бр.

— Ох, умираю! — кричит плешак.

— Не волнуйся, все будет хорошо,— говорит она.

Вымыла она его, оттерла пемзой, помыла душистым мылом, насыпала ему голову снадобьем и завязала.

— Ну теперь одевайся,— говорит.

Он оделся и стал во сто раз красивее, чем сын везира.

Потом девушка приказала ему снять шатер, он снял его, приторочил к седлу, они сели верхом и двинулись в путь.

Долго они ехали, наконец приехали еще в один город. Прибыли туда, разбили опять шатер, и девушка снова посылает Хасана:

— Я,— говорит,— посижу пока в шатре, а ты возьми денег, пойди и купи мне такой дворец, в котором бы все было: и сад, и бассейн, и цветник; чтобы в саду были всякие птицы, чтобы все было красиво.

Он взял деньги и пошел в город. Ходил-ходил, искал-искал, наконец нашел такого человека, что продает дворец. Посмотрел он — а дворец на райский сад похож.

— Сколько ты хочешь за свой дворец? — спрашивает Хасан.

— Сто туманов,— отвечает тот.

Хасан дал ему сто туманов, пошел обратно к девушке и говорит:

— Пойдем, я купил тебе такой дворец, какой ты хотела.

Привел он девушку во дворец, и там она сказала:

— Ну что ж, спасибо тебе, ты хорошо потрудился для меня. Теперь приведи муллу, пусть он заключит между нами брак.

Хасан привел муллу, мулла заключил между ними брак. Так Хасан взял себе в жены царскую дочь — эта и была луна из того вещего сна, что он купил у старика.

Стали они там жить. Днем Хасан уходил на охоту, вечером приходил домой.

Так прошло много дней, и вот однажды, когда Хасан был в пустыне на охоте, к жене Хасана во дворец пришла какая-то старуха. Видит — сидит женщина, да такая красивая, что и сказать нельзя. Задумала она недоброе. Пошла прямо к царю и говорит:

— Если наградишь меня, я тебе скажу что-то, что тебе пригодится.

Царь дал ей денег, и она рассказала ему:

— В твоём городе, в таком-то переулке, в таком-то доме, у плешивого Хасана есть жена, такая красивая, что все твои жены рядом с ней — простые служанки.

И так она ему стала ее расписывать и расхваливать, что царь, не видя ее, в нее влюбился.

Вечером только Хасан пришел домой с охоты, как приходит вестник от царя: дескать, царь тебя зовет к себе.

Хасан спрашивает у жены:

— Что бы это могло значить? Кто-нибудь был у нас, пока я был на охоте?

— Да заходила тут какая-то старуха,— отвечает ему царевна.

«Ну, это ее проделки»,— думает Хасан.

Но ничего не поделаешь, пришлось ему идти к царю.

Пришел к царю, приветствовал его как полагается, услышал приветствие в ответ. Потом царь спросил его:

— Откуда ты?

— Я чужестранец, сейчас живу здесь,— отвечает Хасан.

— Ну, раз ты чужестранец, возьми сто туманов, ведь тебе, конечно, нужны деньги.

Сначала Хасан испугался, не захотел брать деньги у царя, но потом все-таки взял и ушел к себе домой.

Через десять-двадцать дней царь снова вызвал к себе Хасана.

— Хасан! — говорит царь. — Тебе, верно, нужны еще деньги. А мне нужен трон из слоновой кости. Принеси мне трон из слоновой кости, я щедро одарю тебя. А если не принесешь — отрублю тебе голову, а все твоё имущество отберу. И жену твою возьму себе. Даю тебе двадцать два дня сроку.

Хасан пришел домой, жена и спрашивает его:

— Что случилось?

— Царь приказал мне за двадцать два дня достать ему трон из слоновой кости. Где я возьму этих слонов и этот трон?

— Иди себе, уповая на бога,— сказала жена.

Испекла она ему пять хлебов, положила в торбу, и Хасан тронулся в путь.

Шел он, шел, много ли прошел, мало ли — дошел до леса. Пошел по лесу, видит: там сидит старуха-див. Он подошел к ней, почтительно ее приветствовал, услышал приветствие в ответ.

— Матушка! — говорит он.

— Ну что тебе? — спросила та.

— Нет ли у тебя воды для питья? — спросил Хасан.

— Нет,— говорит старуха,— воды у меня нет, а я и сама пить хочу; посмотри-ка, там где-то есть бадья. У меня есть семь сыновей, они каждый раз, как приходят, выпивают по бадье воды и мне приносят да льют воду в лесу, эту воду пьют в лесу слоны и другие звери.

Хасан пошел, опустил бадью в колодец, наполнил ее и вытянул; попил, принес старухе, а остатки вылил в лес. Старуха смотрит: он совсем как див — и говорит ему:

— У меня есть семь сыновей, будь мне восьмым. Но только вечером, когда придут мои сыновья, как бы они тебя не съели. Я тебя спрячу.

Прочитала она заклинание, превратила Хасана в иголку и воткнула себе в воротник.

Вечером пришли семь дивов, говорят:

— Мать, здесь человеком пахнет!

— Откуда быть здесь человеку, — говорит она. — Это вы ходите по пустыне да людей едите, вот вам они всюду и мерещатся. А здесь никого нет.

— Нет, — сказали они, — внутри леса вода налита, кто-то брал воду из колодца. Кто-то здесь был!

Тогда старуха говорит:

— Поклянитесь истинным амулетом пророка Сулеймана, что этот человек станет вам восьмым братом, тогда я вам его покажу.

Семь братьев-дивов сказали:

— Клянемся амулетом пророка Сулеймана, что мы с ним ничего не сделаем! Он будет нам как брат.

Старуха прочла опять заклинание, Хасан снова стал человеком.

Прошло четыре-пять дней, и видят братья-дивы, что Хасан худеет и бледнеет. Они его спрашивают:

— Что с тобой происходит? Что ты затосковал? Тебя кто-нибудь обидел? Или ты заболел?

— Никто меня не обидел, — говорит Хасан, — и я не болен, а тревожусь вот о чем: царь дал мне двадцать два дня срока и велел принести ему трон из слоновой кости.

— Только и всего? — сказали братья. — Ну, об этом ты не беспокойся. В ту воду, что пьют звери, мы подсыпем такого зелья, что слоны ошалеют и начнут драться друг с другом. Побьют друг друга, тут мы тебе такой трон сделаем, какого нигде не было. И прямо принесем в сад к царю.

Насыпали они в воду зелья, слоны воды попили и опьянели. Стали убивать один другого. Ну а дивы пришли потом на это место и набрали столько слоновой кости, что и сказать нельзя. К вечеру двадцать первого дня успели они изготовить трон из слоновой кости. Ночью принесли они этот трон в сад царя и оставили там. А Хасан пошел к себе домой и обо всем рассказал жене.

Утром царь позвал к себе слугу и сказал:

— Иди-ка в дом к Хасану, ведь прошло уже двадцать два дня. Скажи его жене: мол, раз твой муж не пришел, накинь на голову чадру и иди к царю во дворец.

Слуга пошел ко дворцу Хасана и постучал в дверь. Служанка вышла и спросила:

— В чем дело, что нужно?

— Скажи жене Хасана, чтобы она надела на голову чадру и шла к царю, — говорит царский посыльный.

Служанка пошла и сказала об этом жене Хасана. Тогда жена Хасана толкнула его в бок и спрашивает:

— Разве ты не принес трон из слоновой кости?

Хасан притворился, что очень разгневан, выхватил меч и сказал:

— Эх, матери царя то-то, отцу царя то-то — пусть он спустится в сад и сам посмотрит: трон стоит в саду.

Служанка передала все это царскому слуге, тот пошел и сказал царю:

— Он, кажется, принес трон.

Царь спустился в сад и увидел, что Хасан принес трон, да такой, что подобных ему не найти на всем свете.

Позвал к себе Хасана. Хасан пришел, царь щедро вознаградил его.

Прошло еще десять-двадцать дней, у царя уже не хватает терпения — очень ему хочется, чтобы жена Хасана ему принадлежала. Снова позвал к себе Хасана и говорит:

— Даю тебе три месяца сроку, принеси мне смеющийся цветок и плачущий цветок. Если принесешь — хорошо, а нет — голову тебе отрублю, а все добро твое распродам.

Хасан пришел домой грустный и жалуется жене:

— Где же я ему достану смеющийся и плачущий цветок. Да еще сейчас, зимой!

— Что ж, иди, — говорит жена. — Может быть, твои братья помогут тебе.

Напекла она ему на дорогу целый танур лепешек, он положил их себе в заспинную торбу.

Повернулся спиной к городу, лицом — к белому свету. Шел он, шел, пока не пришел к той самой старухе — матери дивов. Пришел он туда, смотрит: а дивов только шесть, одного не хватает.

— Где мой седьмой брат? — спрашивает Хасан.

— Твоего брата взял в плен двухголовый див, — отвечают ему.

— А где этот двухголовый див?

— Есть в лесу глубокий колодец, он там живет, — отвечают братья-дивы.

Ну, Хасан переночевал там, а наутро подумал: «Братья мне помогали, теперь я должен им помочь». — И говорит им:

— Пойдем к тому колодцу, где живет двухголовый див.

Пошли они к колодцу.

— Опустите меня в колодец, — говорит Хасан.

Братья-дивы обвязали ему поясницу веревкой и стали опускать в колодец. Спустился Хасан в колодец и видит: двухголовый див спит. А две его головы — одна на коленях у одной девушки-пари, другая — у другой. Когда девушки увидели Хасана, то одна из них засмеялась, а другая заплакала. И у той, что засмеялась, изо рта посыпались цветы, а у той, что заплакала, из глаз стали падать розы.

— Почему одна из вас смеется, а другая плачет? — спросил Хасан.

— Я смеюсь потому, что обрадовалась, увидев тебя. А она плачет потому, что когда див проснется — он тебя убьет. Она оплакивает твою жизнь.

— У меня есть бог, бог со мной, — сказал Хасан.

Он достал нож и ударил дива ножом по пяткам.

— Эй, вы, потаскухи! — завопил див на девушек-пари. — Почему вы не отгоняете мух, которые меня кусают?

— Это не мухи, а человек, — сказал Хасан.

— Ах, это человек! — закричал див и бросился на Хасана. И вот он уже подмял его под себя, но тут Хасан заметил, что в стенной нише стоит сосуд, и понял, что в этом сосуде — душа дива. Он схватил его, а див, увидев, что он в руке Хасана, закричал:

— Хасан, я буду твоим рабом, не разбивай только этот сосуд!

— Вынеси меня наружу, — сказал Хасан.

Див вынес его наружу.

— И выведи наружу всех своих пленных.

Див вывел наружу всех пленных, которые были в колодце, среди них и седьмого брата-дива.

— Все добро тоже вынеси наружу, — приказал Хасан.

Див вынес наружу все добро, которое было собрано в колодце.

— Теперь иди, спи на склоне горы, — сказал Хасан, — приходи сюда после полудня. Я отдам тебе сосуд с твоей душой.

Див повиновался, пошел и лег на склоне, но, конечно, заснуть не мог.

А девушки-пари стали умолять Хасана:

— Разбей этот сосуд о камень, разбей его. Если только этот сосуд опять попадет к нему в руки, он убьет и тебя, и всех, кого ты освободил. Избави бог нас от этого.

Хасан поднял сосуд в воздух и швырнул его о камень так, что он разлетелся вдребезги. И див тотчас сдох.

А девушки-пари сказали ему:

— Ты наш избавитель, приходи к нам в Зеленый город, бу-

дешь нам мужем.— И дочь царя пари положила ему руку на правое плечо и оставила свой знак, а дочь везира пари положила ему руку на левое плечо — и тоже оставила свой знак. Потом девушки превратились в голубей, вспорхнули и улетели.

Семь дивов-братьев стали уговаривать Хасана, чтобы он остался с ними, но Хасан не согласился.

— Я пойду в Зеленый город искать девушек-пари,— сказал он и двинулся в путь.

В первом же городе Хасан нашел себе коня, сел верхом и поехал дальше. Ехал потихоньку, расспрашивая всех, где дорога в Зеленый город. Ну, пусть он себе едет, а ты послушай про девушек-пари.

Прилетели они в город, опять приняли свой прежний облик и пришли к царю пари. И везир пари сидит тут же.

— Зачем вы пришли? — спрашивают девушек.— Ведь двухголовый див вас не оставит, он придет следом за вами и разрушит весь город.

— Двухголового дива,— отвечают девушки,— убил человек по имени Хасан. Скоро он сам сюда придет.

И они стали каждый день подыматься на крышу дворца, высматривать: не идет ли Хасан. И вот наконец увидели они вдали всадника.

— Посмотрите, вон едет Хасан,— сказали они царю с везиром.

— Ну конечно,— отвечают те,— просто вы увидели красивого юншу, вот и говорите, что это Хасан. Откуда мы знаем, Хасан это или нет?

— У нас есть своя примета,— говорит на это царская дочь.— Я оставила ему след руки на правом плече, а дочь везира оставила свой знак на левом плече. Когда он приедет, сами увидите. Если эти знаки есть — значит, это он, а если нет — значит, кто-то другой.

Хасан приехал в город, и его велели первым делом отвести в баню. Отвели его в баню и увидели, что на правом плече у него знак, оставленный дочерью царя, а на левом — такой же знак от руки дочери везира. Доложили об этом царю, он и говорит:

— Вымойте его как следует, наденьте на него красивую одежду и приведите ко мне.

Хасана вымыли в бане, надели на него царскую одежду. А потом соединили законным браком с дочерью царя пари и с дочерью везира пари. Это и были две звезды из того сна, что приснился старику.

Хасан стал там жить в свое удовольствие, не заметил, как

время пролетело. Спихватился, когда от трехмесячного срока, данного ему царем, осталось всего несколько дней. И тут Хасан стал худеть, бледнеть, изменился даже в лице.

Девушки-пари говорят ему:

— О Хасан, что ты грустишь? Или тебе невесело с нами, разве есть у тебя кто-нибудь лучше нас?

— Лучше вас у меня никого нет,— отвечает Хасан.— Но есть у меня жена, она меня ждет. А царь дал мне три месяца сроку, чтобы я принес ему смеющийся цветок и плачущий цветок. А теперь срок мой уже на исходе, и если я не принесу ему то, что он от меня требовал, он возьмет мою жену себе.

— Да разве ты не знаешь,— сказала дочь царя,— что, когда я засмеюсь, у меня изо рта посыплются цветы, а когда она — дочь везира пари — заплачет, из глаз у нее будут падать розы. Вот это и есть смеющийся цветок и плачущий цветок. Мы обе в твоих руках, чего же ты печалишься?

Хасан так обрадовался, что сказать нельзя. А потом опять загрустил:

— Времени,— говорит он,— осталось совсем мало. Как мне добраться до моего города?

— Пойдем к царю, скажешь ему, что тебе надо уходить,— говорят девушки.— Царь будет тебе предлагать всякое добро, войско, богатство — ты от всего отказывайся. Говори, что тебе ничего не нужно, только коврик пророка Сулеймана. Он даст тебе этот коврик, мы на него сядем, скажем: «Клянемся истинным амулетом пророка Сулеймана»,— и тотчас же окажемся в твоём городе, в твоём доме.

— Хорошо,— говорит Хасан,— завтра пойду к нему.

Наутро Хасан пошел к царю, приветствовал его и услышал ответ на приветствие.

— Мне надо поехать в мою страну,— говорит Хасан.— Вот уже скоро три месяца, как я там не был.

— Ну что ж, поезжай,— говорит царь.— А за твою службу, за то, что ты убил двухголового дива, от которого нам житья не было, я тебя щедро вознагражу. Дам тебе скота, всякого добра, денег, войска...

— Мне не нужно ни скота, ни добра, ни денег, ни войска,— говорит Хасан.— Если уж хочешь меня наградить, то дай мне коврик пророка Сулеймана.

— Ладно,— говорит царь.— За добро, которое ты сделал, мне и его не жалко.

Велел принести этот коврик и отдать Хасану. Принесли коврик и отдали Хасану.

Хасан пошел домой. Сам сел на коврик, посадил на него

обеих девушек и думает: «Надо мне проведать моих братьев-дивов и старуху — их мать, — как они там живут».

Сказал:

— Клянусь истинным амулетом пророка Сулеймана! Перенеси нас тотчас к дому старухи — матери дивов!

Коврик поднялся в воздух и опустился возле дома старухи. Уже был вечер, Хасан с девушками устроился тут же на коврике на ночлег. Пусть они спят себе, а ты послушай несколько слов о старухе — матери дивов.

Как раз накануне старуха поссорилась со своими сыновьями. Она говорит им:

— Вы и забыли о своем брате-человеке, том, что убил двух-голового дива, да все добро его вам отдал. Вот уже три месяца его нет, а вам и в голову не придет подумать о том, где он, куда он делся.

Рано утром один из дивов вышел из дому и видит: Хасан на ковре спит с двумя девушками-пари. Одна девушка у него с одной стороны, другая — с другой.

— Мать! — закричал он. — Твой сын пришел и спит здесь с двумя девушками-пари.

Старуха и братья-дивы обрадовались. Приготовили они разных кушаний. Потом старуха полила им воды на руки, они помыли руки, поели. Пробыли они там день. А на завтра как раз истекал трехмесячный срок, данный царем.

Настала ночь, попрощался Хасан со своими братьями-дивами и старухой — их матерью, сел с девушками-пари на ковер и сказал:

— Клянусь истинным амулетом пророка Сулеймана! Отнеси меня в мой дом.

Ковер поднялся в воздух и перенес их на крышу дома Хасана.

Рано утром царь послал двух слуг в дом к Хасану, мол, срок твой истек, три месяца уже прошло. Царь им приказал:

— Скажите жене Хасана, чтобы она накинула на голову чадру и пришла ко мне.

Двое слуг пришли и постучали в дверь.

Жена Хасана подошла к двери и спрашивает:

— В чем дело?

— Царь велел, — говорят они, — чтобы ты накинула чадру и приходила к нему во дворец. Три месяца уже прошло, а твоего мужа все нет.

— Пусть опрокинется трон царя, пусть он будет проклят, сегодня исполняется девяносто дней! Пусть подождет еще два три дня.

— Мы ничего не знаем,— сказали они,— нас царь послал. А жена Хасана говорит служанке:

— Пойди поднимись на крышу, посмотри: не едет ли кто-нибудь — далеко или близко?

Служанка поднялась на крышу и видит: Хасан спит, а рядом с ним две девушки-пари. Пошла к госпоже и говорит:

— Госпожа, Хасан здесь спит на крыше с двумя девушками-пари.

Жена Хасана поднялась на крышу и пнула Хасана ногой. Тот проснулся и вскочил:

— Что случилось? — спрашивает.

— Ты еще спрашиваешь, что случилось! — говорит она.— Иди и отвечай царским слугам — они за тобой пришли.

Хасан выхватил меч и бросился к ним:

— Да будет проклят царь! — закричал он.— Убирайтесь отсюда прочь!

Слуги вскочили и убежали. Побежали к царю и говорят:

— О царь, ты нас послал за женой Хасана, а Хасан уже здесь.

— Пусть принесет мне смеющийся цветок и плачущий цветок,— говорит царь.— А не то я отрублю ему голову, все добро его заберу, а жену возьму себе.

Ну, слуги опять пошли к Хасану. А Хасан как раз заварил чай, сидит и пьет с девушками. Дочь царя пари засмеялась, и изо рта у нее посыпались цветы — целое блюдо цветов. А потом дочь везира всплакнула — и из глаз у нее посыпались розы.

Когда пришли слуги, Хасан отдал им два блюда цветов и говорит:

— Вот, отнесите царю, это и есть смеющийся цветок и плачущий цветок.

А та самая старуха, которая когда-то донесла царю, что у Хасана есть красавица жена, снова подошла к дому и стала стучаться в дверь. А Хасан увидел ее в окно и велел слугам: мол, не пускайте ее в дом, прогоните вон!

Старуха заглянула в окно дворца, видит: там сидят две красавицы-пари, одна смеется — изо рта у нее сыплются цветы, другая плачет — из глаз у нее падают розы. Старуха тотчас побежала к царю.

— О царь,— говорит,— та его первая жена — ничто по сравнению с теми девушками, что он сейчас привел. У одной из них изо рта сыплются цветы; у другой розы падают из глаз.

Царь застонал — не знает, что ему и делать. Прошло десять-двадцать дней, он позвал Хасана и говорит:

— О Хасан, вот уже много лет, как мои родители умерли, а никаких известий о них у меня нет. Сходи на тот свет, проведай их и расскажи мне, как там у них дела.

Хасан спрашивает:

— Как же я принесу тебе известие с того света?

А царь отвечает:

— Ну, это уж твое дело, но только если за сорок дней не выполнишь моего приказа — всех твоих жен отберу, все имущество возьму себе и велю тебе голову отрубить.

Что поделаешь? Пошел Хасан домой, ноги подкашиваются, брови опущены вниз. Девушки-пари заметили, что Хасан удручен, и спрашивают его:

— В чем дело, Хасан?

— Царь дал мне сорок дней, чтобы я сходил на тот свет, проведаль его родителей. А как я на тот свет попаду?

— Он дал тебе сорок дней сроку? — спрашивает дочь царя-пари.

— Да, — говорит Хасан.

— Ну, этого хватит, — говорит она. — Ты сорок дней не выходи из дома, сиди тут. А мы все сделаем как нужно.

За сорок дней девушки-пари написали письмо от имени отца царя, от имени семи поколений предков царя, дескать, мир, в котором ты живешь, это тленный мир, бренный, а здесь — райские кущи. Что там у вас есть? — ничего, а здесь прекрасные гурии, то да се, мол, поскорей приходи сюда. Целую книгу написали.

На сороковой день одели Хасана в изорванную одежду, так его изукрасили, будто он только что из могилы встал, положили книгу в мешок, мешок ему сунули под мышку и говорят:

— Теперь иди и отнеси это царю. А когда он спросит, как скорее попасть на тот свет, скажи ему: «Вели сложить побольше дров, облить их нефтью. Потом мы с тобой, везир да старуха взойдем на эту поленницу, и пусть ее подожгут. Все мы попадем тогда в рай, увидим твоих предков».

Хасан взял под мышку эту книгу-письмо и отправился к царю. Пришел во дворец к царю, приветствовал его и услышал приветствие в ответ. Дал царю письмо, которое написали девушки-пари. Царь стал читать и говорит:

— Вах, вах, как хорошо написано! Этот мир никчемный, этот мир тленный, а там гурии — как хорошо!

И в такой восторг он пришел, что чуть не лишился чувств. Спрашивает Хасана:

— Как же мне туда попасть поскорее?

Хасан рассказал ему все, как наказали девушки-пари.

Принесли дров, сложили поленницу высотой в дом, полили все нефтью. Царь, везир, старуха и Хасан взошли на поленницу. Хасан расстелил свой коврик. Только чиркнули спичкой и огонь собрался охватить дрова, как Хасан и говорит:

— Клянусь истинным амулетом пророка Сулеймана! Перенеси меня на царский трон!

— Куда ты, Хасан? — спрашивает царь.

— Я вперед полечу, подготовлю все к вашему приходу, — отвечает Хасан.

Взлетел Хасан и сел прямо на царский трон. А царь, везир и старуха сгорели дотла, у царя и голова лопнула, как тыква.

Стал плешивый Хасан царствовать в свое удовольствие.

Пусть господь так же, как он выполнил желания Хасана, выполнит желания всех мусульман.

9. Лист сорокаустого дерева

Было то или не было, а лучше нас с вами никого не было. Жил однажды царь, а у него было три сына. Двое старших от одной жены, а младший — от другой. Вот как-то заболели у царя глаза. Болели-болели, и в конце концов царь ослеп. Тогда созвали отовсюду гадалщиков, чтобы они погадали и узнали, каким снадобьем можно исцелить царю глаза. Гадалщики погадали и сказали:

— Чтобы он прозрел, нужен лист сорокаустого дерева.

Двое старших сыновей, услышав это, не сказали ни слова младшему и стали собираться в путь. Наполнили две сумы деньгами, оседлали двух коней и отправились. А младший сын, тот, чьей матерью была другая жена царя, — звали его Малик-Мухаммад, — проведал о том, что его братья поехали искать лист сорокаустого дерева. Пришел к отцу и спросил:

— Отец, почему ты мне не сказал, чтобы я тоже отправился за лекарством для твоих глаз?

— Ты еще мал, сынок, рано тебе ехать, — отвечает отец.

Но Малик-Мухаммад не послушался отца. Он наполнил деньгами суму, оседлал коня, вскочил в седло и помчался вслед за братьями. Догнал их, а они его и спрашивают:

— Зачем ты приехал?

— Я буду кормить ваших лошадей, давать им ячмень и воду, буду пасти их. Не гоните меня, я не причиню вам вреда.

Братья ничего не ответили ему, и они поехали дальше втроем. Малик-Мухаммад пас лошадей, давал им ячмень, поил их водой. Братьям варил чай, готовил пищу. Так доехали они до

развилки трех дорог, там стоит камень, а на камне написано: «Направо поедешь — обратно вернешься, прямо поедешь — бог знает, а с левой дороги возврата нет!»

Подумали тут старшие братья и сговорились между собой:

— Отправим-ка мы младшего по левой дороге, он ведь не посмеет нас послушаться.

А перед тем как разойтись, каждый из них оставил на развилке по стреле, чтобы забрать на обратном пути и чтобы каждый знал, возвращаясь, кто из братьев уже вернулся, а кто нет.

Послушаем теперь, что было со старшими братьями. Прошли они немного, каждый по своей дороге, и вскоре дороги их снова соединились, и дальше они ехали вместе.

Ехали они, ехали и подъехали к городу. Там встретился им на дороге какой-то юноша, он спросил их:

— Вы чужестранцы?

— Да, — ответили братья.

— Пойдемте ко мне в дом, — предложил юноша.

«Какой хороший человек», — подумали братья и поехали к нему домой.

Приехали, юноша отвел их коней в конюшню и велел расседлать их. А потом вернулся и пригласил обоих братьев в дом. А дом — богатый, как дворец, всего там вдоволь. Принял юноша братьев с уважением и почетом, как принимают гостей.

Вот незаметно настала ночь, и пришла к ним девушка и предложила сыграть в кости. Они согласились и стали играть с ней; увлеклись игрой так, что всю ночь играли и проиграли своих коней и все, что у них было, да еще и остались должны по сто туманов каждый. И тогда они только поняли, что провели ночь в доме девушки-игрока, которая заманивала к себе путников, чтобы их обыгрывать. Но делать им было нечего: идти дальше за листом сорокаустого дерева они не могли, и один нанялся помощником к торговцу требухой, а другой — подмастерьем к пекарю. На этом их странствия и окончились. Пусть себе один из них носит дрова и воду да мешает похлебку у торговца требухой, а другой служит у пекаря и тем зарабатывает себе на хлеб. Оставим их там и послушаем о Малик-Мухаммаде.

Ехал он, ехал по той дороге, с которой нет возврата, и видит — сидит старуха-див. Подъехал он к ней и говорит:

— Здравствуй, матушка!

Очень ей понравилось, что он с ней так учтиво поздоровался, она ласково ответила ему и спросила:

— Куда ты направляешься, сынок?

— Я еду за листом сорокаустого дерева,— ответил Малик-Мухаммад.

— Я ничего про это дерево не знаю,— призналась она,— а вот есть у меня семь сыновей-дивов, скоро они придут, как бы они тебя невзначай не съели. Ты мне очень понравился, давай-ка я тебя спрячу от них.

Она прочитала заклинание и превратила Малик-Мухаммада в иголку, а иголку воткнула себе в воротник. К вечеру пришли ее сыновья. Пришли и говорят:

— Мать, здесь человеком пахнет.

— Это вы ходите по пустыне да людей едите, вот от вас и пахнет человечинной. А здесь откуда такому запаху взяться? — отвечает она.

Они не поверили, стали настаивать на своем: мол, пахнет человеком, и все тут. Ну и тогда она им сказала:

— Поклянитесь амулетом пророка Сулеймана, что вы этого человека не тронете, что он будет вам как брат.

Поклялись семь братьев-дивов, и тогда старуха прочитала заклинание и вернула Малик-Мухаммаду человеческий облик.

Стал он жить вместе с ними. Пожил несколько дней, а потом и говорит:

— Надо мне идти дальше, искать лист сорокаустого дерева.

Мать дивов говорит:

— Там дальше по дороге живет моя сестра. Я-то про сорокаустое дерево ничего не слыхала, может, она знает. А если уж и она не знает — ума не приложу, как и быть.

Написала она своей сестре письмо. Мол, придет к тебе юноша, он мне как сын, обойдись и ты с ним как со своим сыном.

Малик-Мухаммад взял письмо, положил его себе за пазуху, сел на коня и отправился в путь.

Ехал он, ехал и приехал к ее сестре. Отдал ей письмо, она оказала ему почет и уважение и оставила у себя. А сыновьям своим — у нее тоже было семь сыновей-дивов — сказала, чтобы они его не трогали.

Так он прожил несколько дней, а потом спросил у нее, не слыхала ли она про сорокаустое дерево.

— Нет,— говорит она,— я про это ничего не знаю, а вот живет у меня тут дальше по дороге старшая сестра, может быть, она знает. А если нет — не знаю, как и быть.

Написала она письмо старшей сестре. Малик-Мухаммад взял письмо и отправился в путь.

Ехал он, ехал, ехал несколько дней, пока не приехал к третьей сестре. А у той тоже семь сыновей-дивов. Увидели они Малик-Мухаммада, бросились на него, чтобы сожрать, а он

вытащил письмо, показал сначала им, потом их матери. Мать прочитала письмо и приняла его с почетом, оставила у себя.

Прожил он там три-четыре дня, а потом и говорит:

— Где бы мне найти лист сорокаустого дерева?

Мать дивов отвечает ему:

— Я скажу тебе, где найти лист сорокаустого дерева, но смотри, когда будешь возвращаться — здесь больше не проезжай, езжай другим путем, не то причинишь нам вред. А сейчас садись на коня да не забудь взять с собой суму, наполнив ее сластями. Езжай и к полуночи приедешь к саду царевны-пари. Увидишь, что сад ее обнесен стеной. В этом саду растет сорокаустое дерево. Привяжи своего коня где-нибудь в укромном месте; найди щель в стене и через эту щель загляни в сад. В саду привязан конь царя пари, отца царевны. Когда он тебя увидит, он заржет, а сорокаустое дерево закричит на разные голоса. Царевна проснется от ржания и криков. Ты тотчас же спрячься где-нибудь. Царевна возьмет светильник в руки и выйдет в сад, чтобы посмотреть, что случилось. Она спросит у коня: «Что ты ржешь напрасно? Тут ведь никого нет! А до сих пор ты никогда не ошибался». Попеняет дереву, мол, что ты кричишь, ведь тут никого нет. И опять пойдет спать. Заснет она, а ты через час снова покажи себя лошади и сразу спрячься. Лошадь опять заржет. Ветви сорокаустого дерева тоже заговорят, одна закричит: «Хватай!», другая — «Держи!», третья — «Бей!» Снова царевна возьмет светильник и выйдет в сад с кнутом в руке. Посмотрит вокруг, увидит, что ничего нет. Ударит несколько раз плетью лошадь, скажет ей: «Чего ты ржешь? Ты мешаешь мне спать! Еще раз заржешь — я сдеру тебе кожу с головы!» А сорокаустому дереву она скажет: «Если еще раз подашь голос, я тебя вырву с корнем и выброшу вон!» И снова пойдет спать. Когда она заснет, ты подкрадись к коню и насыпь перед ним сластей, теперь он уже ржать не будет... Погладь его по голове и скажи ему: «Отныне и до конца дней я — твой единственный хозяин!» Подойди к дереву, погладь его по стволу и скажи: «Хозяйка тебя обижает, теперь я буду тебе хозяином, я не стану тебя обижать!» Во дворец царевны ведет сорок лестниц, у каждой лестницы спит див. Войди во дворец по любой из лестниц, но так, чтобы див не проснулся. Старайся его не задеть, а если и заденешь слегка — не беда, ведь дивы спят очень крепким сном. Поднимешься по лестнице, войдешь в покои, увидишь, что там спит девушка. В головах у нее золотой светильник, в ногах — серебряный. Ты их поменяй местами, золотой светильник поставь в ноги, серебряный — в голову. На ней семь покрывал, одно из них ты возьми себе — пусть тебе будет,

на память. А остальные переложил так, чтобы нижние были сверху, а верхние — внизу. Стоит там семь кушаний, отведай каждого из них. А потом спустись вниз, возьми листьев сорокаустого дерева. Выйди из сада через щель в стене и уезжай восвояси.

— Хорошо, — сказал Малик-Мухаммад.

Набрал он разных сластей в суму и пустился в путь. Ехал, ехал и к полуночи достиг сада царевны-пари. Привязал в укромном месте коня. Подошел к стене, увидел пролом в стене, а там пасется конь. Увидел конь Малик-Мухаммада и заржал. И стоило ему только заржать, как на разные голоса заговорили ветви сорокаустого дерева. Одна кричит: «Хватай!», другая — «Держи!», третья — «Вяжи!», четвертая — «На виселицу его!» — каждая кричит свое.

Тут из дворца вышла девушка, держа в руках светильник. Осмотрела сад, никого не нашла и говорит коню:

— Ты мне до сих пор не лгал. Что случилось, что ты зря ржешь?

Подошла к дереву и говорит:

— Ты меня до сих пор не обманывало. Что это случилось, что ты зря кричишь?

И пошла обратно во дворец — спать. Прошел час, и Малик-Мухаммад опять просунул голову в сад. Конь увидел его и снова заржал, и снова зашелестели ветви сорокаустого дерева: «Держи!», «Вяжи!», «На виселицу его!». Снова спустилась в сад из дворца девушка со светильником в руке. Прошла по всему саду, два раза все осмотрела — никого не увидела. Ударила несколько раз плетью коня и сказала:

— Если еще раз заржешь попусту — шкуру тебе с головы сдеру!

А сорокаустому дереву сказала:

— Еще раз станешь кричать без толку, вырву с корнем и выброшу.

Вернулась девушка к себе. Заснула спокойно, а Малик-Мухаммад подождал часок и снова просунул голову в пролом. А теперь уже конь не ржет. Малик-Мухаммад насыпал ему в кормушку сластей и говорит:

— Отныне и до конца дней я — твой единственный хозяин!

Подошел к дереву, и дерево теперь молчит, не кричит больше. Малик-Мухаммад говорит ему:

— Что же ты тут расшумелось? Видишь, как тебя хозяйка за это обижает? Я теперь буду тебе хозяином до конца света!

После этого Малик-Мухаммад пошел к дворцу. Видит: ведет во дворец сорок лестниц, а у каждой лестницы спит див.

Он тогда потихоньку подкрался, отрубил голову сначала одному, потом другому, третьему — всем сорока отрубил головы так, что они и не проснулись. Отрезал с каждой головы по уху и положил себе в суму. И после этого вошел во дворец. Он был очень голоден. Вошел во дворец и видит: там стол накрыт и стоит на нем семь разных кушаний. Взял он по куску от каждого, наелся досыта. Подошел к постели, где спала царевна-пари, взял золотой светильник, что стоял у нее в головах, и поставил ей в ноги, а серебряный, что стоял в ногах, поставил в голову. Снял с девушки покрывала, видит — юная красавица-пари. Он поцеловал ее пять раз в одну рубиновую губку, пять раз — в другую. Взял одно из семи покрывал себе, остальные переложил по-новому: верхние положил вниз, а нижние — наверх. Посмотрел — а в стенных нишах лежат драгоценные камни. Он взял себе драгоценных камней, а вместо них высыпал в ниши все деньги, что у него были.

После этого спустился в сад и нарвал листьев сорокаустого дерева. Погладил коня девушки и вышел через пролом в стене. Оседлал своего коня, сел на него и поскакал домой другой дорогой, чтобы не встречаться больше с дивами. Скакал он, скакал и вот приехал к той развилке, где попрощался с братьями. Посмотрел — видит: стрелы, оставленные братьями, все еще там лежат, уже ржавчиной покрылись. «Ну, — подумал он, — значит, что-то недоброе случилось».

Решил он домой не возвращаться, а пойти поискать своих братьев. Теперь-то ему уж некуда было спешить, ведь листья сорокаустого дерева были у него.

Ехал он, ехал и приехал к тому городу, где его братья жили. И видит он, что на дороге стоит человек. А это был тот самый юноша, что когда-то заманил его братьев в дом к девушке, обыгравшей путников в кости.

Юноша подошел к Малик-Мухаммаду и говорит ему:

— Я вижу, что ты чужестранец.

— Да, — ответил Малик-Мухаммад.

— Пойдем, — говорит, — ко мне домой, я тебе дам приют.

Малик-Мухаммад удивился: «Откуда бы ему знать, что я чужестранец?» Но все же согласился и пошел за ним.

Тот привел его к дому, предложил ему сойти с коня. Отвел коня на конюшню, задал ему ячменя и травы. А Малик-Мухаммада ввел в дом, усадил и стал угощать его пловом. Малик-Мухаммад поел досыта, и тут появилась та самая девушка. Села — в руках у нее три игральных кости — и говорит:

— Малик-Мухаммад, давай-ка поиграем в кости, время бы-стрее пройдет.

Сначала Малик-Мухаммад отказался — мол, я не умею играть, а девушка настаивает на своем, говорит:

— Ничего, я тебя научу.

В конце концов уговорила она его и он согласился.

Стала она бросать кости, учить его, как надо играть. А он бросает вслед за ней, и так они вместе бросали кости, пока Малик-Мухаммад не научился. А уж потом стали играть на деньги и играли до самого утра, и девушка за ночь проиграла Малик-Мухаммаду тысячу туманов. Утро настало, а они продолжают играть. Малик-Мухаммад то выигрывает, то проигрывает. А потом вдруг стал он подряд выигрывать. Как бы девушка ни бросила кости — у него всегда больше выходит. Стала она уже ставить свои драгоценности на кон, и их Малик-Мухаммад выиграл. Тогда девушка сказала ему: мол, теперь ставка — это я сама. Сказала она так, и бросили они кости. У девушки не выпало ничего — выиграл ее Малик-Мухаммад. Стал он хозяином и девушки, и ее дворца, и всего ее богатства.

Пошел он тогда побродить по городу. Оказался случайно рядом с лавкой продавца требухой и увидел там своего брата. День-деньской он для торговца воду таскает, дрова рубит, похлебку в котле мешает. Стало Малик-Мухаммаду его жалко, и решил он его оттуда вызволить. Говорит ему:

— Не хочешь ли стать моим слугой?

А тот его не узнал — много уж времени прошло, с тех пор как они расстались.

— Конечно, хочу, да долг у меня есть — сто туманов.

— Ладно, — говорит Малик-Мухаммад, — я твой долг заплачу, но только поставлю на тебе свое клеймо.

Не мог он забыть, как они со вторым старшим братом хотели его погубить, отправили по дороге, с которой нет возврата.

А тот и думает: «Пусть хоть и клеймо поставит, а все лучше, чем здесь заниматься поденной работой». И согласился.

Малик-Мухаммад поставил ему на правую ногу клеймо раба, и пошли они дальше по городу. Шли, шли и оказались возле пекарни. Малик-Мухаммад видит: там его другой брат всю черную работу делает, воду носит, тесто месит. Стало ему и его жалко, заплатил его долг и так же, как другого своего брата, взял его себе в слуги, поставил ему клеймо на левую ногу и увел отсюда. Повел он своих братьев в баню, велел им там отмыться от грязи, надел на них одежду, такую, которую носят слуги знатного человека, и пошел вместе с ними в свой дворец — тот, что он выиграл в кости у девушки. Стал он думать, что ему делать дальше.

Решил он взять в жены одному из братьев дочь царя того города. А другому дать в жены девушку, игравшую в кости. «Какие ни есть,— думает,— а все же братья».

Задумав это, Малик-Мухаммад пригласил в гости царя того города.

Царь принял приглашение, пришел в гости вместе со своим везиром; поели они разных яств и начали беседовать. Побеседовали и стали уходить, а на прощание дал Малик-Мухаммад царю и везиру по драгоценному камню, из тех, что взял во дворце царевны-пари. Смотрят они: а цена каждому из камней — целый город. Царь и спрашивает везира:

— Чем же ему теперь отплатить? Нельзя мне перед ним в долгу оставаться:

Везир и говорит:

— Добра у него и так много. А вот отдай ты ему свою дочь, больше делать нечего.

Думал-думал царь, ничего другого не придумал и решил: «Пусть будет так, как сказал везир, иначе стыдно мне будет». Ну и на следующее утро послал везира пойти сказать Малик-Мухаммаду, что он отдает ему свою дочь. Везир пришел к Малик-Мухаммаду и сказал:

— О Малик-Мухаммад, у царя есть дочь, недостойная быть тебе служанкой, но все же ты, может быть, согласишься взять ее?

— Что же делать? — говорит Малик-Мухаммад. — Так и быть, возьму.

Отдали эту царевну Малик-Мухаммаду да еще дали в приданое пятьдесят верблюдов, навьюченных всяким добром. Малик-Мухаммад нагрузил еще сто верблюдов добром, которое он выиграл у девушки в кости, и весь караван — сто пятьдесят навьюченных верблюдов — отправил к себе домой. Обоих девушек отправил вместе с караваном. А листья сорокаустого дерева дал той девушке, с которой играл в кости, мол, отдашь моему отцу. А один лист спрятал у себя, да так, чтобы никто не смог его найти.

Ну, пусть они себе идут вперед, а ты теперь послушай несколько слов о старших братьях Малик-Мухаммада. Караван и девушек он отправил вперед, а сам поехал вместе с братьями. Они так его все еще и не узнали.

Ехали они, ехали и доехали до той развилки, где когда-то расстались. Посмотрели — а стрелы их заржавевшие все там лежат. А стрелы младшего брата нет. Тут они и догадались, что с ними едет их младший брат Малик-Мухаммад, который добыл лист сорокаустого дерева. Задумали они его погубить, от-

нять у него листья сорокаустого дерева и привезти их царю, чтобы вся честь им досталась.

Везли они с собой воду для питья, и вся эта вода была в руках старших братьев. У Малик-Мухаммада воды с собой вовсе не было.

Ехали-ехали они, и захотелось Малик-Мухаммаду пить. Он сказал братьям:

— Дайте мне воды.

А они отвечают:

— У нас воды для тебя нет. Если отдашь нам один свой глаз, мы тебе дадим напиться.

Малик-Мухаммад ничего не сказал. Поехали они дальше, а жажда так мучит, так мучит его, что и сказать нельзя. Не выдержал он наконец и говорит:

— Как вы со мной поступаете?! Я вам ничего плохого не сделал, заплатил ваши долги, купил вам одежду, ничего плохого вы от меня не видели, а вы заставляете меня мучиться от жажды.

А те и слушать не хотят — мол, отдавай глаз, и все. Ну что делать? Вырвали они у него один глаз и бросили его же собачонке, что бежала вслед за ними. А собачонка очень любила своего хозяина. Она все поняла и не стала есть глаз, а положила его за щеку. Дали они ему пару глотков воды, вволю напиться не дали, и скоро ему снова захотелось пить. Снова стал он просить у своих братьев напиться, а они снова ему не дали, говоря:

— Дай нам твой второй глаз, тогда дадим тебе воды.

Ну что ему оставалось делать? Дал он им вырвать и свой второй глаз, и они бросили его собачонке. И она тоже положила его за щеку. А братья стали искать, где у него спрятаны листья сорокаустого дерева. Все обыскали — ничего не нашли. И поняли они, что он отправил листья с караваном, который идет впереди.

Не оставили они ему воды, бросили его одного, слепого, в пустыне, а сами помчались во весь опор догонять караван. Догнали и говорят девушке, игравшей в кости:

— Малик-Мухаммад приказал отдать листья сорокаустого дерева нам.

— А где он сам? — спрашивает девушка.

Тут они наплели ей всякого: что, дескать, встретились им по дороге дивы, Малик-Мухаммад стал сражаться с ними, и, дескать, они его убили, а перед смертью он им завещал отвезти царю листья с сорокаустого дерева.

Девушка все же им не поверила. Тогда они силой забрали

у нее листья. Забрали и помчались к себе в город. Пришли к отцу и говорят:

— Вот, мы привезли тебе листья сорокаустого дерева.

Царь взял один лист и потерял им глаза — и глаза его прозрели, стали видеть так же, как видели раньше. И когда он прозрел, он спросил у своих старших сыновей:

— А не видели ли вы где-нибудь Малик-Мухаммада? Он ведь тоже поехал искать лекарство для моих глаз.

— Где он теперь, кто его знает. Его уж, верно, дивы съели, — говорят они. — Разве можно было посылать его — такого малыша — в такой долгий и трудный путь?

Ну, теперь оставим этих братьев с их отцом, а ты послушай о Малик-Мухаммаде, который лежит один в пустыне. Собачонка его не бросила. Бегала туда, бегала сюда — и нашла источник. Опустила свой хвост в воду и принесла воды на хвосте Малик-Мухаммаду, дала ему попробовать. А потом он взялся за ее хвост и пошел за ней следом. Шел, шел, и привела она его к тому источнику и окунула его руку в воду, чтобы он знал, что это вода. Он напился воды и вспомнил, что есть у него с собой еще один лист сорокаустого дерева. Он подумал: «Были бы у меня мои глаза, я бы потерял их этим листом и снова стал бы зрячим». И только он об этом подумал, как подбежала собачонка и выплюнула ему на ладонь один его глаз. Он вставил глаз в глазницу, провел по нему чудесным листом — и глаз открылся и прозрел. А тут собачонка принесла ему второй глаз, и он поступил с ним так же, и прозрел его второй глаз. Смотрит, тут и конь его, что бродил где-то в пустыне, прискакал и стоит рядом. Он вскочил на коня и поехал в город, а собачонка потрусила за ним следом...

А то я тебе забыл сказать, что дочь царя пари, когда проснулась в своих покоях, увидела, что покрывала ее сложены не так, как были, все ее кушанья кто-то уже попробовал, драгоценных камней нет, светильники переставлены. Вышла она на лестницу и видит: все сорок дивов убиты, а на сорокаустом дереве листья оборваны. Сначала она разгневалась, а потом подумала: «Верно, это какой-нибудь смелый богатырь. Ведь сколько юношей сюда приходило, никому отсюда живым уйти не удавалось! Надо мне его разыскать, чтобы взять себе в мужья».

Собрала она целое войско дивов и пари и стала его повсюду разыскивать, но нигде не могла найти. И пришла она в конце концов к городу, где правил отец Малик-Мухаммада. Войско ее осадило город, а она стала лагерем и построила в лагере для себя замок, да такой, что кирпичи в нем сплошь из золота и

серебра. Послала к царю гонца с таким письмом: «Я пришла к твоему городу найти дерзкого смельчака, что ограбил мой дворец и сад. Повсюду я искала, нигде его не нашла. Остался только твой город. Он где-нибудь у тебя в городе. А может быть, это ты и есть? Либо ты мне за три-четыре дня найдешь его и выдашь, либо прахом твоего города я наполню торбу своего коня».

Царь получил письмо и растерялся, стал советоваться со своими сыновьями: мол, что же мы ей на это ответим?

А они ему сказали: мол, мы сами ей утром ответим как надо.

А ночью дочь царя пари велела расстелить ковер от своего замка до ворот царского дворца. Мол, если юноша найдется, пусть пройдет к ней в замок по этому ковру.

Наутро старшие братья сели верхом на коней и выехали из ворот. Видят: ковер расстелен, они сошли с коней, сняли с ног обувь и пошли по ковру босиком. А девушка смотрит на них сверху из окна своего замка и думает: «Нет, это не они были у меня в саду. Тот, кто так робко снимает обувь, не может быть смельчаком». Вошли они во дворец, девушка сидит за занавеской. Они тоже сели, девушка их спрашивает:

— Вы те смельчаки, что принесли лист сорокаустого дерева?

— Да,— ответили они.

— А какие у вас приметы, чем вы можете это доказать?

А эти юноши слышали, как девушка-игрок говорила, что, дескать, прежде чем Малик-Мухаммад забрал листья сорокаустого дерева, он убил сорок дивов. Они и говорят:

— Мы убили сорок дивов.

— И все? — спросила она.

— Все,— ответили они.— Какие тебе еще нужны приметы?

— Взять их! — приказала она.

Тут их схватили и так излупили, что обратно в город их притащили без чувств. А царевна-пари снова пишет письмо царю, дескать, либо найди того, кто украл листья с сорокаустого дерева, либо сам будешь отвечать мне как вор.

Царь думает: «Что же мне делать? Уж лучше бы я слепым остался, чем теперь ответ держать».

Ну, теперь оставим их здесь, а ты послушай несколько слов о Малик-Мухаммаде. Я уж говорил о том, как он вновь прозрел и к нему прискакал его конь, как он сел на него верхом, а за ним побежала его собачонка.

Ну вот, ехал он, ехал и в полночь настиг караван, который

уже приближался к городу. Пришел ночью в шатер к девушкам — той, что играла в кости, и к царевне, которую отец отдал ему в жены.

Они очень обрадовались, когда он вошел, и сказали:

— Очень хорошо, что ты пришел, потому что, с тех пор как ты пропал, мы пьем свою кровь от тоски и горя.

— Ну, теперь вы больше не грустите,— сказал он им.— У меня в городе есть мать, есть сестра, мы пойдем к ним, они уже очень по мне соскучились, увидят меня, увидят вас — обрадуются.

И вот скоро они прибыли в город. Малик-Мухаммад пошел к дому своей матери, постучался в дверь, а его мать думает: «Это, наверное, царь пришел»,— и говорит:

— Что тебе нужно? Иди к своим сыновьям, которые принесли тебе лист сорокаустого дерева. Что ты хочешь от моего сердца, которое и так полно крови?

— Матушка,— отвечает Малик-Мухаммад,— открой мне дверь, ведь это я.

Она, не помня себя, бросилась со всех ног открывать дверь, открыла дверь, поцеловала сына в лицо. Пригласила их всех домой, приняла их, начали они беседовать да развлекать друг друга игрой на сазе и бубне. А дом их был рядом с царским дворцом, и вот звуки музыки дошли до слуха царя. Царь и подумал: «Что такое случилось? Ведь каждый вечер они сидели и плакали! Видно, какую-то добрую весть узнали». Подошел к двери, постучал — а они не открывают, крепко заперли дверь. Мать Малик-Мухаммада услышала стук и говорит:

— Не открывайте дверь, это царь стучит.

А Малик-Мухаммад говорит:

— В чем он-то виноват? Он ведь зла никакого не сделал! Откройте ему дверь.

Открыли ему дверь, Малик-Мухаммад поцеловал его в лицо. Сели они с отцом, отец стал его спрашивать: что да как, а сын стал ему все рассказывать и рассказал, как с ним братья поступили. Царь же ему все рассказал про то, как его братья ходили к дочери царя пари, мол, это мы принесли листьев с сорокаустого дерева, и как она прогнала их с позором. И спрашивает его:

— Что же мне теперь ответить царевне-пари?

— Это уж мое дело,— отвечает Малик-Мухаммад,— ты не беспокойся.

Настало утро, и Малик-Мухаммад собрался идти к дочери царя пари. Выглянул в окно — видит: от ворот города до замка царевны-пари расстелен ковер. Велел он пяти слугам оседлать

коней, взять огромные кальяны, наполнить их табаком и разжечь да взять еще табака и огня в запас, сесть на коней и ехать с ним.

— А по дороге,— говорит,— курите кальяны, а пепел и табак сыпьте прямо на ковер. Так,— говорит,— и езжайте: курите и сыпьте на ковер. А я поеду вперед.

Малик-Мухаммад поехал вперед, а эти пять курильщиков едут сзади, курят свои кальяны, а пепел так и падает на ковер.

Девушка украдкой смотрит из окна и думает про себя: «Ну уж если кто и забрался ко мне в сад, убил моих дивов, унес мои камни и покрывало да нарвал листьев с сорокаустого дерева — так это, верно, он. Сразу видно, что такой ни перед чем не оробеет».

Малик-Мухаммад оставил всадников с кальянами у ворот, а сам вошел во дворец, пошел в покои к девушке. Там занавеска, за занавеской девушка. Он приказал девушке, чтобы она подала ему еиденье, чтобы он мог сесть. Сел он, а девушка из-за занавески спрашивает:

— Это ты принес листья с сорокаустого дерева?

— Да,— говорит,— листья сорокаустого дерева принес я.

— А как ты их принес?

— После полуночи, часа в два ночи,— говорит Малик-Мухаммад,— я подъехал к саду. Коня своего привязал в укромном месте. Через щель в заборе заглянул в сад. Твой конь, что пасся в саду, увидел меня и заржал, а дерево закричало. Тогда ты вышла из дворца, держа в руках светильник, осмотрела весь сад, ничего не нашла и сказала: «О конь, что же ты меня обманываешь?» Подошла к дереву и сказала: «А ты чего кричишь? Ведь в саду никого нет». Пошла во дворец и легла спать. Прощел час или полтора, и я снова просунул голову в щель. Конь увидел меня и снова заржал, а ветви сорокаустого дерева закричали наперебой: «Держи!», «Вяжи!», «Бей!». Тогда ты опять спустилась в сад со светильником в руке и два раза обошла весь сад и опять ничего не нашла. Рассердившись, взяла кнут и несколько раз ударила коня со словами: «Если еще раз твой голос услышу, сдеру тебе кожу с головы!» А дереву сказала: «Если еще раз подымеешь крик напрасно, вырву тебя с корнем!» Говорила ты так или не говорила?

— Говорила,— призналась девушка.

— Потом ты пошла во дворец,— продолжал Малик-Мухаммад,— и заснула. Когда я через час-полтора вошел в твой сад, конь твой уже не ржал. Я высыпал ему в кормушку мешок сластей, погладил твоего коня по голове и сказал: «Отныне я — твой единственный хозяин». Если не веришь — спроси у своего

коня. Потом я пришел к сорокаустому дереву, погладил его по стволу и сказал: «О дерево, не кричи, я — твой единственный хозяин». К дворцу твоему вели сорок лестниц, у каждой лестницы спал див. Всех сорок дивов я убил, отрезал им уши — вот опи, если ты мне не веришь. На тебе было семь покрывал — вот одно из них, я его взял с собой. Там у тебя стояло семь разных блюд, я от каждого взял по куску. В нишах лежали драгоценные камни, я их взял, а вместо них оставил деньги. Потом спустился в сад, взял листьев сорокаустого дерева и поехал домой. Что тебе еще нужно, чтобы ты поверила?

— Ничего мне больше не нужно. Я беру тебя в мужья, — сказала она.

— Ну, если ты берешь меня в мужья, то я беру тебя в жены, — сказал Малик-Мухаммад.

Семь суток били в барабаны и бубны, играли на сазах, дули в трубы — Малик-Мухаммад взял в жены дочь царя пари.

А потом он собрал народ, позвал своих старших братьев и говорит одному из них:

— Ну-ка, подними штанину.

Тот поднял штанину, и все увидели у него на ноге клеймо раба.

И второму брату он так же сказал, и тот тоже показал всем свое клеймо.

Тогда Малик-Мухаммад рассказал всем, как они его послали по дороге, с которой нет возврата, а сами все проиграли девушке в кости да еще остались ей должны по сто туманов, и как нанялись они подмастерьями к торговцу требухой и пекарю, а он пришел и выкупил их, и как они ему отплатили злом за добро: ослепили и бросили одного в пустыне.

После этого царь выгнал их из города.

— Убирайтесь, — сказал, — чтобы и духу вашего здесь не было.

А Малик-Мухаммад тех двух девушек, что сначала хотел отдать своим братьям в жены, взял себе, и они тоже стали его женами.

Пусть господь так, как он исполнил желания Малик-Мухаммада, исполнит желания всех мусульман.

10. Птица счастья

Было то или не было, а лучше бога никого не было. Жил был старик-дровосек, была у него жена и двое сыновей. Ходил он в заросли, рубил там сухие сучья, приносил домой. Отнесет

вязанку на базар, продаст ее, на вырученные деньги купит ячменя или пшеницы, отнесет домой, жена сметет муку да и испечет хлеба — так они и жили.

И вот однажды пошел он за сучьями да за хворостом, собрал вязанку, только собрался взвалить ее себе на плечи, как вдруг хлынул ливень да так промочил эту вязанку, что он и поднять ее не смог. Разжег он тогда костер и стал греться и сушиться у огня, все сучья в огне и сжег. Тут дождь прошел, он побрел восвояси. К вечеру пришел домой, а дети его и спрашивают:

— Батюшка, ты ничего сегодня не принес, ни ячменя, ни пшеницы?

— Сегодня не принес, ничего не вышло, завтра пойду пораньше, авось принесу вам поесть.

В этот день все они легли спать голодные. Утром он встал и, пока дети еще спали, пошел и собрал вязанку хвороста. А потом решил сходить и посмотреть, не осталось ли еще хвороста на том месте, где он вчера разводил костер. «Может быть,— думает,— там что-нибудь осталось, заберу с собой». Пришел он на то место, видит: огонь давно потух, осталась зола, а в золе лежит яйцо. Взял он яйцо, взвалил вязанку на плечи и отнес на базар. Продал хворост, купил ман или там полмана ячменя и пшеницы и отнес домой. Жена поджарила, дала детям. Дети поели, да не насытились, остались голодные. Тогда он взял то яйцо, что нашел на кострище, дал жене и сказал:

— Иди, продай его.

Жена взяла яйцо и понесла на базар в лавку к торговцу продавать.

Торговец посмотрел на яйцо и спросил:

— Сколько ты хочешь за это яйцо?

— А сколько оно стоит, столько и дай,— ответила она.

— Десять туманов,— сказал он.

«Видно, не простое это яйцо, что он за него десять туманов дает»,— думает она, а сама говорит:

— Нет, это мало.

— Двадцать туманов дам,— говорит торговец.

А она ему:

— Ты дай его настоящую цену.

— Тридцать туманов!

— Ты со мной не шути, а плати сколько нужно. Сколько оно стоит, столько и плати!

— Оно стоит пятьдесят туманов,— говорит торговец.

— Ну, раз пятьдесят,— говорит она,— плати пятьдесят.

Он отсчитал пятьдесят туманов и дал ей. Взяла она пять-

десять туманов, купила на них всякой всячины и пошла домой. Пошли они в этот день всего досыта, и еще осталось.

Так и стал старик каждый день ходить в то место, где было кострище, и каждый день находил на том месте яйцо. Приносил его домой, жена продавала на базаре торговцу и получала свои пятьдесят туманов.

А потом старик подумал: «Зачем же мне каждый день так далеко ходить? Поймаю-ка я лучше ту птицу, что несет эти яйца, пусть живет у меня дома».

Пошел он с вечера на то место и поставил там силок. Так его спрятали, чтобы не видно было.

Наутро снова пришел — а птица в силке бьется. Освободил он ее из силка и отнес к себе домой. И стал он ее держать у себя дома. Птица ему каждый день по яйцу несет, а жена его продает на базаре за пятьдесят туманов. И так он постепенно разбогател, завелся у него скот и всякое добро.

И вот однажды решил он сходить навестить своих родственников. Сказал об этом жене, мол, собери меня в дорогу, я иду туда-то и туда-то. Но только пока меня не будет, береги эту птицу, в ней все наше счастье.

Она его собрала в дорогу, и он ушел. На следующее утро птица, как всегда, снесла яйцо, женщина взяла его и повесла на базар продавать. Пришла к торговцу, а тот уже пронюхал, что мужа ее нет, и говорит:

— Зажарь мне целиком ту птицу, что несет эти яйца. Я тогда тебя в жены возьму. Что тебе этот старик-дровосек! Ты будешь у меня в золоте ходить, даже подковки на твоих туфлях — и те будут из золота.

Женщина так обрадовалась, что и сказать нельзя! Ведь всю свою жизнь ничего она, кроме ячменных лепешек, не видела, а здесь ей все радости жизни обещают. Конечно, она согласилась, сказала:

— Я зажарю тебе птицу.

Пошла она домой, убила птицу. Зажарила, положила на блюдо, сверху накрыла котлом и пошла на базар пригласить к себе торговца. Пока она шла на базар, домой пришли дети, почувяли запах жареного мяса. «Это, наверное, мать нашу птицу зажарила», — подумали они. Побежали посмотреть, где птица, а птицы на месте нет. Стали шарить там и тут, наконец догадались приподнять котел, видят, что птица зажаренная под котлом лежит. Подняли они вдвоем котел и решили полакомиться. Старший съел голову, а младший съел сердце птицы.

— Остальное пусть останется, — сказали они.

И вот жена привела домой торговца, оказала ему всяческие

почести. Полила ему воды на руки, он уселся и собрался есть. Она принесла ему блюдо с зажаренной птицей, он смотрит — а головы нет. Присмотрелся еще — а сердца тоже нет. Разозлился и закричал:

— Убери это вон, мне этого жаркого не надо! Этого добра везде хватает! Мне нужно было сердце и голова птицы. Где они?

— Наверно,— говорит женщина,— пока меня не было, дети взяли и съели.

— Раз так,— сказал торговец,— сегодня ночью, когда они заснут, разрежем им животы и вынем сердце и голову птицы у них из животов.

Женщина не стала ему возражать — так уж ей хотелось, чтоб он ее замуж взял. А дети за стеной дома сидели и все это слышали. Поняли, что мать хочет их погубить.

Было у них два-три крапа, они купили себе на них хлеба и ушли из того города. Пошли куда глаза глядят. Шли они, шли, тут наступила ночь, они устроились прямо у дороги на ночлег. Утром младший брат проснулся, смотрит — а у них под головой сто туманов. Взяли они эти сто туманов и снова пустились в путь. Шли-шли, целый день шли, ночью опять легли спать, а утром младший брат опять нашел у себя в изголовье сто туманов. Так прошло четыре ночи, и стало у них уже четыреста туманов. А они все продолжали идти. Дошли до развилки и тут решили разделиться. Младший брат пошел налево, а старший брат — направо. Те четыреста туманов младший брат отдал старшему — мол, я и так каждое утро нахожу под головой сто туманов, мне хватит.

Ну, пусть младший брат себе идет, а вы послушайте про старшего брата. Шел он, шел по дороге и пришел в один город. А там как раз царь умер, горожане выбирают себе нового царя. Собрались они на площади и выпускают в воздух птицу — мол, на чью голову она сядет, тот и будет царем.

Выпустили они ее в первый раз, птица покружилась в воздухе и села на голову старшего брата. Народ видит: птица села на голову какому-то мальчишке, чужестранцу. Решили тут, что птица ошиблась. Выпустили птицу во второй раз, теперь с другого конца города. Птица снова покружилась, покружилась и села на голову того парня. Снова люди подумали, что она ошиблась; выпустили ее в третий раз, на этот раз совсем в другом месте города. И снова она прилетела, покружилась, покружилась и села тому парню на голову.

Ничего не поделаешь — сделали они его там царем. Пусть он себе там остается царем, а ты послушай о младшем брате.

Шел он, шел и пришел в один город. Смотрит — там собралось несметное количество царевичей со всех стран. Красавица — дочь царя того города себя показывает за деньги. Пятьдесят туманов берет — показывает свое лицо, а за сто туманов по грудь себя показывает. Торгует так своей красотой.

Ну, младший брат там и остался. Платит в день по сто туманов и любит царскую дочь. И никаких забот не знает.

Так прошло много дней. И вот царская дочь заметила, что есть юноша, который уже не первый месяц каждый день дает деньги и смотрит на нее. Подумала она: «В чем же тут дело, откуда у него столько денег? Не иначе как он съел сердце у птицы счастья!» Она про эту птицу давно слышала.

Задумала она недоброе и говорит своей служанке:

— Иди и скажи этому юноше: мол, моя госпожа приглашает тебя сегодня в гости.

Служанка пошла и пригласила того юношу, младшего сына дровосека: мол, тебя царевна к себе приглашает. Ну, тот, конечно, согласился — ведь так он каждый день деньги платил, чтобы смотреть на нее, а тут его даром в гости приглашают. Пришел он к ней в дом, дали ему плов. Он поел плова, ждет, что девушка к нему выйдет. А девушки нет и нет. Постелили ему постель, он лег, а все не спит — ждет, что девушка появится. Ждал-ждал, да тут сон сморил его, и он заснул. Утром, когда он еще спал, девушка тихонько прокралась в его комнату и видит, что у него под головой лежит сто туманов. Тут-то она поняла, что так оно и есть, он действительно съел сердце птицы счастья. И велела она слугам тайком подложить ему в чай рвотного зелья. А сама пришла к нему, когда он проснулся, и сидит с ним, угощает чаем, чтобы он выпил как можно больше. Так он пил, а потом рвотное зелье подействовало, и сердечко выпало у него изо рта и отлетело к противоположной стене. Девушка тотчас его схватила, ополоснула в воде и проглотила. И сразу позвала слуг и кричит им:

— Выгоните этого чужестранца вон из моего дворца, нечего ему тут делать!

Слуги схватили его, выволокли из дворца, избili и бросили на улице.

Он думает: «Что же мне теперь, о боже, делать? Было у меня каждый день по сто туманов, я на них ел и пил да еще каждый день девушкой любовался. А теперь ничего у меня нет. Как мне теперь быть?»

Подумал так, подумал, да делать нечего — побрел вон из города. Идет себе, идет и видит: стоят трое людей и о чем-то спорят, руками размахивают.

Он подошел к ним и спрашивает:

— О чем вы спорите?

— О брат, и не спрашивай. Мы — трое братьев. Отец наш умер, оставил нам тюбетейку, мешок и коврик. Вот мы спорим, никак не можем их разделить.

— Да это же очень просто, что там делить-то,— говорит юноша.

— Нет,— говорят они.— Это не простые вещи, это все вещи пророка Сулеймана. Если ты наденешь на голову тюбетейку — станешь невидимкой. В мешок руку засунешь, скажешь: «Во имя пророка Сулеймана!» — и любую еду, какую пожелаешь, оттуда можно вынуть. А сядешь на коврик, скажешь: «Во имя пророка Сулеймана, перенеси меня туда-то и туда-то»,— коврик перенесет тебя хоть на другой конец света.

«Все эти вещи мне пригодятся»,— подумал юноша и говорит им:

— Разделить эти вещи нетрудно. Я возьму лук и выпущу из него три стрелы. Одну — в одну сторону, другую — в другую, третью — в третью. А потом каждый из вас побежит за своей стрелой. Кто первым принесет стрелу — тому достанется коврик, второму — мешок, а третьему — тюбетейка.

Они согласились. Он взял лук, натянул тетиву и пустил три стрелы: одну в одну сторону, другую — в другую, третью — в третью. Все три брата разбежались в разные стороны. А он взял под мышку мешок и коврик, надел на голову тюбетейку и остался там стоять. Они вернулись, смотрят — никого нет: его-то не видно. Искали они его, искали, да так и не нашли. Поняли они, что он их обманул, да уже было поздно. Так и ушли они ни с чем восвояси.

А он отправился напрямик во дворец к царской дочери. На голове у него тюбетейка, никто его не заметил, он прошел во дворец и уселся рядом с царской дочерью на свой коврик. Царевна встала и пошла к двери, наступила на коврик, а он тотчас сказал: «Во имя пророка Сулеймана, перенеси нас за семь морей». И тотчас коврик поднялся в воздух и через мгновение был уже в стране за семью морями. Опустился на лужайку, и тут юноша снял с головы тюбетейку и говорит царевне:

— Вот ты отняла у меня сердце птицы счастья, выгнала меня из дворца. А все равно будет по-моему, ты будешь теперь моей женой.

И он заключил с ней брак и овладел ею. Стали они там жить. Днем он ходил на охоту, вечером возвращался и ужинал с царевной. Так прошел один, два месяца, и вот однажды царевна его спросила:

— Расскажи, как мы здесь оказались, как ты меня сюда принес?

— Ты опять хочешь меня обмануть? Нет, больше тебе не удастся,— сказал он и ударил ее по губам. Девушка заплакала, и тут ему стало ее жаль, он и говорит ей:

— Зачем ты меня спрашиваешь? Ты опять хочешь меня погубить?

— Нет,— возражает она,— я просто хочу знать, как это было.

Уговаривала она его, уговаривала, плакала, наконец ему совсем стало ее жалко, он не выдержал и говорит:

— Вот видишь коврик. Сядешь на него, скажешь: «Во имя пророка Сулеймана»,— он тебя и перенесет туда, куда твоей душе угодно.

Когда он в следующий раз пошел на охоту, девушка взяла тубетейку, мешок, села на ковер и сказала:

— Во имя пророка Сулеймана, перенеси меня на крышу моего дворца.

Коврик поднялся в воздух — в одно мгновение перенес ее на крышу дворца. Сын старика-дровосека вернулся и видит: девушки нет, где была девушка, там пустое место. В отчаянии пошел он вдоль берега реки. Шел-шел и устал. Лег отдохнуть под чинаром и заснул. А тут прилетели три голубя, сели на ветви чинара. Один из них говорит:

— О человек, если ты спишь — проснись, а если не спишь — внимай! Человек, который надерет лыка с этого чинара и сделает себе из этого лыка обувь, сможет пройти в ней за семь морей, и ноги у него не заболят.

Другой голубь говорит:

— Если спишь — проснись, если бодрствуешь — слушай! Тот, кто нарвет с этого чинара листьев и этими листьями протрет глаза слепому, — исцелит слепого, слепой станет зрячим. А в таком-то городе, за семью морями, есть царь, а у царя есть слепая дочь. Тому, кто его дочь исцелит, царь отдаст ее в жены, да еще полцарства, да всякого добра в придачу.

Третий голубь сказал:

— Если спишь — проснись, если забылся — опомнись! Тот, кто сделает из ветки этого чинара палку и ударит левым ее концом человека, сказав «уш!»¹, превратит человека в осла. А если ударит правым концом — тот осел снова станет человеком.

Тут царевич вскочил, а голуби говорят:

— Нетерпеливый ты человек! Что ты вскочил? Мы тебе еще многое рассказали бы.

— Если то, что вы до сих пор рассказали, правда, то и этого довольно,— говорит он.

Набрал он себе листьев с чинара, срубил палку, содрал лыко и сплел обувь. Двинулся в путь, прошел через семь морей и даже не заметил. Подошел к тому городу, где у царя была слепая дочь. Посмотрел и видит: все зубцы на городской стене утыканы человеческими головами. Он спросил у людей, что проходили мимо:

— Что это, почему на зубцах городской стены человеческие головы?

Они ему отвечают:

— У царя этого города дочь — слепая. Много приходило сюда охотников исцелить царскую дочь, лекарей да знахарей. И каждого из них царь сначала обручал со своей дочерью и только потом разрешал ей открыть перед ним лицо. Но ни один из них не мог исцелить ее, и каждому из них царь велел отрубить голову, насадить на зубец городской стены. Пусть не ходят и не хвастают: дескать, мы были обручены с царской дочерью, и она показывала нам себя.

Сын дровосека все это выслушал и пошел в город. Переночевал там в одном месте, а наутро спрашивает:

— Нет ли здесь кого-нибудь слепого?

Ему говорят: мол, есть здесь поблизости один человек, он уже десять лет как слеп. Сын дровосека изготовил из листьев чинара снадобье вроде сурьмы, которой подводят глаза. Взял палочку, помазал ею веки слепому и говорит:

— Клянусь пророком Сулейманом, что больше он не будет слепым!

Оба глаза у слепого открылись и засверкали как звезды. Слепой стал зрячим и воскликнул, обращаясь к сыну дровосека:

— Отныне я твой раб!

— Нет,— говорит юноша,— у меня свои дела, а у тебя — свои. Иди занимайся своими делами.

Юноша пошел прямо к царю. Приветствовал его, как полагается приветствовать царя, и услышал приветствие в ответ.

— Чего ты хочешь? — спросил царь.

— Я,— говорит юноша,— врач, я слышал, что твоя дочь слепа. Я готов исцелить ее.

— А знаешь ли ты, что тебя ждет, если тебе не удастся это сделать и она останется слепой? — спрашивает снова царь.

— Я исцелю ее,— говорит юноша.

Ну, девушку обручили с ним, он поднял с ее лица покрывало и помазал ей веки снадобьем из листьев чинара. Сказал:

— Во имя пророка Сулеймана!

Глаза у нее раскрылись и засияли, словно две звезды. Царь так обрадовался, что и сказать нельзя. И отдал ему свою дочь и полцарства в придачу.

Пожил сын дровосека немного в этом городе. Но вот наступил день, когда он сказал своей жене:

— Мне нужно пойти в такое-то царство, у меня там много добра осталось.

Взял он с собой несколько слуг, несколько мулов, погрузил на них что нужно и отправился в город, где жила та девушка, что торговала своей красотой,— его прежняя жена. Пришел в город и спрятался возле дворцовых ворот. Когда вышла из ворот служанка девушки, он ударил ее палкой, сказал «уш!» — и та превратилась в осла. Вышла другая служанка, и ее он тоже стукнул палкой, и она тоже стала ослицей. Тут и девушка вышла, смотрит: где мои служанки, а он подкрался и ударил ее палкой, сказал «уш!» — и она превратилась в красивую белую ослицу. Он ее привязал возле кормушки, насыпал ей соломы и ячменя и говорит:

— Ну что, не удалось тебе от меня уйти? Верни мне сердце птицы счастья и все деньги, которые ты с того дня, как его проглотила, нашла у себя под головой. Верни мне мешок, коврик и тюбетейку. Верни мне все, тогда я возвращу тебе человеческий облик. А если нет — так и останешься ослицей.

Девушка заупрямилась. Два дня он кормил ее соломой и ячменем и бил, как бьют ослов. А царь из окна видит, что какой-то человек бьет осла, думает: «А мне дела нет, это его осел, он его и бьет».

Наконец девушка-ослица взмолилась, стала чертить копытом на земле, мол, я все тебе отдам, даже себя саму, только прости меня, преврати опять в человека.

Он ударил ее правой стороной палки, и она снова стала человеком. Только немного бледнее выглядит, чем была.

Отдала она ему тюбетейку, мешок и коврик. Слуги ее нагрузили десять мулов теми деньгами, что собрались у нее за это время, и юноша двинулся в обратный путь. А она бежит вслед за ним и просит:

— Возьми меня тоже с собой!

— Ты мне уже надоела,— отвечает он.— Ты опять хочешь ввергнуть меня в какую-нибудь беду. Иди домой, больше я тебя видеть не хочу.

Так он вместе со своим добром вернулся в город своего теста. Пожил там некоторое время, а потом решил пойти разыскать своего брата. Пойду, дескать, узнаю, как он живет. Вер-

нулся он к той развилке, где они с ним когда-то расстались, и пошел по той дороге, по которой тогда пошел его брат. Шел, шел и пришел к тому городу, где его брат царствовал. Тут ему и рассказали: мол, когда-то к ним в город пришел такой юноша, как раз когда выбирали царя. И птица села на его голову, и его сделали царем.

Он отправился во дворец, вошел в царские покои, приветствовал царя, услышал ответ. Старший брат его не узнал и спросил:

— Какое у тебя ко мне дело? Что тебе нужно?

Тот говорит:

— Мне нужно с тобой поговорить с глазу на глаз, чтобы никто нас не слушал.

Царь приказал всем отойти в сторону, и тогда младший брат спросил его:

— Ты родом не из этого города?

— Нет,— отвечает тот.

— А откуда ты пришел сюда?

Тут царь рассказал свою историю.

— А брат у тебя был?

— Да,— отвечает царь.

— Что же ты меня не узнаешь? Я и есть твой брат!

Тут они бросились друг другу в объятия. Обняли друг друга и расплакались. Несколько дней они праздновали свою встречу, а потом решили, что надо им съездить проведать своего отца. Сели они на коней и отправились в путь. Ехали, ехали и приехали в тот город, откуда были родом. Там они нашли своих отца и мать.

Младший брат говорит:

— Давай возьмем родителей с собой.

Старший брат согласился. Он посадил на коня к себе за спину отца, а младший брат — мать.

Поехали они, а младший брат и говорит:

— Я свою мать в живых не оставлю, я не забыл того зла, которое она нам причинила.

Старший брат говорит ему:

— Прости ее, не надо помнить зло. Ведь она вскормила тебя своим молоком!

Младший брат промолчал. Ехали они, ехали, и вот в одном месте — а там был один песок да колючки — старший брат говорит младшему: мол, я отъеду в сторону по нужде.

— Ладно,— говорит младший.

Ну, старший брат отъехал, скрылся из виду, а младший велел матери слезть с коня, привязал ее за волосы к хвосту и

стал гонять коня то в одну сторону, то в другую. Разодрал ее в клочья, мол, зачем ты вместе с торговцем хотела нас извести.

Старший брат подъехал, видит: брат тут, а матери нет. Он все понял, но ничего не сказал. А отцу рассказал, как его жена — их мать — польстилась на золото и зажарила птицу счастья и как она хотела извести их с братом — взрезать им животы, чтобы достать оттуда сердце и голову птицы для своего любовника.

— А теперь,— говорит,— он ей отомстил и за тебя, и за нас. Ну и отец тоже ничего не сказал.

Приехали они в город, где старший сын был царем. Нашли для отца хорошую жену — не старую, не молодую, и отец стал жить там со своим старшим сыном — царем. А младший брат отправился в тот город, где у него осталась жена — та, которую он исцелил от слепоты,— и стал царствовать там.

И пусть бог воздаст всем мусульманам так, как он воздал этим двум братьям.

11. Братья-прорицатели

Было не было, а лучше бога никого не было.

Жил однажды царь, и было у него три сына. Все его сыновья были ясновидящими, прорицателями.

Вот царь состарился, почувствовал приближение смерти, позвал своих сыновей и сказал им:

— О дети мои! Я состарился и скоро умру. После меня останется много всякого добра и богатств. Вы поделите все между собой по справедливости, а если заспорите, поезжайте в такой-то город к моему брату — вашему дяде, он вас рассудит.

Вскоре царь покинул этот мир. Его обмыли, надели на него саван, отнесли на кладбище и похоронили. На третий день сыновья справили по отцу поминки. Потом справили и седмицу. А потом настал сороковой день, и его тоже отметили. Затем сыновья собрались, чтобы поделить имущество отца.

Стали они его делить и заспорили. Старший брат и средний говорят: надо делить поровну, а младший требует себе большую долю, дескать, я дольше вас проживу, мне, стало быть, и добра больше надо. По справедливости, мол, так должно быть.

Спорили они, спорили — никак не могли поладить. Тогда младший брат и говорит:

— Наш отец завещал нам пойти к нашему дяде за советом, если мы начнем спорить друг с другом. Пойдем, он нас рассудит.

Братья с ним согласились.

Оседлали трое царевичей коней, сели верхом и направились в путь — спиной к городу, лицом к белому свету.

Вот едут они, едут, много ли, мало проехали — дорогу им пересек след верблюда.

Посмотрели они на этот след, не слезая с коней, и двинулись дальше.

Едут дальше, и встречается им по дороге какой-то человек. Братья поздоровались с ним, и этот человек спросил:

— Вы не видели на дороге верблюда? У меня верблюд потерялся.

— Твой верблюд был слеп на один глаз? — спрашивает старший брат.

— Да, — отвечает человек.

— Половина груза была мед, половина — патока? — спрашивает средний брат.

— Да, — отвечает хозяин.

— На верблюде сидела беременная женщина?

— Да, — отвечает хозяин. — Где же он?

— А мы его не видели, — говорят царевичи. — Вон там след есть, иди по следу, может быть, его догонишь.

— Как это так?! — спрашивает тот человек. — Вы его не видели, а все про него знаете. И какой он сам, и какой на нем груз, и кто на нем сидит! Вы его, видно, куда-то угнали, а теперь говорите, что не видели.

— Нет, — говорят братья, — мы ясновидящие.

А хозяин все требует у них своего верблюда, никак не хочет им поверить.

— Пойдем к царю, — кричит, — пусть он нас рассудит.

— Ладно, — отвечают царевичи.

Отвел он их к царю. Они приветствовали царя, и царь спросил:

— Какое у вас ко мне дело?

Хозяин верблюда заговорил:

— Я потерял верблюда, а вот эти люди, которых я встретил на дороге, рассказали мне все его приметы. И что он слеп на один глаз, и что груз на нем — мед и патока, и что сверху сидит беременная женщина. А когда я их спрашиваю, где же сам верблюд, они отказываются, говорят, что не видели его.

Царь спросил их:

— О юноши, кто вы и почему вы так поступаете?

— Мы — сыновья такого-то царя, идем туда-то. Мы видели след верблюда, а больше ничего не видели. А все его приметы мы сказали хозяину потому, что мы ясновидящие.

Царь, узнав, что перед ним три царевича, велел их отвести в покои и принять с почетом.

А тому человеку говорит:

— Приходи завтра в полдень. Сегодня я приму их как гостей и все про них разузнаю, пойму, кто они такие на самом деле. Обманывают они нас или в самом деле у них такой дар есть.

Наступил вечер, царь велел поварам сварить плов. Они сварили жирный плов и отнесли царевичам. Царевичи стали есть, а царь вышел в соседнюю комнату, притаился у стены и слушает, о чем они будут говорить.

Старший брат говорит:

— Плов очень вкусный, да что толку! Мясо-то в нем есть нельзя, оно поганое!

Средний брат говорит:

— Царь сильно старался, чтобы нас получше покормить, а пользы мало. Хлеб-то вкусный, да есть в нем изъян: вырос он на костях мертвецов.

Младший брат сказал:

— Царь — добрый человек, но только он вовсе не царь. Отец у него не был царем, и мать не была царицей. Он сын пастуха.

Как только царь это услышал, он пошел, разбудил свою мать и спрашивает ее:

— Мать, скажи мне всю правду: чей я сын?

— Ты — сын царя, — ответила мать.

— Нет, это неправда, — говорит царь, — ты скажи правду!

Как сын ни уговаривал мать, она продолжала упираться. Наконец он закричал:

— Если ты мне не скажешь правду, я зарублю тебя мечом!

Выхватил меч и замахнулся на нее. Тогда она заговорила:

— Ты не сын царя, ты сын пастуха. Когда был жив твой отец, бог не давал мне сыновей — у меня рождались одни дочери. И однажды, когда у меня опять родилась дочь, я за сто туманов обменяла ее на крестьянского сына, родившегося в тот же день. Это ты и есть. Я тебя вырастила, сделала царем, что тебе еще нужно? Теперь я тебе все сказала, оставь меня.

Царь ушел к себе в покои и лег спать, а наутро велел позвать того пастуха, у которого брали барана на мясо для плова.

Пастух пришел, и царь спросил его:

— Ну-ка, пастух, говори правду, что это за барашка ты мне прислал на мясо?

— О царь, — ответил пастух, — делай что хочешь, казни или милуй, я скажу тебе всю правду. Одна из моих овец при-

несла двойню, двух ягнят. А время было засушливое, травы было мало. Ну и у овцы было мало молока, она не могла прокормить двоих ягнят. А у меня была собака, она как раз в это время оценилась, и я подбросил ей одного из этих ягнят. Она его выкормила, он вырос крепким и здоровым. Когда у меня потребовали, чтобы я отправил барана к царскому двору, я выбрал именно его.

Царь отпустил пастуха и потребовал к себе стольника:

— Скажи мне, откуда та пшеница, из которой был вчерашний хлеб?

— О ты, кому поклоняется мир! — ответил тот. — Хочешь — казни, хочешь — милуй, а дело такое. Было одно кладбище. Как-то случилось наводнение, и кладбище затопило. Потом вода ушла, а кладбище стало зарастать травой. Когда оно совсем заросло, его распахали и посеяли на нем пшеницу. Хорошая пшеница выросла — по грудь ростом, зерно крупное, твердое. Я и приказал послать эту пшеницу царю на хлеб.

— Ладно, иди, — говорит царь.

Стольник ушел, а тут вскоре пришел хозяин верблюда. Приветствовал царя и спросил:

— Ну, что ты узнал о моем верблюде?

Царь ответил:

— Иди, ищи своего верблюда сам, иди за ним следом — царевичи его и вправду не видели.

Хозяин верблюда отправился искать след верблюда.

Царь же сказал царевичам:

— Мне предсказали, что три дня и три ночи мне надо остерегаться опасности. Оставайтесь здесь на три дня, я вижу, что вы сумеете меня уберечь.

Ну, братья согласились. В первую ночь царя стерег старший брат. Всю ночь бодрствовал — ничего не случилось.

Во вторую ночь пошел караулить царя средний брат. Ночь настала, все было тихо, так и прошло время до утра.

На третью ночь остался караулить царя младший брат. Было около трех часов ночи, когда он увидел, будто два-три светильника с каким-то шорохом приближаются ко дворцу. Посмотрел — а это дракон ползет, подбирается к царским покоям. Он выбежал, выхватил меч, подбежал к дракону и одним ударом разрубил его пополам. Тушу дракона спрятал в кустах, а сам пошел спать к царскому ложу. Стал он тут вытирать меч от крови дракона. Только вытер — а царь проснулся и видит: царевич стоит с обнаженным мечом возле него. Царь перепугался: мол, этот царевич хочет меня убить — и больше заснуть не мог. Так и не заснул до самого утра. А царевич, когда рас-

свело, ушел к своим братьям и говорит: так, мол, и так, ночью приполз дракон, я его убил. А теперь нам надо собираться и идти дальше.

— Ладно,— говорят братья.— Пойдем скажем об этом царю.

Пришли они к царю и говорят:

— У нас впереди дальняя дорога, пора нам уходить.

А царь отвечает им:

— Вы двое идите, а вашего младшего брата я казню.

— За что ты его казнишь? — спрашивают старшие братья.

— Он хотел меня убить,— говорит царь.

— Не убивай его,— сказал старший брат.— Если убьешь — раскаешься так же, как когда-то один царь из-за своего говорящего попугая, да будет уже поздно.

— А как было с тем царем? — спрашивает царь.

Старший брат начал рассказывать:

«Жил-был царь, у него был говорящий попугай. Ночью сорок разбойников пришли грабить царскую казну. Как только попугай их увидел, он закричал:

— Воры!

Царь проснулся, вскочил с постели, а воры разбежались и попрятались. Царь смотрит — никого нет. Снова лег спать, а разбойники опять пришли. Тут попугай опять закричал:

— Воры!

Царь снова переполошился, вскочил — а разбойники опять разбежались. Царь видит: никого нет. Тогда царь рассердился и свернул попугаю голову. Свернул попугаю голову и лег спать. А сорок разбойников пришли и дочиста ограбили казну царя.

Наутро царь видит — казну ограбили. Стал стенать, воздевать руки к небу, мол, что я наделал, ведь если бы я не убил своего попугая, послушался бы его, разбойники бы в казну не забрались! Раскаялся он, но было уже поздно. Вот и ты, царь, тоже раскаешься, но толку от этого не будет».

— Нет, я не буду раскаиваться,— говорит царь.

Тогда средний брат сказал:

— Нет, царь, ты раскаешься, как тот царь раскаялся из-за своего белого сокола.

— А что с ним произошло? — спросил царь.

Средний брат рассказал:

«Однажды царь со свитой и войском отправился на охоту, а белый сокол сидел у него на руке. Царь погнался за газелью и так потерял из виду свою свиту. Газель не догнал, от войска своего отстал, блуждал, блуждал, наконец так устал, да и жаж-

да его замучила, что решил найти себе место для отдыха. Нашел себе место в тени, думает: „Отдохну-ка я здесь немного, посплю часок“. Сошел с коня, привязал его. Посмотрел — со скалы капает вода. У него в хурджине была медная чашка, подставил он ее под капающую воду, а сам лег спать. Подремал немного, очнулся — а чашка уже полна воды. Только он хотел ее взять и выпить — а белый сокол закричал и опрокинул ее крылом. Опрокинул и пролил всю воду.

— Глупая птица,— сказал царь,— зачем ты опрокинула чашку?! И мне пить хочется, и тебя жажда мучит!

Подставил чашку под капающую воду и снова заснул. Открыл глаза, видит: чашка опять полна воды. Только он хотел выпить — снова сокол закричал и опрокинул чашку. Царь рассердился, свернул соколу голову и выбросил его вон. Подставил чашку, дождался, пока она наполнится. Хотел напиться, а потом подумал: „Почему же все-таки сокол расплескивал воду? Поднимусь-ка я наверх, посмотрю, откуда эта вода капает“. Поднялся и видит: лежит мертвый дракон, а его кровь и яд смешиваются с водой и потихоньку капают вниз. Стоило бы царю одну каплю этой воды выпить — и он тотчас умер бы. Тогда царь стал раскаиваться, что убил сокола, который хотел его спасти. Раскаиваться-то он раскаивался, да что пользы в запоздалом раскаянии? Вот и ты, царь, раскаешься, да будет поздно».

— Нет,— говорит царь,— я должен его казнить.

Тогда старший брат говорит:

— Какой толк читать суру «Йа-син»¹ на ухо ослу? Это же не царь, а сын пастуха, оттого он и бестолковый такой. Ты, младший брат, покажи ему, что ты сделал!

Младший брат показал царю тушу убитого дракона в кустах и сказал:

— Я убил этого дракона, а потом вытер меч и хотел его вложить в ножны. А зачем мне тебя убивать?

Царь раскаялся, бросился на колени и взмолился перед братьями: мол, простите меня.

Те простили его, он щедро одарил младшего брата, братья распрощались с царем, сели на коней и отправились в путь к городу своего дяди.

Ехали они, ехали и подъехали к его городу. Нашли там одного человека и сказали ему:

— Иди передай царю, что его племянники едут.

Тот пошел, сказал царю: мол, едут царевичи, твои племянники.

Царь вышел им навстречу и с почетом ввел в город. Не-

сколько дней они жили в свое удовольствие, а когда прошло четыре-пять дней, старший брат говорит дяде:

— О царь, мы пришли сюда не есть и не спать, у нас ведь свое царство есть. Мы пришли потому, что наш отец завещал нам перед смертью: «Если между вами возникнут какие-нибудь споры, идите к своему дяде, он вас рассудит». Вот мы тут поспорили, как делить наследство, и пришли к тебе.

— У меня есть дочь,— говорит дядя,— ваша двоюродная сестра. Сегодня вечером идите к ней — она вас и рассудит.

Так и решили. Царевне сказали: мол, сегодня вечером ее двоюродные братья придут к ней. Царевна велела наготовить для них разных яств.

Пришли царевичи, сама царевна сидит за занавеской, служанки и рабы прислуживают гостям. А царевна сделала маленькую дырочку в занавеске и смотрит на своих братьев — она ведь их никогда раньше не видела. Видит — красивые, статные витязи, а младший — лучше всех. И сразу в него влюбилась.

Ну, поели они угощений и начали беседовать. Царевичи говорят ей:

— Царевна, рассуди нас. Стали мы делить наследство, оставшееся после отца, и поссорились. Двое говорят — надо разделить поровну, а третий хочет себе бóльшую долю.

— Ваш спор рассудить нетрудно, я помогу вам,— говорит царевна.

— Ну, если можешь рассудить — рассуди скорее,— говорят царевичи,— нам надо уезжать.

— Слушайте, братья,— говорит девушка.

«Жили-были однажды двоюродный брат и сестра. Двоюродный брат был влюблен в свою сестру, а она его не любила, сердце ее не лежало к нему. Однажды девушка эта пошла в баню. Когда она возвращалась из бани, на дороге ее подстерег и схватил какой-то юноша. Девушка ему сказала:

— Не посягай на меня, о юноша! Когда я выйду замуж, я приду к тебе в первую же ночь после свадьбы.

Ну, и юноша отпустил ее.

Прошло какое-то время, и девушка согласилась выйти замуж за своего двоюродного брата. Она сказала ему:

— Брат мой, я согласна быть твоей женой, но при условии, что в первую ночь после свадьбы ты меня отпустишь, я должна пойти к своему другу.

Брат ответил ей:

— Ладно, на одну ночь куда бы ты ни пошла — иди.

Девушка тогда говорит:

— Ну что ж, готовься к свадьбе.

Сыграли свадьбу, семь суток стучали в бубны, били в барабаны, гремела музыка. На седьмую ночь девушка говорит жениху:

— Брат, верен ли ты своему слову?

— Да, — говорит он. — Надевай чадру и иди.

Она надела чадру и пошла в дом к тому юноше. Пришла она к его дому, постучала в дверь. Юноша проснулся, встал, открыл дверь и спрашивает:

— Девушка, ты зачем сюда пришла среди ночи?

Девушка ответила:

— Я выполняю обещание, которое дала тебе в тот вечер, когда возвращалась из бани. Я сказала тебе тогда, что приду к тебе в первую же ночь после свадьбы. Вот я и пришла, а теперь поступай, как знаешь!

Юноша говорит:

— Если я дам себе волю, господу это не понравится.

Поднял с ее лица чадру, поцеловал в лоб и сказал:

— Отправляйся к своему жениху!

Отпустил он ее, она пошла к жениху, и они достигли своих желаний».

Затем царевна спросила у старшего из царевичей:

— Если бы к тебе среди ночи пришла невеста другого человека, ты бы отпустил ее?

— Да, — ответил старший брат, — всякий, кто признает бога, должен был бы ее отпустить. Нехорошо посягать на чужое добро.

— Ну ладно, — говорит девушка. — А ты, мой средний брат? Если бы к тебе среди ночи сама, по собственной воле, пришла девушка-невеста, ты бы ее отпустил?

— Да, — сказал он, — я бы ее отпустил, мне чужого не надо.

— Ну, если бы отпустил, то хорошо, — сказала девушка. — Ну, а ты, мой младший брат? Если бы к тебе ночью пришла чужая невеста, ты бы отпустил ее?

— Зачем же мне ее отпускать? — спросил младший царевич. — Я никогда не отказываюсь от куска, который сам мне в рот лезет.

— Значит, ты и хочешь большую долю в наследстве, — говорит девушка. — Возьми вместо этого меня в жены.

Тот сразу согласился.

Царю доложили: мол, твоя дочь выходит за младшего из твоих племянников. Царь благословил их. Семь суток били в барабаны, стучали в бубны, гремела музыка, звучали песни. Они провели там еще десять-пятнадцать дней, а потом погрузили приданое на пятьдесят верблюдов и поехали назад.

Шли, шли, пока не вернулись назад.

Вернулись, разделили все наследство поровну.

Старший брат воссел на царский престол, а два других брата стали везирами.

Пусть господь так же, как удовлетворил их желания, удовлетворит желания всех мусульман.

12. Гадальщик

Жил-был бедняк. Есть ему было совсем нечего, жить было не на что. «О боже, что же мне делать?!» — думал он, но ничего не мог придумать.

Вышел он однажды из дому поискать себе чего-нибудь поесть, отошел от селения, смотрит — стоит посреди арыка осел «Дай,— думает,— спутаю я ему ноги веревкой, чтобы он не ушел. Если до вечера хозяин не найдется, возьму его себе. Хоть осел у меня будет». Связал ему ноги белой веревкой, потом пошел обратно, сел у дороги возле своего дома, взял в руки книгу, сидит и потихоньку ее листает. В это время подошел к нему какой-то человек, спрашивает:

— Что ты делаешь?

— Я,— говорит,— гадальщик, гадаю вот по этой книге.

— Если ты гадальщик,— сказал тот человек,— погадай, посмотри, куда мой осел делся — никак не могу осла найти.

Бедняк полистал книгу в одну сторону, полистал в другую и говорит:

— Твой осел стоит посреди такого-то арыка, ноги у него связаны белой веревкой.

Хозяин пошел к тому ручью, видит: и правда, осел его стоит, ноги спутаны белой веревкой. Развязал он эту веревку, взял осла, привел его в селение, нашел бедняка и дал ему один туман.

— Ты очень хороший гадальщик,— сказал он.

Потом он стал всем рассказывать: мол, такой-то человек очень хороший гадальщик, я потерял своего осла, а он посмотрел в книгу и сразу сказал мне, где мой осел.

Стали все об этом говорить, в конце концов новость эта достигла царя.

Царь сказал:

— Если такой человек действительно есть, приведите его ко мне, он мне очень нужен.

Позвали бедняка и привели к царю.

— Ты гадальщик? — спросил царь.

— Да, я гадалщик, — ответил оп.

Тогда царь сказал:

— Живи у меня во дворце, я буду платить тебе тридцать туманов в месяц. Когда ты мне понадобишься — я тебя позволю.

Ну, и бедняк живет себе припеваючи, получает тридцать туманов в месяц и спит целыми днями.

Но вот однажды ночью пришли сорок воров и ограбили царскую казну. Доложили об этом царю, а он говорит:

— Воров я разыщу, на это у меня есть гадалщик. Даром я ему что ли плачу тридцать туманов в месяц?!

Позвали гадалщика, царь ему сказал:

— Гадалщик, вчера воры ограбили мою казну. Найди то, что они украли!

— О царь, кому поклоняется мир! — сказал гадалщик. — Дай мне сорок дней сроку, отпусти домой, потом я тебе скажу.

А сам думает: «Может быть, за сорок дней они еще кого-нибудь обворуют, и их кто-нибудь найдет? А может быть, за сорок дней и я что-нибудь придумаю».

Царь отпустил гадалщика домой. Тот дал жене сорок фиников и сказал:

— Я буду сидеть в комнате один и думать, как мне воров найти, а ты каждый день давай мне по финику, чтобы я дни считал. Приноси финики вечером, после вечернего намаза.

Наступило время вечернего намаза, жена принесла один финик и дала его гадалщику.

А воры уже пронюхали о том, что царь велел гадалщику разыскать их, и подслали одного из своих, чтобы тот подслушивал за стеной, о чем говорят у гадалщика в доме.

Когда жена принесла гадалщику финик и тот его съел, он сказал:

— Ну вот, один из сорока уже есть. — Мол, один день уже прошел.

Вор услышал это, тотчас вскочил на коня и помчался к своим товарищам. Сказал им:

— Только я пришел, как он сразу же говорит: «Вот, один из сорока уже есть». Надо вернуть украденное, не то царь нас погубит.

А их атаман говорит:

— Нет, быть этого не может. Завтра я сам пойду с тобой, послушаю, что этот гадалщик говорит.

На следующий день, когда настало время вечернего намаза, они вдвоем пришли и спрятались у задней стены дома, где жил

гадальщик. Тут как раз жена принесла ему финик, он и говорит:

— Вот уже и два из сорока тут.— Мол, уже два финика из сорока жена принесла.

Воры сразу испугались, вскочили на коней и поскакали к себе. Посовещались и решили:

— Отдадим мы ему все добро и попросим, чтобы не выдавал он нас царю, а то царь нас казнит.

Пришли к гадальщику, принесли все, что украли, и говорят:

— Мы не оставили себе ни одной монеты, все тут. Только не выдавай нас царю, сжалесь над нами.

— Мне до вас дела нет,— говорит гадальщик.— Царь просил только вернуть украденное. Идите и положите все обратно в казну.

Воры все, что украли, отнесли и положили обратно в казну.

Наутро гадальщик говорит царю:

— Пошли казначея, пусть посмотрит, что там у тебя в казне, есть что-нибудь или нет.

Царь послал казначея, тот посмотрел, видит: все деньги на месте, до последней монетки. Так и доложил царю, дескать, все награбленное вернули в казну.

Царь приказал позвать гадальщика. Гадальщик пришел к царю, царь его спрашивает:

— Ну, где же воры?

— Ты просил вернуть тебе украденное — тебе вернули, а воров ловить я тебе не обещал.

Царь остался доволен гадальщиком, велел ему прибавить жалованье. Стали ему платить по пятьдесят туманов в месяц.

И тут везир царя — будь он проклят! — стал завидовать гадальщику, что царь его так жалует.

Однажды везир сказал царю:

— Давай поедем на охоту и возьмем с собой гадальщика.— А сам думает: «Там на охоте я найду способ, как от него избавиться».

Позвали гадальщика, и все втроем отправились на охоту — царь, везир и гадальщик.

Шли они, шли, гадальщик немного отстал. Царь с везиром остановились, чтобы его подождать, и тут на луку седла к царю прыгнул кузнечик. Везир говорит царю:

— Поймай этого кузнечика!

Царь изловчился и поймал кузнечика, зажал его в ладони. Везир и говорит:

— Ты не отпускай кузнечика, пока гадальщик не придет.

Мы его проверим: если он отгадает, что у тебя в руке, значит, он настоящий гадалщик.

Гадалщик догнал их, и царь говорит ему:

— Гадалщик, ну-ка угадай, что у меня в руке!

А гадалщик думает: «В первый-то раз я ослу сам ноги связал, во второй раз говорил про финики, а воры подумали, что про них. Как же мне теперь быть? Признаться во всем? Дай,— думает,— признаюсь, да так, чтобы царя позабавить: может, не так разгневается». — И говорит:

— Раз кузнечик прыгнул, два кузнечик прыгнул, а на третий раз — попался!

Царь разжал руку, а там у него — кузнечик!

13. Плешивый пастух

Жил-был царь, у него была дочь. Однажды он объявил:

— Тому, кто расскажет мне три небылицы, да таких, чтобы в них не было ни капли правды, я отдам свою дочь в жены. А если в его небылицах я найду хоть крупицу правды, я его убью.

Много людей приходило к нему рассказывать небылицы, но он всегда находил в них какую-нибудь правду и велел этих людей казнить.

Жил в его царстве один плешивый пастух. Услышал он об этом и решил как-то: «Пойду-ка я к царю, расскажу ему три небылицы и возьму в жены его дочь».

Когда он объявил о своем намерении людям, те сказали ему:

— Эх ты, несчастный пастух! Пас бы ты лучше коров! Там царевичей и то убивают, а куда уж тебе!

— Не ваше дело,— сказал пастух.— С сегодняшнего дня я скот пасти не буду.

Взял пастух свой посох, бросил стадо и пошел домой. А у него была бабка, матери у него не было. Он говорит бабке:

— Бабушка, наготовь-ка мне припасов на дорогу, я пойду к царю, расскажу ему три небылицы и возьму себе в жены царскую дочь.

Бабушка ему говорит:

— Не ходи, внучек, не твое это дело. Там царевичей и то убивают, куда уж тебе!

Но пастух стал ее уговаривать и в конце концов уговорил. Наварила она ему припасов, пастух взял с собой эти припасы и пошел в царский дворец.

Поздоровался с царем, царь ему ответил, а потом сказал ве-
иру:

— Спроси-ка у этого плешака, кто его обидел. Может, его
кто-нибудь ударил? Он хочет на кого-нибудь пожаловаться?

А плешак отвечает:

— Нет, никто меня не обидел, никто меня не притеснял.
А слышал я, что царь обещал отдать свою дочь в жены тому,
кто расскажет ему три небылицы, да таких, чтобы в них не
было ни слова правды. Так это только царевичам можно или
всем?

Царь отвечает:

— Нет, пусть каждый, кто захочет, приходит и рассказы-
вает. Расскажет мне три небылицы, таких, чтобы в них не было
ни слова правды, я отдам ему свою дочь, пусть он будет хоть
пиццей. Так я сказал, так и будет!

Пастух говорит:

— О ты, кому поклоняется мир! Я расскажу тебе три небы-
лицы. Но в день я тебе буду рассказывать по одной небылице.
Три небылицы я тебе расскажу за три дня.

— Хорошо. Приходи завтра и рассказывай.

Плешак ушел, очень довольный тем, что царь разрешил
ему рассказывать небылицы.

Прошла ночь, настало утро. Плешак сказал своей бабушке:

— Свари мне немного похлебки. Я поем и пойду к царю.

Сварила она ему похлебки, он наелся так, что вспотел. На-
елся и пошел к царю во дворец.

Пришел, царь и говорит ему:

— Ну-ка, рассказывай свою небылицу.

Плешак начал рассказывать:

— О ты, кому поклоняется мир! Шел я как-то вместе со
своим другом. У меня был мешочек для сурьмы, а у него палоч-
ка, чтобы сурьмить глаза¹. Пришли мы к источнику и зарыли
их возле источника. Там сразу же выросли три финиковые
пальмы до самого неба. А вокруг были поля, люди на полях
работали. Я пошел, у одного попросил земли, пошел, у другого
попросил земли — никто не дает ни клочка. Смотрю я — а на
каждой из пальм три-четыре джериба земли. Я и сказал своему
другу: мол, давай пасти коров. Поднял я коров на деревья и
стал их пасти на деревьях.

Царь спрашивает:

— Как из сурьмы и палочки для бровей выросли пальмы?

— А я соврал.

— А откуда земля на деревьях?

— А я соврал.

— А как ты коров на деревья поднял?

— Да я все наврал, о царь. Завтра приду, еще одну небылицу расскажу.

Царь его отпустил. Плешак ушел очень довольный тем, что царь не нашел ни слова правды в его рассказе.

На следующий день утром плешак снова велел бабушке наварить себе похлебки — другого-то у них дома ничего не было.

Наварила она ему похлебки, он поел, остался очень доволен. Пошел к царю.

Пришел и продолжает рассказывать небылицу:

— Вот пасем мы с другом коров на деревьях, я смотрю — а люди вокруг едят дыни и арбузы. Ну, я и говорю своему другу: мол, у нас же есть свой огород, пойдем к себе на огород. Пошли и видим: на нашем огороде на деревьях выросли такие дыни — величиной с дом, такие арбузы — в три мана, в четыре мана весом. Нашли мы одну хорошую дыню, принесли к себе. А у меня есть нож; я ножом ударил по дыне, дыня раскололась, а нож весь в дыню ушел. Я стал свой нож в дыне искать, смотрю — а там улица, а рядом базар. Поискал я, а ножа нигде нет. Прошел еще одну улицу, еще один базар, вижу: идет караван, а мой нож навьючен на одного из верблюдов. Ну, я стащил нож, взял его и сюда пришел.

— Улицы и базар в дыне были? — спрашивает царь.

— Да.

— И весь город там был?

— Да, — говорит, — и весь город был.

— Ну и ну, — сказал царь. — Врешь ты, так быть не может!

— Конечно, вру, — говорит плешак. — Завтра приду, еще навру.

Отпустил его царь, плешак вернулся к себе домой. Настало утро, отыскал он нескольких простаков, велел им найти жернов и мельничный ящик для зерна², такой большой, чтобы в него пять-шесть манов зерна помещалось: дескать, я сегодня беру в жены дочь царя, он у меня такой выкуп потребовал. Четыре человека катят жернов, двое тащат мельничный ящик, а плешак идет себе впереди.

А царь в этот день говорит везиру:

— Сейчас придет плешак, будет опять рассказывать свои небылицы. Ищи в них правду, а то тебе не поздоровится!

Пришел плешак в царский дворец, прикатали за ним жернов, притащили мельничный ящик.

— Ну, — говорит царь, — плешак, говори свою ложь.

— О ты, кому поклоняется мир! — сказал плешак. — Я скажу, но тебе она не понравится!

— Ну, как бы там ни было — говори.

— Однажды, когда еще был жив твой отец,— начал плешак,— враги осадили твой город. Вот видишь этот мельничный ящик?

— Вижу,— ответил царь.

— Твой отец взял в долг у моего отца вот такой ящик драгоценностей и все истратил на свое войско. Это раз. А этот жернов ты видишь?

— Вижу,— говорит царь.

— Вот, твой отец занял у моего отца столько шелка, сколько весит этот жернов, чтобы сделать себе завязки на охотничьей шапке. Отдай мне драгоценности и шелк, а потом можешь казнить, если это правда. А если это ложь, отдай мне дочь.

Царь спрашивает:

— А откуда у твоего отца столько драгоценностей?

— А я наврал,— говорит плешак.

— Мельничный жернов,— говорит царь,— весом с один-два ослиных вьюка. Разве на завязки для шапки нужно столько шелка?

— А я вру,— говорит плешак.

Царь смотрит на везира, а тот говорит:

— Ты видишь, что все это ложь, и я вижу, что все это ложь, что я могу еще сказать?

И пришлось царю отдать свою дочь за плешака.

Пусть господь так же, как он исполнил желание плешака, исполнит желания всех мусульман.

14. И это пройдет

Было не было, жил один купец. Поехал он торговать, подъезжает к одному городу и видит: раба впрягли вместе с волем в упряжку, и они панут землю¹.

Купец пожалел раба и говорит:

— О раб, у меня много денег. Я заплачу деньги и выкуплю тебя из рабства.

А раб отвечает:

— Нет, купец, спасибо, не надо, и так все это пройдет. Один день пройдет, а за ним и другой — все пройдет. Видно, такова уж моя доля.

— Ну что ж, раз не хочешь — не надо,— сказал купец.

Купец продал в городе свои товары и отправился восвояси.

А теперь послушай, что стало дальше с рабом. Счастье улыбнулось ему, он освободился от рабства, перестал па-

хать землю в одной упряжке с волом. Так сложилась судьба его, что стал он везиром царя.

Прошло три-четыре года, тот купец снова приехал в этот город, продал свои товары и спрашивает у людей:

— Был тут один раб, на котором землю нахали, что с ним теперь?

А ему отвечают:

— Этот раб давно уже не раб, он везир у царя.

Купец подумал: «Хоть он и царский везир, пойду-ка я узнаю, как он живет». Пришел ко дворцу везира, постучал в ворота. Его спросили:

— Кто там?

Он ответил:

— Такой-то купец.

Доложили везиру, он говорит:

— Пусть войдет.

Открыли дверь, купец вошел, приветствовал везира, услышал его ответ.

— О везир! — сказал купец. — Да благословит тебя бог, вижу я, что ты хорошо живешь.

— Эх, — говорит везир, — господин купец, да ведь и это пройдет!

«Ну, — думает купец, — что это он? Что я ему ни говорю, он на все отвечает: „И это пройдет“».

В этот вечер везир принял купца как дорогого гостя: велел приготовить для него вкусные кушанья, оказал ему почести. Ночь они провели за беседой, наступило утро, купец распрощался с везиром, сказав ему:

— Бог да приумножит славу твою!

И купец отправился домой, а везир остался на своем месте.

Случилось так, что царь этого города умер и везир стал царем.

Прошло пять-шесть лет, купец снова приехал в тот город. Продал он свой товар и думает: «Навещу-ка я своего старого знакомого — везира». Стал он спрашивать о везире, а люди говорят:

— О, да он уже царем стал, он тебя и узнать не пожелает!

А купец думает: «Меня-то он узнает, даже если царем стал». Пошел он в царский дворец. Постучал в ворота. Спросили:

— Кто там?

Он сказал:

— Передайте царю: мол, такой-то купец хочет к нему пройти.

Царю доложили, и царь сказал:

— Пропустите его, пусть пройдет.

Купца пустили, он прошел к царю, приветствовал его и услышал ответ. Говорит царю:

— Да будет благословенным твое царствование!

— Будь и ты счастлив, — ответил царь.

— Как ты живешь? — спросил купец.

А тот отвечает:

— Я царствую, но и это пройдет.

«Ну вот, — думает купец. — Опять он то же самое говорит: „И это пройдет“!»

В этот вечер царь снова принял купца с почестями и уважением. Велел приготовить вкусные угощения: плов и всякие яства. Прошла ночь, а наутро купец распрощался с царем и отправился в путь.

Купец вернулся в свою страну, а царь тем временем заболел. Заболел царь и приказал, чтобы приволокли мраморную глыбу и на ней высекли: «И это пройдет».

— Когда я умру, — сказал царь, — пусть этот камень поставят в изголовье моей могилы.

Вскоре царь умер. Тело его обмыли, надели на него саван и похоронили. А в изголовье могилы поставили мраморную глыбу с надписью: «И это пройдет».

Через три-четыре года тот купец опять приехал в город торговать. Кончил он свои дела и решил: «Схожу-ка я навещу царя, ведь он мой старый знакомый».

А ему и говорят:

— Тот царь, что был твоим приятелем, умер.

Купец подумал: «Пойду-ка я на кладбище, разыщу его могилу, прочитаю над могилой несколько стихов из Корана, а потом уж поеду домой».

Пришел купец на кладбище, разыскал царскую могилу, видит: прекрасное надгробие, а на нем написано: «И это пройдет». Купец думает: «Ну, что рабство прошло — это правда. Был он везиром, и это прошло — тоже правда. Стал царем, и это прошло — тоже правда. Ну, а теперь-то он уже под землей, теперь-то что может пройти?».

Не понял купец, что это значит. Прочитал над могилой одну-две суры из Корана и ушел оттуда.

Ушел купец, отправился к себе домой. А на следующий год в той стране зимой был сильный снегопад, лавины сошли с гор. Весной пошли дожди, было сильное наводнение, и потоки воды затопили кладбище и унесли оттуда все камни; место, где было кладбище, стало плоским как ладонь.

Через два-три года купец опять приехал в тот город, и, закончив свои торговые дела, решил сходить на кладбище проведать могилу своего знакомого: схожу, мол, почитаю над ней Коран.

Пришел и видит: ни могилы, ни надгробного камня — все вода смыла, все ровно и пусто.

И тогда он понял, что прав был тот раб, ставший царем: время и камень не пощадит, и он не вечен.

И это тоже пройдет.

легенды

15. Варка и Гульшо

Жили когда-то в Мекке два брата. Одного звали Имом, а другого — Илол.

И вот однажды они отправились на охоту, а жены их остались дома. Каждая из них вот-вот должна была родить.

Договорились братья, когда были на охоте, что если у одного родится сын, а у другого дочь, то они отдадут их друг другу. Прошло какое-то время, вернулись они с охоты.

Пришел Илол домой, служанка вышла ему навстречу и говорит: мол, бог послал тебе дочь.

А когда Имом пришел домой, служанка говорит ему:

— Бог дал тебе сына.

Ну, и стали эти дети расти вместе; одна кормилица их вскармливала, лежали они в одной колыбели, и если одного из них забирали из колыбели, то другой начинал плакать. Потом подросли, пошли вместе в медресе, и там сразу все поняли: Варка любит Гульшо, а Гульшо любит Варку.

Слава о красоте Гульшо разнеслась по всему миру: дескать, у Илола есть дочь, с которой ни одна девушка в мире не может сравниться.

Прошло время, Варка и Гульшо выросли. Люди стали поговаривать: мол, пора уже Гульшо отдать замуж за Варку. Но когда эти разговоры дошли до ушей матери Гульшо — жены Илола, она заявила:

— Пока я не получу выкупа, я не отдам дочь замуж. Я отдам ее тому, кто принесет мне полный подол жемчуга и харвар золота.

А отца Варки — Имома к тому времени уже не было в живых: его убили в бою, когда Бени-Амр напал на Мекку и осадил ее.

Прослышали люди о том, что мать Гульшо требует выкуп с Варки, и говорят Илолу, отцу Гульшо:

Не слушай ты неумной женской болтовни,
Отдай Варке Гульшо: ведь влюблены они.

Но мать Гульшо твердо стоит на своем:

Я снова говорю: коль выкуп не возьму,
То дочь свою Гульшо я не отдам ему!

А Варка, услышав это, сказал так:

Нет у меня, чтоб выкупить Гульшо, добра!
Где взять мне столько золота и серебра?

Мол, отец мой убит, все добро мое разграблено, где мне взять золото и серебро на выкуп за Гульшо?

Так горюет Варка. И тут один человек пришел к нему и спросил:

— Эй, Варка, что ты горюешь, чего тебе не хватает?

Он отвечает:

— Как чего не хватает? Жена моего дяди требует у меня полный подол жемчуга и харвар золота за свою дочь!

Тогда тот человек говорит:

— В Йемене живет твой дядя — брат твоей матери. Его зовут Салимшо. Отправь кого-нибудь к нему с письмом, объясни, в чем дело, и он пришлет тебе все, что ты захочешь.

У Варки был слуга, преданный ему чернокожий раб. Варка написал письмо и дал его рабу, дескать, отнеси его в Йемен царю Салимшо. Раб отправился в путь, шел ночью и днем, пока не достиг города Йемена.

А как раз в это время некий царь по имени Малик-Антар пришел и осадил город Йемен. Воины Малик-Антара схватили того раба и отвели его к царю; царь Малик-Антар сделал его своим палачом. Он казнит тех людей Салимшо, которые попадают в плен к Малик-Антару.

А Варка ждет известий из Йемена.

Прошло три месяца, четыре месяца — а никаких известий нет.

— Вот,— говорят люди Варке,— раб твой ушел в Йемен и пропал без вести.

Тогда решил сам Варка пойти в Йемен к Салимшо, попросить его о помощи. Пришел он прощаться к Гульшо и говорит:

— Я пойду вслед за своим рабом, посмотрю, в чем дело, не случилось ли чего с моим дядей.

А Гульшо говорит:

— Куда ты пойдешь, как ты бросишь меня одну?
Варка ответил ей такими стихами:

Твоя не хочет мать, чтоб счастливы мы были,
Чтоб вместе были мы, друг друга чтоб любили.

— Пока жива будет твоя мать, мы будем далеко друг от друга, а сколько это будет длиться — один бог знает!

Пошел Варка, возложил украшенное драгоценными камнями седло на своего коня, ногу в стремя он продел, птицею в седло взлетел, повернулся к городу спиною, лицом к кибле — и поехал, о любви стихи слагая, ратный подвиг совершая. Едет и поет:

Нет, на небе не восходит счастья моего звезда,
Тот, чья доля так убога, не рождался никогда!
Счастья моего корабль, увы, в бескрайнем море скрылся.
Вдаль уплыл корабль счастья и домой не возвратился.

Прошел еще немного, и снова сердце его затосковало, и он сказал такие стихи:

Там, в пустыне, где растет мано-цветок ¹,
Шел Варка, словно отшельник, одинокий;
Шел Варка несчастный, плача и стеная,
О возлюбленной далекой вспоминая.

Шел, шел, шел и видит: шагает по пустыне караван со стороны Йемена. Поравнялся он с караваном, поздоровался с караванщиком и спрашивает его:

— Откуда ты идешь?

Тот отвечает:

— Я иду из города Йемена.

— Какие новости в Йемене, что там нового ты видел? — спрашивает Варка.

— Город Йемен окружен, — говорит караванщик. — Малик-Антар взял в плен царя Салимшо и сто его эмиров.

И тогда Варка пропел такие стихи:

Караван Варка увидел, что шагает по пустыне,
Караванщика спросил он: «Как дела в Йемене ныне?»
И сказал тут караванщик: «Что могу тебе ответить?
В той стране дела в упадке, трудно это не заметить.
Ведь царем Малик-Антаром город главный окружен,
Салимшо и сто эмиров взял Малик-Антар в плен».

Варка подумал: «Вот ведь как получилось! Я пошел просить своего дядю о помощи, чтобы взять потом в жены свою двоюродную сестру, а судьба вот как распорядилась!»

И с плачем обратился он к чертогу всевышнего:

Да, дела мои плохи — я от несчастий изнемог,
Превратился в жесткий терн надежды вянущий цветок!
Горе вновь меня постигло, зацепило край подола,
И теперь в такой рубахе мне уже не быть веселым.
Чем прогневал небеса я, в чем вина моя и грех?
Почему терпеть я должен притеснения от всех?

И еще добавил:

Боже, боже, почему все так неладно происходит?
Что задумаю я правым — левым под конец выходит!

И поехал Варка дальше; ехал, ехал, и, когда приблизился к городу, уже наступил вечер; битва уже кончилась. Заехал он сначала к кузнецу и попросил, чтобы тот подковал его коня задом наперед, чтобы никто не мог его выследить. Под покровом ночи подъехал он к самым воротам — ворота закрыты. Сошел с коня, постучал в ворота. Привратник спросил:

— Кто там?

И тут Варка пропел такие стихи:

Ну-ка, стражник, мблодцу ворота ты открой!
Распахни ворота, я ведь не чужой,
Я не посторонний здесь, не гость, не странник,
Я зовусь Варка, я — Салимшо племянник.

Так он сказал. Привратник пошел к везиру, что правил в городе вместо Салимшо, и сказал ему: мол, пришел какой-то юноша и говорит то-то и то-то. А везир говорит:

— Открой ему ворота, это Варка, племянник Салимшо.

Открыли ворота, пустили Варку, снова закрыли ворота. И началось веселье в честь Варки — до утра звучала музыка, гремели барабаны, звенели карнаи.

А Малик-Антар услышал эти звуки и думает: «Наутро они собираются сдаться, вот и веселятся в последнюю ночь. Думают: мол, все равно наш царь в плену, как нам дальше воевать? А сдадимся — и мы вздохнем спокойно, и Малик-Антар».

Ну, а в городе везир Салимшо говорит Варке:

— Теперь на тебя вся надежда, ты должен нам помочь.

А Варка отвечает ему:

Разобью я это войско в прах,
Чтобы слух о том остался жить в веках!

И так он рвался в бой, что везир был вынужден сказать ему:

О Варка, сияющий цветок,
Потерпи, ведь завтра будет срок.

Ну вот наступило утро, Варка положил на коня украшенное драгоценными камнями седло. Открыли городские ворота, он выехал на ристалище, объехал его на полном скаку и остановился. А Малик-Антар увидел его и пришел в ужас: мол, откуда же у Салимшо такой витязь, почему мы его раньше не видели?

Он спросил своего везира:

— Кто это?

И тот ответил ему так:

Этот юноша из Мекки, чья в бою тверда рука,—
Салимшо племянник славный, а зовут его Варка.

Это, мол, Варка, племянник Салимшо, а имя его всем уже хорошо известно.

У Малик-Антара было два богатыря, он подозвал одного из них и приказал ему сразиться с Варкой.

И сказал богатырю Малик-Антар:
«Нанеси пришельцу роковой удар».
Только вышел богатырь на поле брани —
В темя наш Варка его с размаху ранил,
Тело, что господь наш сотворил единым,
На скаку распалось на две половины.

И тогда Малик-Антар сказал другому богатырю:

— Теперь иди ты.

Тот выехал на ристалище. Варка тотчас нанес и ему смертельный удар.

Он врага клинком ударить поспешил,
Кубок смерти тот немедля осушил,
Тело, что господь наш сотворил единым,
На скаку распалось на две половины.

И, взяв в руки меч, до позднего вечера сражался Варка; двести, триста человек он отправил в ад. Тут барабаны забили отбой, Варка вернулся в город.

Стал Малик-Антар совещаться со своим везиром. Везир говорит ему:

— Пока ты не повесишь Салимшо и сто его эмиров, Варка не оставит тебя в покое. А когда ты их казнишь — ему уже незачем будет сражаться: он ведь воюет из-за Салимшо.

Малик-Антар велел тотчас построить виселицы. К утру построили виселицы, а соглядатай из города, который ночь провел в стане Малик-Антара, вернулся еще до наступления утра и рассказал, что, как только наступит утро, Салимшо и сто его эмиров примут смерть на виселице. Варка, узнав об этом, собрал отряд в сто всадников, чтобы с этим отрядом пробраться прямо к виселице и освободить Салимшо.

Забрезжил рассвет, и царя Салимшо и сто его эмиров повели на виселицу. А тем временем Варка и сто его всадников выехали из города и помчались к виселице. Скачет Варка и видит: перед ним сам Малик-Антар. Варка бросил аркан, схватил Малик-Антара и ускакал вместе со своим отрядом в город.

В стане Малик-Антара начался переполох: что теперь делать? Ведь если Варка узнает, что казнили Салимшо, он тотчас убьет Малик-Антара.

И тогда решил везир Малик-Антара пойти на хитрость. Написал он письмо везиру царя Салимшо в город Йемен: дескать, мы больше воевать с вами не будем, вы только отдайте нам нашего царя, а мы вам отдадим вашего. А после этого мы отсюда уйдем. Но только, когда отправите нам нашего царя, не посылайте вместе с ним того юношу, что его пленил, а пошлите кого-нибудь другого.

Гонец принес письмо везиру, а везир дал его прочитать Варке. Варка говорит:

— Ладно, отдадим им Малик-Антара.

Сам снял свою одежду, переделся погонщиком верблюдов, а под войлочной накидкой спрятал меч. И пошел вместе с Малик-Антаром. Вышли они из города, пришли в стан врага. Тут привели Салимшо. Малик-Антар ушел к своим, а Салимшо не пускают, не дают ему уйти с Варкой: решили обмануть Варку.

Тогда Варка выхватил меч, убил тех, кто сторожил Салимшо, и еще нескольких, так или иначе — увел Салимшо отсюда и привел его в город. Ну а в городе они устроили пир — всю ночь до утра пировали, веселились, пили вино и все, что было в те времена.

Теперь враги стали думать: «Как же нам поймать Варку?»

Пока, мол, его не поймаем, нам с войском Салимшо не справиться». Ночью вырыли они сорок один колодец, всю землю оттуда унесли. Колодцы сверху закрыли хворостом, землей присыпали так, чтобы ничего не было видно. Утром барабаны забили начало битвы. Варка выехал на своем коне на поле боя, остановился, стал вызывать врага на поединок. Сколько ни звал — никто ему не ответил. Стал хлестать коня — конь храпит и не идет. И тут Варка понял, в чем дело, и крикнул:

— Сорок!

Конь помчался и один за другим перескочил через сорок колодцев, а в сорок первый упал.

Пришел тут Малик-Антар со своим везиром, стал глумиться над Варкой:

— Что это с тобой, как же это тебя угораздило?

А Варка говорит ему:

— Ты очень коварен, Малик-Антар!

И сложил такие стихи:

О Малик-Антар, ты хоть и царь, и воин,
Клички хитреца коварного достоин,
Знал ты, как найти в сухом колодце воду,
Рыбу выловить сумел себе в угоду.

Приказал Малик-Антар вытащить Варку из колодца. Связали Варке руки и отдали кровожадному палачу. Малик-Антар сказал палачу:

— Отруби ему голову и принеси его крови! Пока я не выпью его крови, я не успокоюсь.

Малик-Антар на радостях пошел к себе в шатер и выпил столько вина — целый кувшин, — что впал в беспамятство, лежит без чувств.

А палач ведет Варку на казнь, сам идет сзади, а Варку ведет перед собой. Вспомнил Варка о Гульшо и тяжело вздохнул.

А палач говорит:

— Что же ты вздыхаешь? Вон сколько людей ты убил — не пожалел, а себя жалеешь! Для богатыря вздыхать — грех!

А Варка отвечает ему:

Бога ради, обнажи скорей кинжал
И убей, чтобы я больше не страдал!

— Вытаскивай, — говорит, — свой кинжал и убивай меня скорее, чтобы я наконец успокоился.

Палач спрашивает:

— Как твое имя, откуда ты?

— Что ты спрашиваешь меня о моем имени? — говорит Варка. — Делай свое дело.

— Нет, скажи мне все-таки свое имя.

Варка ответил ему:

Зовут меня Варка, я сын Имома,
Я чужестранец здесь, а в Мекке — дома.
В ту, чьи уста как мед, как сахар, я влюблен,
Я красотой Гульшо навеки опьянен.

А палач отвечает ему:

А знаешь ли, Варка, как все меня зовут?
Откуда я, как оказался тут?
Я раб твой чернокожий, о герой!
И мне тебя спасти назначено судьбой.

Развязал он Варке руки, упал перед ним ниц и говорит:

— Я твой раб, сейчас я принесу тебе голову Малик-Антара.

Варка отвечает ему:

— Нет, я пойду сам.

Пошел в шатер к Малик-Антару, видит: тот лежит без чувств. Варка отрубил ему голову, изрубил его в мелкие куски. А потом вместе с рабом направился в город. Открыли им ворота, впустили в город и, как только услышали радостную весть о том, что Малик-Антар убит, забили в барабаны, зажгли все огни и предались веселью.

Везир Малик-Антара услышал радостные клики и барабанный бой, доносящиеся из города, и подумал: «Что такое, почему они веселятся? Ведь Варку взяли в плен и казнили, чему же им радоваться? Схожу-ка я к Малик-Антару, посоветуюсь с ним!».

Пришел в шатер Малик-Антара, видит: его изрубили на мелкие кусочки. И тогда отдал он приказ войску тотчас уйти отсюда, дескать, все равно Варка нас в покое не оставит, ни одного в живых не сохранит.

И войско Малик-Антара сняло осаду города и разбежалось в разные стороны.

А теперь послушай несколько слов о Гульшо. Слух о красоте Гульшо прокатился по всему миру. И о том, что мать назначила за нее выкуп — один подол жемчуга и один харвар золота.

Некий царь по имени Малик-Мухсин услышал об этом, нагрузил всяким добром двадцать верблюдов и прибыл с этим караваном в Мекку. И стал там раздавать народу хлеб и милостыню,

Прошло так некоторое время, наконец он решился, пошел к отцу Гульшо и сказал:

— Я дам тебе все, что хочешь из моих богатств, только отдай мне Гульшо.

Мать Гульшо услышала об этом и говорит Илолу:

— Отдай дочь Малик-Мухсину. Что может дать нам Варка? Ничего! А этот царь дает все, что ты только пожелаешь.

Не лежала к этому душа Илола, но она уговаривала его, уговаривала и в конце концов уговорила. Заключили брачный договор, Малик-Мухсин посадил Гульшо в каджова и увез ее оттуда. Привез Гульшо к себе во дворец и приставил к ней нескольких служанок.

А Гульшо сказала ему:

— Я стану твоей женой только через сорок дней, если в эти сорок дней не будет никаких вестей от моего двоюродного брата. Но если ты до этого придешь ко мне, я убью либо тебя, либо себя.

Ну ладно, пусть Гульшо побудет здесь, а вы послушайте несколько слов о Варке. Кончилась война с Малик-Антаром; пробыл Варка несколько дней у своего дяди, рассказал ему, что нет у него добра на выкуп за Гульшо. Дескать, дядя мой — Илол — потребовал подол жемчуга, харвар золота и еще столько-то денег на выкуп.

Салимшо дал ему все, что было нужно. Варка погрузил деньги и драгоценности на десять мулов и отправился в путь вместе со своим чернокожим рабом. Шел, шел, днем здесь, ночью там, а тем временем до Мекки дошел слух о том, что Варка возвращается. Илол и говорит своей жене:

— Что теперь ты будешь делать? Ведь идет Варка, а Гульшо вы отдали Малик-Мухсину.

Она ему отвечает:

— Что делать? Убей серую козу², заверни ее в саван, похорони, скажи всем, что Гульшо умерла, одень город в траур.

Когда Варка с караваном был уже недалеко от города, он сказал своему рабу.

— Ты иди с караваном, а я пойду вперед.

Пришел, увидел, что город в трауре, и спрашивает:

— В чем дело?

А люди говорят:

— Вот Гульшо умерла.

А того-то я и не сказал, что у Гульшо была подружка. Когда Гульшо увозил к себе Малик-Мухсин, она дала своей подружке перстень и сказала:

— Если придет Варка и будет много плакать, скажи, что Гульшо забрал и увез такой-то царь — Малик-Мухсин. И отдай ему этот перстень. Но если ты увидишь, что он ничего не говорит, ты тоже ничего не говори.

Как только Варка услышал, что Гульшо умерла, отдал кому-то своего коня и пошел прямо на кладбище, на могилу Гульшо. Лежит на могиле и плачет — день и ночь. И так он плакал, пока не вошел в город его чернокожий раб вместе с караваном. Пришел чернокожий раб и видит, что весь город в трауре. Спросил, в чем дело, ему говорят: дескать, Гульшо умерла. Он спрашивает, где Варка, а ему отвечают:

— Варка лежит на могиле Гульшо.

Раб пошел на кладбище, видит — действительно Варка там. Спрашивает:

— Господин, что мне делать с добром?

— Отдай его дяде, что мне с ним делать, — говорит Варка. Тот так и сделал.

А подружка Гульшо прослышала, что Варка день-деньской лежит на той могиле и плачет. Накинула она на голову покрывало и пошла. Увидел ее Варка и спрашивает:

— Зачем ты пришла сюда?

А та показала ему перстень Гульшо и говорит:

— Я подруга твоей Гульшо, это ее перстень. Она велела тебе передать, что ее увез к себе Малик-Мухсин. А ты не убивайся понапрасну здесь на могиле, здесь козу похоронили. Если не веришь — раскопай могилу, сам увидишь.

Варка тотчас раскопал могилу, смотрит: и вправду серая коза, завернутая в саван. Вытащил козу, отнес ее своему дяде и говорит:

— Зачем ты это сделал? Разве я не вырос вместе с твоей дочерью? Разве не обещал ты моему отцу, что отдашь ее за меня? Ну, отдал за другого, ладно, но зачем ты солгал, одел весь город в траур и закопал в могилу козу, сказав, что Гульшо умерла? Зачем тебе это понадобилось?

— Что я мог поделать с этой женщиной, с ее матерью! — воскликнул Илол.

Варка пробыл в городе еще несколько дней, а потом сел на своего коня, решив: «Поеду-ка я хоть раз на нее взгляну — а там — будь что будет!»

Отпустил он на свободу своего чернокожего раба, возложил на коня седло, украшенное драгоценностями, ногу в стремя он

продел, птицею в седло взлетел и пустился в дальний путь, о любви стихи слагая, подвиг ратный совершая.

Несколько суток гнал он коня, пока не достиг горы, что стояла возле города, где правил Малик-Мухсин. На этой горе жили сорок разбойников, и Малик-Мухсин не знал, как ему от них избавиться — такие это были лихие разбойники.

Караульный этих разбойников, что стоял на вершине горы, увидел, что едет всадник, и послал одного из разбойников: дескать, убей этого человека, приведи его коня и принеси меч.

Тот разбойник пошел навстречу Варке и, увидев его, сказал:

— Юноша, жаль мне твоей молодости! Оставь своего коня, оставь свой меч и уходи отсюда!

Услышал это Варка и говорит:

— Тот, кто возьмет мое оружие и меч, еще не рожден матерью!

Тогда разбойник стал стрелять в него из лука, и несколько стрел попало в Варку, но Варка хлестнул коня, подъехал к разбойнику и убил его ударом меча.

Убил он его, но тут появился другой и снова стал в него стрелять; и его убил Варка. И так убил он одного за другим всех сорок разбойников, но и сам был весь изранен стрелами.

Направился он дальше к городу, изнемогая от ран. Попалась ему на пути лужайка с родником. И не было у него уже сил сойти с коня, и стал он горячо молиться:

— О Госноди, о боже, дай мне силы, чтобы пойти и еще раз увидеть Гульшо; а потом я вернусь на эту лужайку, и пусть Азраил заберет мою душу!

Так он молился, и конь его опустился на колени, а Варка в изнеможении упал с коня. И лежит на лужайке без чувств.

Пусть он там себе лежит, а ты послушай несколько слов о Малик-Мухсине.

Малик-Мухсин утром пришел к Гульшо и говорит:

— Сегодня я отправляюсь на охоту для тебя. Что ни поймаю — все тебе на счастье.

Поехал на охоту, ездил-ездил, нигде ничего не нашел, пока не набрел наконец-то на лужайку. Видит — стоит конь, рядом лежит красивый юноша, израненный стрелами. Малик-Мухсин подошел, сел рядом с Варкой, положил его голову себе на колени.

Варка открыл глаза, и Малик-Мухсин спросил его:

— Кто ты, юноша, и чем ты занимаешься?

Варка отвечает:

— Я — купец; караван ушел вперед, а я шел по его следу.

Пришел на гору — а там было сорок разбойников. Я их всех убил, но и сам ранен их стрелами.

Малик-Мухсин подумал про себя: «Не купеческое это дело убивать разбойников. Я в этом городе царь и то не мог с ними справиться, как же купец сможет? Ну ладно, как есть, пусть так и будет».

Малик-Мухсин взял с собой Варку и отвез его в город к лекарю. И оставил там. А потом пришел к Гульшо и говорит:

— Гульшо! Сегодня я отправился на охоту — попытать удачи для тебя. Где ни ходил — ничего не нашел. Но на одной лужайке я увидел юношу. Этот юноша лежал, израненный стрелами сорока разбойников. А самих разбойников он убил. И так он похож на тебя! Ты и он — словно две половинки яблока: одна половинка — ты, другая — он. Клянусь сунной великого господина, он похож на тебя, о солнце Востока!

Услышала это Гульшо, принялась плакать и сказала:

— Никто не может быть на меня похож, кроме Варки — сына моего дяди. А ты хромого пастуха в пустыне увидишь — и то скажешь, что на меня похож!

Малик-Мухсин опять говорит ей:

— Клянусь, похож на тебя, но сильно изранен. Я отвез его к лекарю и велел его лечить как следует.

А Гульшо говорит:

— Нет, пусть он живет у нас во дворце. Я сама буду готовить обед и посылать ему со служанкой. Он чужестранец, и его надо пожалеть — так богу угодно. Ведь сын моего дяди — Варка — сейчас тоже в чужой стране, пусть бог его пожалует.

Малик-Мухсин был царь справедливый и милостивый. Он ответил.

— Очень хорошо.

Велел привести Варку и лекаря и поселил их обоих во дворе, выше покоев Гульшо. И сказал лекарю:

— Заботься о раненом; а когда он поправится, я дам тебе все, что ты только захочешь.

И вот Гульшо варит еду и посылает ее Варке со словами:

— Пусть ест вдоволь, а что останется — принеси, я доем.

Ну, и так продолжалось, пока Варка не почувствовал себя лучше. Понял он тогда, что обед ему готовит и посылает Гульшо. И однажды, когда служанка принесла обед, он сказал ей:

— Служанка, я скажу тебе что-то, но смотри не говори никому!

— Что ты хочешь сказать? — спрашивает служанка.

— Возьми этот перстень и отнеси своей госпоже, — отвечает Варка.

Только он это сказал, как служанка подняла крик.

А он говорит:

— Не кричи, я дам тебе все, что захочешь, только не кричи так!

С трудом ее успокоил. Спрашивает ее:

— Как поживает твоя госпожа?

— Госпожа,— отвечает служанка,— доедает за тобой объедки, а ты о ней так плохо думаешь.

Ну, Варка промолчал. Поел, а когда служанка отвернулась, опустил перстень в остатки плова — так, что его и не видно. Служанка взяла остатки и унесла к Гульшо. Гульшо стала есть, видит: ее перстень, тот, что она оставляла для Варки, ее собственный перстень! Надела покрывало на голову и сказала:

— Малик-Мухсин! Этот юноша, что живет у нас,— Варка, сын моего дяди. Разреши мне пойти к нему.

— Ладно, иди,— говорит Малик-Мухсин.

Пришла она к Варке, обнялись они и заплакали; плачут и говорят друг с другом — никак не могут наговориться.

Малик-Мухсин несколько раз заглядывал с крыши, смотрит: ничего такого между ними нет. Варка говорит ей, где был, что делал, как воевал, как упал в колодец. А Гульшо рассказывает, как пришел Малик-Мухсин, как он месяц-два совершал богоугодные поступки, раздавал милостыню, пока решил наконец посвататься. Как отец ее дал ответ, заключили брачный договор, как взял ее Малик-Мухсин и привел сюда. А когда наступил вечер, они легли спать и положили между собой меч³. Как увидел это Малик-Мухсин — ушел оттуда и больше не приходил смотреть.

Прошло так несколько дней; днем они беседуют, а ночью, когда ложатся спать, кладут между собой меч. Наконец Варка говорит:

— Прощай, Гульшо, теперь я пойду своей дорогой.

Она спрашивает его:

— Куда ты пойдешь? Малик-Мухсин — хороший человек. Если ты пойдешь к нему, он отдаст меня тебе.

А Варка отвечает:

— Нет, ведь он — раб божий — не силой тебя взял, он заплатил выкуп; твои родители согласились отдать тебя ему. Он ни в чем не повинен, я на него не в обиде. А я ел у него соль, я не могу причинить ему зло.

Варка пошел к Малик-Мухсину, учтиво приветствовал его, услышал ответ и сказал:

— О Малик-Мухсин, благодарю тебя за все, что ты для

меня сделал. А теперь позволь мне распрощаться с тобой, я уйду.

Малик-Мухсин ответил ему:

— Куда ты пойдешь, дитя мое? Считаю, что ты мой сын, что я заплатил твой выкуп за Гульшо. А я разведусь с ней и отдам тебе, мы заключим брак между вами. Ведь я не входил к ней, она мне не принадлежала; с тех пор как она здесь, она живет одна в своих покоях.

— Нет,— говорит Варка,— господь дал ее тебе, мне она не нужна.

Как ни уговаривал Малик-Мухсин Варку — тот не согласился. Тогда дал Малик-Мухсин Варке одного раба, и Варка вместе с этим рабом отправился к тому роднику, на ту лужайку, где его нашел Малик-Мухсин. Пришел туда, совершил омовение родниковой водой, прочел два раката молитвы и сказал рабу:

— Пойди к Гульшо и скажи ей: «Варка дарит тебе свою жизнь». — Склонил голову и покинул этот мир.

Раб пришел к Гульшо и говорит:

— Варка, сын твоего дяди, подарил тебе свою жизнь.

— Где он? — спросила Гульшо.

— Возле какого-то источника.

Гульшо накинула покрывало, спрятала под покрывало кинжал и, взяв с собой служанку, пошла к тому источнику. Пришла и увидела: действительно, сын ее дяди, повернувшись лицом к кибле, вручил душу богу. И тогда она вынула кинжал, поставила его рукояткой на живот Варки и бросилась на острие кинжала. И тотчас скончалась.

Вскоре узнал Малик-Мухсин о том, что возле такого-то источника Варка вручил свою душу богу и Гульшо направилась туда же. Простоволосый, босой, отправился туда и Малик-Мухсин. Пришел и увидел: все кончено, Варка мертв, а Гульшо убила себя, бросившись на острие кинжала.

Принесли их тела в город, обмыли, завернули в саваны и похоронили в одной могиле. На могиле поставили надгробие. А Малик-Мухсин ушел с престола и стал нищим и жил возле той могилы.

И вот, говорят, однажды пророк Мухаммед вместе со своими сподвижниками проезжал мимо могилы Варки и Гульшо. Навстречу им вышел Малик-Мухсин — у него к тому времени уже выросла длинная седая борода. Пригласил он пророка и его спутников отдохнуть, принес им пищу.

И тогда пророк спросил:

— О Малик-Мухсин, почему ты здесь, что нашел ты в этой пустыне?

— Да стану я твоей жертвой,— отвечает Малик-Мухсин,— я совершил тяжкие грехи и нет им искупления.

— Что ты сделал? — спросил пророк Мухаммед.

— Я сделал несчастными двух влюбленных,— ответил Малик-Мухсин.

— Твоей вины нет в том, что они покинули этот мир,— столько им было отмерено жить, не больше,— говорит пророк.— Но если каждый здесь отдаст им по куску своей жизни — один, два, три месяца, полгода, год, то я припаду к престолу господя, может быть, господь воскресит их!

И тогда один сказал: мол, я дам один год, а другой сказал: я дам два года — и так набралось сорок лет. Пророк стал молиться богу, и когда его сподвижники сказали «Аминь!», тогда оба — Варка и Гульшо — восстали из могилы. И заключил пророк своим благочестивым словом между ними брачный договор, отдал их друг другу.

Пусть же господь так же, как он исполнил их желания, исполнит желания всех мусульман.

Так рассказывают, а кто видел?

16. Наджма

В один прекрасный день Мир Наджмадин, предводитель курдов¹, погрузил в Ширазе товары и отправился с караваном в Лар. Пришел он в Лар, разгрузил своих верблюдов и устроился там на ночлег, а на следующий день утром говорит своему сыну Наджме, который был вместе с ним:

— Наджма, пойдика на базар, купи товаров, чтобы отвезти в Шираз.

Наджма пошел на базар вместе с одним из рабов. Пошел на базар, ходит туда-сюда, смотрит — стоит медресе. Подошел он к дверям, заглянул в щелочку и увидел, что среди учеников сидит девушка. Девушка, каких нигде не сыщешь, девушка, каких одна на тыщи: легкость ветерка в изящном стане, взгляд — как будто у китайской лани; как фисташка, губы чуть раскрыты, кудри шелковые кольцами завиты, сто красот у ней и тысяча достоинств. Стоит шаг ступить ей — все в восторге перед нею тотчас замирает, лишь на мир посмотрит — он немедля за себя стыдиться начинает. Не одним сердцем, но тысячью сердец влюбился в нее Наджма и с самого утра до вечернего намаза простоял под дверью. А когда наступила пора вечернего намаза, Наджма вернулся к своему отцу. Они поужинали, и Мир Наджмадин спросил у сына:

— Сын мой, почему ты не купил товаров?

Тот ответил:

— Отец, все, что есть в Ларе, есть и в Ширазе.

А отец говорит ему:

— Сынок, но ведь здесь эти товары дешевы, а там дороги, мы можем здесь купить дешево, отвезти туда и продать их там за хорошую цену.

Наджма отвечает:

— Ну ладно, завтра я пойду и куплю все, что ты прикажешь.

Прошла ночь, а наутро Наджма снова взял с собой раба, сто туманов денег, пошел на базар, походил по базару туда-сюда — и снова пришел к тому же медресе. И снова до вечернего намаза созерцал красоту девушки. А когда настала пора вечернего намаза, он опять пришел к отцу с пустыми руками. Отец увидел, что и сегодня Наджма вернулся с пустыми руками, и говорит:

— Наджма, сынок, где же твои товары?

А Наджма отвечает:

— Отец, сегодня я тоже ничего не купил.

Тогда отец спрашивает:

— А где же ты был?

— Да так, нигде, — отвечает Наджма.

Отец взял кнут, вытянул кнутом раба, что ходил вместе с Наджмой на базар, и говорит ему:

— Ну-ка, говори, куда он каждый день ходит, почему не покупает товары?

А раб говорит:

— Господин, за что ты бьешь меня? На базаре есть медресе, твой сын каждый день ходит и простаивает у двери с утра до вечера, заглядывает в класс через щелку, так что шею себе чуть не свернул.

Мир Наджмаддин говорит тогда Наджме:

— Сынок, ты столько учился, и все тебе мало?

Тот отвечает:

— Отец, тут другим наукам учат, отдай меня тут в школу, я хочу здесь поучиться.

— Очень хорошо, завтра я тебя отдам в школу, — ответил отец.

Прошла ночь, наступило утро. Мир Наджмаддин взял своего сына Наджму и отвел его к мулле. Сказал мулле:

— Вот мой сын, учи его, ладно? Но только так учи, чтобы он тебя в науках превзошел!

Ну и дал мулле сто туманов. Потом нашел старушку, чтоб

ухаживала за Наджмой — стирала ему одежду, варила еду, дал этой старушке денег и сказал:

— Не обижай Наджму, смотри за ним как следует.

И Наджма остался в Ларе, а Наджмаддин закончил свои торговые дела и отправился из Лара в Шираз.

Теперь оставь его и немного послушай о Наджме.

Наджма начал учиться в медресе. Сегодня сидит рядом с одним мальчиком, завтра — рядом с другим, и так мало-помалу оказался рядом с той девушкой, в которую был влюблен. Сидит с ней рядом так, что коленями они касаются друг друга.

А мулле сказал:

— Я отстал от других, а эта девочка мне хорошо помогает, объясняет мне уроки.

И вот ведь, брат мой, до чего дошло: когда все дети расходились из медресе по домам, старуха приносила Наджме в медресе еду, а девушке тоже приносили еду с царской кухни — ведь она была царская дочь. Они ставили все, что им принесли, между собой, и он клал кусочки в рот девушке, а девушка клала кусочки в рот юноше. Поедят они и начинают играть, резвиться на подушках. А когда наступала пора разойтись по домам, Наджма целовал девушке руки, а она ему — ноги.

Но любовь их была целомудренной и чистой.

Вот так все и было, пока один плешак — будь он проклят! — не подглядел за ними и не увидел, как они ласковы друг с другом. Увидел он, как принесли ужин с царской кухни и они поставили его между собой и как Наджма стал класть куски в рот девушке, а она — в рот Наджме. А потом, когда поели, резвятся, играют друг с другом, возятся, катаются клубком от одной стены комнаты к другой. А потом Наджма целует руки девушке, а девушка целует Наджме ноги — и они расстаются.

Увидел это плешак, пошел и сказал мулле:

— Мулла, не сегодня-завтра дело дойдет до того, что тебе уши обрежут — Наджма завел пашни с царской дочерью.

Услышал эти слова мулла, ударил плешака по лицу и говорит:

— Эй ты, поганый плешак, таких мерзостей, как сегодня, чтобы я от тебя не слышал — иначе тебе несдобровать!

А плешак отвечает ему:

— Ну ладно, сегодня ты меня ударил по лицу, посмотрим, чем завтра дело кончится.

Прошло дней десять-пятнадцать, и вот однажды сам мулла решил проверить слова плешака: а вдруг тот говорит правду, что тогда делать?

Спрятался в укромном месте и увидел, что действительно,

когда принесли еду, юноша и девушка поставили ее между собою. Девушка стала класть куски в рот Наджме, Наджма кладет куски в рот девушке; потом играют друг с другом, чуть не в клубок свиваются, как змеи, катаются по комнате от одной стены до другой.

Увидел это мулла, пошел к себе домой и думает: «Что же делать?» Сел и написал Наджме письмо от имени отца: дескать, если ты даже держишь в руках чашу с водой — немедленно поставь ее, приезжай скорее, я тяжело болен. Приезжай во что бы то ни стало, чтобы не вышло так, что встретимся мы с тобою только в судный день.

Написал письмо, пошел к резчику, что изготавливает печати, заказал у него печать с подписью Мир Наджмаддина, поставил эту печать на конверте, спрятал конверт за пазухой и на следующее утро явился в школу. Начался урок, полчаса или около того дети провели за уроками, а потом мулла сказал:

— Дети, помолчите немного, тут для Наджмы пришло письмо.

Мулла вытащил из-за пазухи письмо и дал его Наджме. Наджма вскрыл конверт, вытащил письмо и начал читать, и у него полились слезы.

И Наджма решил отправиться в Шираз.

Кончился урок, и, перед тем как уйти, Наджма взял калам и написал свое имя на дверях медресе. И сказал такие стихи — послушай-ка, что он говорит:

На дверях вот этого покоя
Я оставил завещание такое:
«Если спросят, где он, вы скажите:
Он решил покинуть зло мирское».

Был в Ларе один караванщик, что собирался отправляться в сторону Шираза. Наджма пришел к нему вместе с девушкой и спросит:

- Когда ты отправляешься в путь?
- Сегодня, — ответил тот.
- И тогда Наджма сказал так, обращаясь к девушке:

О звезда, о яркая комета!
Дай дождаться мне дневного света!
Караванщик, задержись хоть на ночь,
Подожди хотя бы до рассвета!

Девушка сказала:

— Что поделаешь, будь что будет!
И сложила такие стихи:

На субботу в ночь мой милый в путь спешит,
Будто мраком вечным этот мир покрыт.
Караванщик, сжался, не спеши уйти,
Не тревожь любимого, ведь он так сладко спит!

А Наджда говорит в ответ:

Как глаза мои от жгучих слез горят!
Как от скорби по тебе они болят!
Дай платок мне, им глаза я повяжу,
Может, их платка излечит аромат.

Так или этак, уговорили они караванщика, чтобы он отложил свой отъезд на следующий день. В полдень Наджда собрался и стал прощаться с возлюбленной.

В полдень наш Наджда верблюдов нагрузил,
На подругу посмотрев, лишился сил.
Опьяненные глаза струили слезы,
Ими он платок атласный оросил.

Девушка сказала:

В полдень от меня уходит милый,
Без него мне жить не хватит силы.
Как стерплю я горькую разлуку?
Как мне справиться с судьбой моей унылой?

Наджда отвечал девушке:

Ах, кто подобно мне без памяти влюблен,
Тот словно бы клинком булатным в грудь пронзен,
Клинком булатным с рукояткою жемчужной.
Но тише! Ночь услышит скорбный стон!
Ах, кто подобно мне без памяти влюблен,
Как амулет, любви примету носит он.
Вот что сказал страдающий влюбленный:
«Тот, словно раб, навеки заклеюмен».

И снова заговорила девушка:

Принеси Коран мне: я узнать готова,
Что хорошего сулит он, что плохого.
Пусть врагом мне станет божье слово,
Если я возьму возлюбленным другого.
Если я нарушу договор с тобой,
Пусть неведом будет мне тогда покой.
Пусть врагом мне станет божье слово,
Если станет мне возлюбленным другой.

А ревнивый Наджда ответил ей:

Что за дело мне, что перстень ты надела?
В сердце сто других — а мне-то что за дело?
Грудь твоя — как будто два граната.
Что за дело мне до тех гранатов спелых?

А девушка ответила ему:

Перстень на руку надела — это только для тебя,
Сто вздыхателей несмелых — сердце только для тебя,
Знаю, грудь моя подобна двум гранатам сочным,
Но гранаты эти спелы не для них, а для тебя, спелым,

И еще она сказала:

Дважды на одном пути я взываю: горе, горе!
Мой возлюбленный уходит, я страдаю. Горе, горе!
Я шатер снимаю свой, я обрезала веревки,
Я летовку покидаю, горе мне, о горе, горе!

Они обменялись перстнями, девушка осталась, а Наджда отправился в путь к Ширазу.

Несколько суток караван шел, и вот однажды они остановились на привал. Возле дороги был источник. Наджде захотелось пить, он подошел к источнику — и тут ему вспомнилась его возлюбленная, и он сложил такие стихи:

Из источника воды бы я напился,
Как в улыбке мой от жажды рот скривился!
Только разве станет пить такую воду
Тот, кто губ ее рубином наслаждался?

Ушли они оттуда и снова шли, шли, наконец увидели, что в поле стоят два белых шатра, из одного из них вышла девушка

и идет с кувшином на плече за водой. Увидел эту девушку Наджма, вспомнил опять о своей возлюбленной и снова сложил стихи:

Я к источнику пришел воды напиться —
Мне моя возлюбленная мнится.
Я смотрю, и плачу, и вздыхаю,
Трепещу как обезглавленная птица

Ушли они и оттуда. И наконец достигли Шираза. Когда они пришли в Шираз, Наджма увидел, что отец его вовсе не болен, здоровее, чем раньше был. А мать — и того лучше. Увидел это Наджма и от любви к девушке лишился чувств.

Пусть себе Наджма лежит без чувств, а ты послушай теперь о девушке.

Девушка забросила школу, ушла из дому и поселилась в замке на дороге, что ведет из Лара в Шираз. Каждое утро она берет в руки подзорную трубу и смотрит: не появится ли какой-нибудь путник на ширазской дороге, чтобы расспросить его о Наджме. И ни о чем другом она думать не может.

Теперь это оставь, а послушай о том, что у девушки был двоюродный брат, звали его Фалишт-ага. Фалишт-ага был давно влюблен в свою двоюродную сестру, но знал, что она любит Наджму.

И он провозгласил:

— Если найдется кто-нибудь, кто сможет заставить девушку забыть о Наджме, я дам ему столько золота, сколько он сам весит.

Нашлась одна старуха, она пришла к нему и сказала:

— Дай мне бегового верблюда, быстро, как ветер, и я сделаю так, что девушка разлюбит Наджму.

Ну, этот проклятый Фалишт-ага нашел старухе такого верблюда. Вечером старуха села на верблюда и поехала по ширазской дороге. Ехала так до утренней зари, а наутро повернула обратно и поехала в Лар.

А девушка там, у себя в замке, встала утром рано, совершила утренний намаз, взяла подзорную трубу и стала смотреть на дорогу.

Видит: бежит по дороге верблюд, на нем всадник. Увидела она это и говорит служанке:

— Служанка, пойдн посмотри туда, там едет всадник на верблюде. Пусть он остановит здесь своего верблюда и привяжет его возле дома. А потом пусть приходит ко мне, у меня есть к нему дело.

Ну и вот, служанка пошла, села возле дороги и сидела, пока не подъехала старуха. Служанка сказала ей:

— Мир тебе!

И старуха ей ответила:

— И тебе мир!

И тогда служанка говорит:

— Матушка, послушай меня!

— Ну что тебе? — отвечает старуха.

— Бабушка, — говорит, — царская дочь просит тебя на часок пожаловать к ней.

Та отвечает:

— Внученька, я устала, измучилась, лучше бы мне ехать дальше, чтобы скорей добраться до дому.

Служанка в ответ на это говорит:

— Хоть ты и устала, хоть и проголодалась, а все же она царская дочь, и лучше бы тебе зайти к ней.

— Ну уж эта царская дочь! — говорит старуха. — Житья от нее нет!

Слезла старуха на землю, крепко привязала верблюда и, опершись на посох хитрости, пошла к царской дочери. Когда она вошла, девушка курила кальян. Увидев старуху, поздоровалась с ней, услышала от нее ответ и говорит:

— Матушка!

— Ну что? — откликается та.

— Откуда ты идешь?

— Я возвращаюсь из хаджа.

— Очень хорошо, — говорит девушка, — значит, ты идешь из Мекки. А по какой дороге ты приехала?

— Я приехала по ширазской дороге.

— А в самом Ширазе ты была?

— Да, — говорит старуха. — Одну ночь я провела в Ширазе.

— Ну и что ты слышала в Ширазе, какие там новости?

— Внученька, — отвечает старуха, — никаких таких новостей там нет. А вот только есть там, говорят, один человек по имени Наджда, так ему якобы чин старосты пожаловали, он решил жениться, ну и по этому поводу праздник, весь город освещен и украшен.

И как только она это сказала, девушка уронила кальян, что был у нее в руке, и сложила такие стихи:

В миг, когда о кознях милого узнала,

Выскользнул кальян, что я в руках держала.

Сам кальян — хрустальный, а чубук жемчужный.

Желтым, как янтарь, стал мой румянец алый.

И еще девушка сказала:

— Матушка, старушка, да буду я жертвой языка твоего, что говорит такие приятные вести! Высунь-ка язык свой, чтоб я могла его поцеловать!

Ну и старуха, предвкушая удовольствие, высунула язык; а у девушки в рукаве была бритва, она вынула бритву, отрезала старухе бритвой язык у самого корня и отшвырнула в сторону. И говорит:

Я старухам отрезаю языки,
Я болтуньям отрезаю языки,
Превратится пусть твоя могила в прах,
Не копайся ты в чужих делах!

А потом сказала служанкам:

— Ну чего вы стоите, возьмите эту потаскуху и вышвырните ее вон!

Две служанки взяли старуху за руки, две другие — за ноги и вышвырнули из замка. Так шмякнули об землю, что живого места у ней не осталось.

И девушка сложила тут такие стихи:

По заслугам в беду ты попала, старуха,
Длань господня тебя покарала, старуха,
Вот слова, что тебе скажет всякий влюбленный:
Чтобы в ад кувырком ты упала, старуха!

А проклятый Фалишт-ага смотрит на это и видит: ну и ну, старуху вышвырнули из замка.

Подумал: «Ну, это они зря пролили кровь».

И вот наступил вечер, и в ту же ночь велел он унести оттуда труп старухи, и сам ушел оттуда. Не удалось ему оклеветать Наджму.

Ну а девушка так же, как и раньше, ждала на ширазской дороге, все смотрела: не идет ли кто из Шираза, чтобы спросить его, как там Наджма.

Ну, теперь это оставь и послушай о том, что услышала девушка. А девушка услышала о том, что некий купец собирается из Лара поехать в Шираз торговать.

Девушка послала свою служанку к купцу: мол, скажи ему, чтобы он пришел ко мне.

Служанка пошла к купцу, сказала ему:

— Мир тебе!

Тот ей ответил, а потом спросил:

— Чего ты хочешь, служанка?

— Моя госпожа потребовала тебя к себе: дескать, мне надо с ним поговорить, — отвечает служанка.

Ну, и послé этого купец отправился к царской дочери. А царская дочь протянула занавеску, сама сидит за занавеской, купец сидит по эту сторону занавески на стуле — и так они беседуют.

Девушка спрашивает:

— Эй, таджир-баши! Вот ты поедешь в Шираз, какую ты от своей поездки получишь прибыль?

Он отвечает:

— Госпожа, прибыль моя будет, ну, тысяча туманов.

Девушка говорит:

— Эту тысячу туманов — прибыль твою — я тебе возьму, а ты с собой товар не бери. Я дам тебе еще сто, или двести, или триста туманов, и ты открой там, в Ширазе, приют для странников. А вокруг этого дома обведи арык, пусть в этом арыке всегда будет вода. И на пол в приюте брызгай водой, чтобы он был всегда влажным. Есть там в Ширазе один человек, его зовут Наджда. Три у него есть приметы, по которым ты его можешь узнать. Во-первых, если в арыке будет даже совсем немного воды, он, когда будет переступать через арык, замочит себе одну ногу, а другая у него останется сухой. Во-вторых, если пол будет хоть немного влажным, он на него не сядет, а обязательно сначала под себя что-нибудь подложит. Это две его приметы, а третья — та, что он никогда не ест еду горячей, всегда дает ей сначала остыть. Если ты увидишь, что у кого-нибудь из странников есть эти приметы, подложи ему в пищу этот перстень — а дальше уж не твоя забота.

— Очень хорошо, — ответил купец. Положил себе в хурджин тысячу триста туманов и пошел к себе домой. Тысячу туманов отложил, а триста оставил в хурджине.

А у него был очень хороший конь. Он сел верхом на этого коня, повернулся спиной к городу, лицом к белому свету и поехал, распевая песни.

Ехал так, ехал, пока не достиг Шираза. В Ширазе сошел с коня, нанял четверых-пятерых рабочих, велел выкопать арык, обвести его вокруг того места, где он расположился, пустил в него воду. Потом велел построить стены, сложить очаг. Нашел повара, купил мяса, риса; повара сварили плов, и он принялся всех угощать во имя господи, всех, кто ни пожелает, и так с раннего утра и до позднего вечера². Но человек с теми приметами, что говорила девушка, так и не появился.

На следующий день он опять угощал всех с утра до вече-

ра — но опять Наджда не пришел. На третий день он подумал: «Ну, сегодня опять буду кормить пловом всех, кто пожелает. Ну а уж если сегодня ничего не выйдет — тогда уйду отсюда».

А на третий день мать Наджды пришла к нему и сказала:

— Наджда, сынок! Вот уже три дня, как здесь один человек раздает бесплатно пищу во имя господа, пойдй, поешь немного его богоугодного угощения; может быть, господь снизойдет к твоему горю, и ты избавишься от своей скорби.

Наджда на это говорит:

— Матушка, у меня и сил нет, мне не дойти туда.

— Возьми посох и ступай себе потихоньку, опираясь на посох, — отвечает мать.

Ну что делать! Взял Наджда посох, накинул на плечи плащ и потихоньку, полегоньку идет себе к тому приюту для странников.

А купец сидит там на стуле и смотрит, кто приходит, кто уходит, чтобы не пропустить Наджду.

Видит: идет юноша бледный, с увядшим лицом, едва ногами переступает.

Думает: «Ну, если богу не угодно будет, чтобы я ошибся, — это, наверно, Наджда».

А Наджда, чтобы переступить через арык, снял одну туфлю — и ступил так, что одну ногу замочил, другая сухая осталась.

Перешел он через арык, а купец думает: «Ну вот, это одна примета».

Наджда вошел внутрь, увидел, что пол побрызган водой, снял с плеча плащ, бросил его на землю и сел. Купец подумал: «Видит бог, это еще одна примета».

Когда подошел к нему за кушаньем один простой человек — ну пусть его зовут хотя бы Исмаил³ — сказал ему:

— Это вам вдвоем с тем юношей, скажи ему только, чтобы он ел поскорее. Потом расскажи мне, что он тебе говорил.

Ну, а Исмаил говорит ему:

— Я знаю этого юношу, это сын Мир Надждадина, он не будет есть горячий плов.

А купец настаивает на своем:

— Ты все-таки пойдй и скажи ему то, о чем я тебя просил, послушай, что он скажет.

Ну, и после этого Исмаил пошел и говорит Наджде:

— Это нам с тобой на двоих.

А Наджда не прикасается к еде.

— Наджда, поторопись, — говорит Исмаил. — Мне надо идти, меня ждет работа. Если я не успею, туго мне придется.

Наджма отвечает:

— Ну если тебе надо уходить, ешь свою половину, а мою долю оставь, пусть она остынет. Остынет — тогда я ее съем.

Купец услышал, что говорит Наджма, подмигнул Исмаилу и говорит:

— Исмаил, забирай еду, ешь сам. А ему я положу отдельно.

Исмаил подвинул блюдо к себе, сложил пальцы щепотью, начал есть, в два счета прикончил весь плов и ушел. А купец снова положил Наджме плова, а внизу, под пловом, спрятал перстень, что дала ему девушка. Пришел и поставил перед Наджмой.

Наджма ест плов, а купец стоит перед ним. Плов остыл, Наджма по зернышку, по зернышку, потихоньку, помаленьку ел и ел, ел и ел, пока наконец не попался ему перстень. Он обтер перстень, посмотрел на него — ага, это его собственный перстень, тот, что был у его возлюбленной. И тут сердце Наджмы вскипело, и он сложил стихи. Послушай, что он сказал:

Цветок из рук любимой в своей держу руке,
Душа моя в смятенье, я словно дичь в силке,
То я его целую, то глаз своих касаюсь...
Неужто весть от милой, от той, что вдалеке?

А купец ответил ему, повторяя слова девушки:

О коварный! Ты давал мне вечной верности обет,
От тебя же ни привета, ни вестей отрадных нет.
В медресе любви твоей я по-прежнему страдаю,
Ты урок мне задал трудный и не выслушал ответ.

Наджма говорит:

Я влюблен, и разум я теряю,
Беспреданно плачу и стенаю.
«Не могу забыть я о любимой!» —
Вот слова, что вечно повторяю.

Купец сказал тогда:

Тот, кто любит страстно, всем замечен станет:
Пересохли губы, и глаза в тумане.
Ты назвать бы мог влюбленного безумным —
Впрямь безумец он: ведь страсть рассудок ранит.

А Наджда отвечает:

Вот уже три года, как меня от милой
Горькая судьбина оторвала силой.
То в надежде сладкой в небесах витаю,
То тисками сдавлен я тоски унылой.

Купец говорит:

Тот, кто сильно любит, тот не знает страха,
Храбрцу не страшны ни тюрьма, ни плаха.
Тот, кто сильно любит, словно волк голодный:
Волк не убоится грозной плети взмаха.

Ну вот, после этого купец закрыл свой приют, собрал все вещи и пустился в путь.

А Наджда пошел к себе домой. Когда он шел из дома, едва плелся, а когда домой возвращался — резвился и прыгал словно лань.

Пришел к матери и говорит ей:

— Матушка, испеки мне сахарный калач, завтра я отправлюсь на охоту.

На следующее утро она испекла ему сахарный калач. Он оседлал коня, туго затянул подругу — так туго, что конь издал глубокий вздох. Приторочил хурджин, взял много денег — по весу легких, по цене тяжелых, наполнил ими одну суму хурджина, в другую положил калач. Сел верхом и поехал.

Распевал любовные песни и так нахлестывал коня, что выехал утром, а к ночи почти достиг Исфохана. Доехал туда, где возле Исфохана есть бассейн.

Там конь его припал к воде, стал пить и столько выпил, что брюхо у него лопнуло.

Наджма снял с него седло, положил в одну сторону, тот ковер, что служил потником, — в другую и сложил такие стихи:

Я пустился утром из Шираза в путь.
Иноходцу не дал по дороге отдохнуть.
К ночи я достиг бассейна в Исфохане
И молю и плачу: жальтесь кто-нибудь!

А после этого он подумал: «Когда был маленьким — я ходил пешком».

Прошел пешком десять, двадцать, может быть, пятьдесят шагов и стер себе ноги.

Тут он подумал: «Когда я был маленьким, я, бывало, ползал на четвереньках».

Прополз немного по дороге — стер себе ладони. Подумал: «Когда я был маленьким, я, бывало, перекатывался с боку на бок».

Два-три раза перевернулся с боку на бок — камни ему намяли бока, и он не смог двигаться дальше и лежал недвижимо. Лежал он так, и тут повеял ветерок. И он подумал: «Пошлю-ка я с этим ветерком весть своей возлюбленной».

И тут он сложил такие стихи:

Я каламом тайным на бумаге невидимой
Написал бы нежное письмо своей любимой,
Чтобы у возлюбленной терпенье не иссякло,
Чтоб меня не бросила в степи необозримой.

И пока он это говорил, наступила ночь.

А вокруг ни воды, ни жилья, ни голоса не слышно мусульманского, ни дороги, ни луны — ничего не видно. И тут Наджда воззвал к божьему чертогу и сложил такие стихи:

О господи! Яви хотя бы лунный свет!
С пути я сбился, потерял дороги след.
С пути я сбился, я один в пустыне,
Того, кто б указал мне путь, со мною нет.

Прошло какое-то время, и видит Наджда, что какой-то ворон с карканьем летит в сторону Лара. Наджда подумал: «Пошлю-ка я с этим вороном весточку в Лар». Он сказал, обращаясь к ворону:

О черноглавый ворон, в Лар скорей лети,
И если спросят, где меня найти,
То Лара повелителю скажи: «Он умер,
Готовьте саван для последнего пути».

И только он это сказал, творец всей вселенной внушил повелителю правоверных ⁴: дескать, вот, раб мой погибает в пустыне, найди его и помоги.

И повелитель правоверных — да стану я его жертвой! — разыскал в пустыне Наджду и стал у его изголовья. Наджда открыл глаза и увидел, что возле него стоит всадник, одетый в зеленое ⁵, на сером коне. И сложил такие стихи:

От несчастий и горя болит у меня голова,
Но несчастья и горе мое для тебя — трын-трава:
Резво скачет твой серый скакун под тобою,
Что тебе до того, что пешком ковыляю едва?

Тогда повелитель правоверных сказал:

— Вставай, у тебя ничего не болит.

Наджма отвечает:

— Нет, господин мой, я не могу пошевелиться.

Тогда повелитель правоверных протянул свой кнут и сказал:

— Держись за кнут.

Наджма взялся за кнут, поднялся и чувствует: ни руки у него не болят, ни ноги. Ничего у него не болит. А повелитель правоверных — да стану я его жертвой! — посадил его сзади себя на коня, велел ему закрыть глаза и говорит:

— Сложи несколько стихов про моего коня!

Послушай-ка, какие стихи сказал Наджма:

Серого коня по холке я поглажу,
Как я с сердцем, полным скорби, слажу?
Если серый конь домчит меня до цели,
Тело маслом розовым ему намажу.

И еще так сказал Наджма:

Конь ты мой гривастый, конь мой легкокрылый,
Ты скачи быстрее, быстрее, что есть силы.
Ты скачи быстрее во мраке черной ночи,
В Лар меня доставь к моей подруге милой.
Как тебя, о серый конь мой, я взлелею!
Для тебя дворец построить я сумею,
Если утром ты меня домой доставишь,
Сам украшу ожерельем шею.
Конь мой серый, резвый, с чепраком прекрасным,
Конь с уздой болгарскою ⁶ и седлом атласным!
Ты скачи скорей, домчи меня к любимой,
Не томи меня страданием напрасным.

В мгновение ока конь домчал их до места, осталось только переехать мост — а там дворец девушки.

Наджма сложил тут такие стихи:

От бассейна в Исфахане и до этих самых вод
Землю щедро оросил скакуна Дульдудя пот,

И Али благословенные виднеются следы,
Здесь бесчисленными цветами вся дорога зарастет.

Повелитель правоверных сказал Наджме:

— Ну вот, мы и приехали.

— Но я успел сказать только пять-шесть стихов, — говорит Наджма.

— Нет, — говорит он, — мы уже достигли места.

И тогда Наджма слез с коня. Слез с коня, и повелитель правоверных — да буду я жертвой за него! — тоже сошел с коня и говорит:

— Подержи коня, я прочитаю два раката намаза.

Наджма взял под уздцы коня, а повелитель правоверных — да буду я за него жертвой! — совершил омовение, обвел вокруг себя черту, положил на эту черту свой меч Зульфикар и стал читать молитву.

Он читает молитву, а Зульфикар превратился в двуглавого дракона и улегся вокруг того места, где он читает намаз, и шипит.

Наджма думает: «Это, конечно, пир и пророк. Пока я не достигну цели, я его не оставляю».

Когда он кончил читать намаз, Наджма бросился ему в ноги и сказал:

— Господин, я не уйду, пока ты не благословишь меня.

Тот ответил:

— Ступай, я тебя благословил; много придется тебе перенести тягот и лишений, но в конце концов ты достигнешь цели.

Сказал это и скрылся из глаз, исчез.

И Наджма увидел, что возле дороги стоит замок. Наджма подошел к стенам этого замка, расстелил на земле свой коврик, положил хурджин, лег на коврик, головой на хурджин — и заснул.

Пусть он спит, а ты послушай несколько слов о девушке. Девушка встала со своего места, взяла кувшин, совершила омовение, помолилась, взяла подзорную трубу и стала смотреть на дорогу в сторону Шираза: не появится ли кто-нибудь на дороге из Шираза, чтобы она могла у него разузнать о Наджме. Опустила подзорную трубу вниз и видит: под стенами замка, растянувшись, спит Наджма.

И тут девушка сложила такие стихи — мол, если Наджма их услышит, он проснется:

Хоть и запылится твой кафтан в дороге,
Износились обувь, в кровь растерты ноги,

Ты — мой царь, и власть твоя не стала меньше.
Сядь со мной, забудь про свой наряд убогий.

Наджма не проснулся. Солнце ударило в лицо Наджме, и снова вспыхнуло сердце девушки, и она вновь сложила стихи, подумав: «Ну-ка, попробую я его обругать, может быть, тогда он проснется».

Верно, порожден ты шлюхою простою,
Коли думаешь, что я тебя не стою.
Пусть в последний день — восстания из мертвых —
Зной и солнце не дадут тебе покою.

Наджма проснулся, услышал эти слова и подумал: «Я с трудом сюда доплелся, пришел, а она меня обругала. Не иначе как нашла себе кого-нибудь другого».

Взял он свой хурджин и коврик и отправился в путь по направлению к дому старушки-матушки.

Девушка посмотрела — да, он ушел. Подумала: «Не может быть, чтобы это был кто-то другой, сложу-ка я еще стихи. Если это Наджма, то он вернется сюда». И сказала:

Ради дома твоего ⁷ готова с сердцем я расстаться,
Я цветком душистым нежным не устану любоваться,
Боже, тотчас пусть глаза мои ослепнут: как могла я
Не узнать Наджму — то он был, в этом трудно сомневаться.

А Наджма идет и идет. И тогда она сказала так:

Ты меня покидаешь, краса моя? Стой, не спеши!
Я открою тебе сокровенные тайны души.
Сам подумай: могу ли тебе изменить я
И забыть о тебе, о возлюбленный, сам ты реши!

А Наджма все идет и идет. И она опять говорит:

Ты не слышишь, краса моя, страстный упрек,
Цвет лица моего пожелтел и поблек.
Почему ты словам моим верить не хочешь?
Почему ты, любимый, со мной так жесток?

Нет, не оборачивается Наджма на ее зов, уходит. И тогда она решила: «Верно, это не Наджма».

Вернулась домой, смотрит: служанка еще спит. Ударила

служанку ногой, служанка пробудилась от сладкого сна и говорит:

— Милая госпожа, за что ты бьешь меня? Мне приснилось, будто Наджда пришел, а ты гневаешься!

— Эй, служанка,— сказала девушка,— пойди посмотри-ка в доме старушки-матушки, если увидишь, что Наджда пришел, то гляди: у меня на шее ожерелье, цена которого равна цене этого города,— я подарю его тебе.

Служанка ушла оттуда, пошла в дом той старушки, смотрит: и вправду Наджда там. Перед ним чайник и пиала, он сидит и пьет чай.

Было у служанки две ноги, еще две она взяла взаймы и побежала к девушке. Сказала ей:

— Госпожа, твое ожерелье теперь мое. Наджда сидит в доме у той старушки и пьет чай.

Тотчас девушка сняла с себя ожерелье и отдала служанке. Велела приготовить самые лучшие кушанья и послала их со служанкой, сказав:

— Отнеси и поставь их перед Надждой, пусть Наджда поест, а потом приходит.

— Очень хорошо,— ответила служанка. Взяла кушанья и пошла, видит: да, это Наджда сидит и пьет чай.

Она вошла и поставила кушанья перед Надждой. Наджда взял блюдо и швырнул его об стену; блюдо разлетелось на мелкие куски. Он сказал.

— Ты что, думаешь, что я так голоден, мне так нужна еда от этой девушки? Я сюда еле-еле приплелся, чего только не перпелся, а она присылает мне, еду со своей служанкой!

Служанка вернулась ни с чем. Пришла к своей госпоже и говорит:

— О госпожа! Наджда взял твою еду и швырнул об стену так, что блюдо разлетелось на мелкие кусочки.

А та говорит:

— Да буду я жертвой кудрей Наджды, видно он на меня гневается.

Сделала она яичницу из десятка яиц, завернула вместе с хлебом в платок, положила на блюдо. На руки надела браслеты, закрыла белым головным платком лицо до самого пояса и отправилась в путь — пошла своей изящной походкой, подошла к дому.

Вагляд Наджды упал на девушку, видит: идет его возлюбленная. В руке у нее блюдо, на запястьях — браслеты и идет закутанная в белый платок.

И тогда он сложил такие стихи:

Блюдо девушка в руках держала,
На лицо накинув покрывало.
Видел я, как золото браслетов
На запястьях у нее сверкало.

Она поставила еду между собой и Наджмой, и они начали есть. Наджма кладет кусочки в рот девушке, девушка — в рот Наджме. Поели они, и девушка говорит:

— Наджма, есть такой-то сад в Ларе, завтра я приду в этот сад, ты приходи тоже.

— Очень хорошо, — отвечает Наджма.

Девушка вернулась к себе в замок, ночь провела в замке, а наутро пришла в тот сад. Пошла в сад и сказала садовнику:

— Садовник, тут придет один человек, ты не открывай ему ворот сада, пока он не сложит стихов об этом саде.

Пришел Наджма, видит: ворота сада закрыты. Что он ни делал — открыть не мог. Отчаявшись, сложил он такие стихи:

Вижу: замкнута высокая ограда,
Сяду я, поджав колени, возле сада,
Словно соловей, я петь и щелкать буду,
Отвори мне дверь! Иль ты не рада?

А она ответила ему:

Ты не пой, как соловей, не надо,
Видишь: замкнута высокая ограда.
Разве знаю я, что завтра с нами будет?
Казнь нас ждет иль царская награда?

И тогда Наджма снова сказал:

Сердце тебе я вручил — и это не грех,
Душу тебе я открыл — и это не грех.
Где твой садовник? Ему прикажи ты,
Чтобы мне дверь отворил — ведь это не грех!

И тогда садовник открыл ворота сада, а девушка сказала такие стихи:

Милый, на твои колени голову я положу,
Я букет цветов весенний пред тобою положу.
Собрала цветов так много, что с собой не унести...
Душу в жертву без сомнений для тебя я положу.

Наджма вошел в сад, сел вместе с девушкой, они поели. Потом взялись за руки и пошли гулять по саду.

А теперь оставь их и послушай, как проклятый Фалишт-ага пришел в сад и увидел, что девушка и Наджма гуляют вместе.

Тайком взял одну туфлю Наджмы, одну туфлю девушки — они оставили свои туфли там, где вместе сидели, — побежал к царю и говорит:

— О несчастный! Наджма вместе с твоей дочерью сейчас гуляет по саду.

Служанка царевны видела, как приходил Фалишт-ага, тотчас побежала и донесла своей госпоже:

— Госпожа! Проклятый Фалишт-ага пришел, схватил одну твою туфлю, одну туфлю Наджмы и отнес царю.

И тут Наджма произнес такие стихи:

Я ходил по лугу, обошел весь сад,
Ярким и душистым я цветам был рад.
Не успел я садом власть налюбоваться,
Как из-под земли явился мерзкий гад.

А девушка говорит:

— Наджма, мне надо идти, чтобы потом не пришлось нам обоим раскаиваться.

Наджма отвечает ей:

— Иди куда хочешь, но я никуда не пойду. Я не хочу быть трусом.

И девушка ушла, а Наджма остался.

Теперь послушай несколько слов о проклятом Фалишт-аге, который пошел к царю и жаловался ему.

Был у царя палач, звали его Батташ. Царь сказал ему:

— Батташ, иди и приведи сюда Наджму.

Батташ пошел в сад, чтобы выполнить царский приказ.

Наджма увидел, что идет к нему царский палач, и сложил такие стихи:

Брат мой пришел, брат мой Батташ пришел,
Словно из пламени искра, стремительно он подошел,
Видно, меня, несчастного, хочет Батташ казнить —
Голубь в силке охотника гибель свою нашел.

А Батташ отвечает ему:

Брат, скажи мне правду, окажи мне милость,
Зернышко граната, что с тобой случилось?
Вижу побледнел ты, цвет лица стал желтым,
Что с тобой за горе, брат мой, приключилось?

Наджма сказал тогда:

— Брат мой, если бы я не попал в беду, как бы я здесь оказался?

Палач в ответ:

— Пойдем, тебя требует к себе царь!

Теперь оставь его и послушай про царскую дочь. Она переделась так, чтобы ее никто не узнал, закуталась в семицветный платок и уселась возле царского дворца, чтобы посмотреть, что дальше будет с Наджмой. Видит — Батташ ведет Наджму во дворец, она тихонько проскользнула следом. Батташ провел Наджму в дворцовый зал, где царь принимал гостей.

Царь увидел их и говорит:

— Батташ, руби ему голову!

Батташ взял топор, поднял руку — и тотчас рука у него отнялась. И тут Наджма, обращаясь к царю, сложил такие стихи:

О повелитель наш, о ты, что правишь нами,
То тихий, как вода, то грозный, словно пламя,
Ты не боишься дня, что непременно будет,
Когда за смерть мою тебя господь осудит?

Ну, и как палач ни пытался убить Наджму — и рукой, и ногой, и палицей — ничего не выходит у него.

Поднимет ногу — нога тут же онемееет, поднимет руку — а рука отнимается, словно от паралича. Короче говоря, не смог он казнить Наджму.

И тогда царь приказал:

— Отведите его, вздерните на виселицу.

И вот Наджму повели на казнь.

А ты послушай теперь, я расскажу немного о той старушке, которая приютила Наджму. Когда она увидела, что его ведут на казнь, она разразилась плачем и произнесла такие слова:

Наджму ведут на казнь, глядит старуха-мать,
Рыдания свои не в силах удержать.
Зачем рыдаешь ты, несчастная старуха?
Ведь мукам суждено любовь сопровождать.

Подумала про себя: «Несчастливая старуха, что ты плачешь? Тот, кто влюблен, тот играет жизнью. Того могут и в темницу бросить, и казнить! Чего же ты плачешь?»

А царская дочь, увидев, что Наджму повели на казнь, облачилась в доспехи и пошла на площадь. Думает: «Если

Наджму будут казнить, я этого не потерплю, всех там перебью».

А теперь опять послушай про Наджму. Когда его вели по улицам на казнь, караульщики, что шли с ним рядом, сказали ему:

— Наджма! А сейчас сложи какие-нибудь стихи!

И Наджма ответил им:

Плененного Наджму хан отвести велит
В собрание, где его любимая сидит,
И просит у него, чтоб песни распевал он.
Но станет ли он петь? Ведь саз его разбит.

Повели его мимо дома, где была высокая надстройка.

В этом доме жил один человек, который недавно женился.

Жена его выглянула из окошка и говорит мужу:

— Это ведут Наджму, я хочу ему что-то сказать.

Муж говорит ей:

— Ничего из этого хорошего не выйдет, ведь Наджма влюблен и не ведает, что творит. Он скажет что-нибудь, на что ты и ответить не сможешь.

— Ничего, пусть говорит, что хочет,— отвечает женщина. Высунулась в окно, кричит Наджме: — Эх, Наджма, разве не нашлось какой-нибудь девушки попроще, хотя бы купеческой дочери, чтобы ты посватался? Влюбился ты в царскую дочь, а теперь тебя ведут на казнь.

Услышал эти слова Наджма, стал озираться вокруг, потом поднял голову вверх и увидел, что какая-то девушка выглядывает из окна и кричит ему. И сказал:

О ты, что смотришь так из этого окна,
Одна из тех зевак, кем улица полна!
О, если б только мне твои достались губы —
Как воду пьют в жару, я б выпил их до дна.

Услышал это муж и говорит ей:

— Чтoб тебе пусто было, завяжи углы своего платка! Я,— говорит,— так и знал, что он что-нибудь такое скажет, проклятый!

Ну и вот его привели на площадь. Наджма увидел свою возлюбленную в доспехах и сказал такие стихи:

О краса моя нежная, вижу твой черный наряд,
Вижу ротик, подобный бутону, и вижу, как очи горят.
Ты надела броню, чтоб сразиться с несчастным Наджмою,
Иль пришла посмотреть, как невинного люди казнят?

И вот Наджму раздели и хотят его повесить, но не могут. Опять ничего не выходит у палачей, как они ни стараются, — ведь его незримо охраняет повелитель правоверных. И тогда царь велел:

— Отведите и бросьте его в темницу.

Наджма хочет снова надеть на себя одежду, а одежды нет, ларские жулики ее украли. И тогда Наджма сложил такие стихи:

Царь хотел Наджму невинного казнить,
Палачи не знали, как им поступить,
А тем временем Наджмы одежду
Воры под шумок сумели утащить.

И провозгласил:

— Кто бы ни унес мою одежду — принесите, ведь вы опозорили Лар.

Ну, как бы там ни было, принесли ему одежду, он надел ее на себя. И повели его с площади. А царская дочь — возлюбленная Наджмы — побежала вперед, чтобы посмотреть, куда его везут. Видит: возле одного дома какая-то девушка доит корову. Царевна и говорит ей:

— Девушка, дай-ка мне твой подойник, я подою вместо тебя корову.

Сама думает: «Тайком подсмотрю, куда Наджму повезли». И вот Наджму повезли мимо, взгляд его упал на девушку, что доит корову, а та глаз с Наджмы не сводит, хоть и делает вид, что корову доит.

И тут Наджма сложил такие стихи:

Наступило утро, стадо вышло из хлебов,
Доят черноокие красавицы коров.
Не коси глазами! Разобьешь подойник,
Если ты моих не станешь слушать слов.

А она ему отвечает:

— Что ты думаешь о подойнике? Позаботься лучше о себе!
И тут Наджма сложил такое двустишие:

Краса моя, с губами как коралл,
Из-за тебя Наджма в тюрьму попал!

И двумя стихами ответила ему возлюбленная:

Я на тебя с надеждою гляжу —
Чтоб выкупить тебя, я серьги заложу.

Ну, и Наджму отвели в темницу. А у царской дочери была пара серег. Она отдала их тюремщикам, чтобы те каждый вечер выпускали Наджму на свидания к ней.

Ну, и они выпускали его каждый вечер, когда смеркалось. Наджма уходил в замок к своей возлюбленной — и до утра они предавались любовным играм и утехам.

Четыре, пять ночей он так приходил, а однажды ночью девушка решила испытать Наджму. Крепко заперла ворота — мол, посмотрю я, сможет ли Наджма взломать дверь или перелезть через забор.

Вечером, когда Наджма пришел, он, как ни старался открыть ворота, не смог сделать этого. Не стал он лезть через забор, а сказал из-за ворот такие стихи:

Пусть того умельца покарает бог,
Что получше вытесать дверей не мог.
Что это за дом, в который входа нет,
Между мной и милой — роковой порог.

А девушка изнутри, из-за ворот отвечает Наджме:

О Наджма, зачем же ты так много говоришь?
Почему ты мастера умелого коришь?
Для тебя ни дверь, ни стены — не преграда,
Если вправду страстью ты ко мне горишь.

И говорит ему:

— Выломай дверь! Ты что, боишься, что завтра ее не починят? А не хочешь дверь выломать — лезь через стену, зачем ты зря ругаешь плотника? Ведь я не могу этого сделать, я жду этого от тебя!

И тогда Наджма взломал дверь и вошел, и они предались утехам и наслаждениям, и тут прокричал утренний петух.

Наджма сказал:

Быть тебе ощипанным, проклятая ты птица!
Чтоб тебе без лап и крыльев очутиться!
Ты запел, когда с любимой я рядом,
Чтоб тебе, проклятому, сквозь землю провалиться!

И снова они стали беседовать друг с другом, и снова прокричал петух. Наджма сказал опять:

Языка и гребня чтоб тебе лишиться!
Чтоб тебе по всей вселенной осрамиться!

В миг, когда с моей любимой я рядом,
Ты опять орешь, проклятая ты птица!

После этого петух замолчал и больше уже не раскрывал рта. Наступило утро, и Наджда возвратился в тюрьму.

А теперь послушай о том, как проклятый Фалишт-ага понял, что Наджда каждую ночь ходит в замок к девушке. И на следующую ночь он в десять вечера приехал и начал стеречь замок. Когда наступил вечер, Наджда вышел из тюрьмы, направился в замок к девушке, девушка вышла на стену и сказала так:

О гранат мой нежный, сладкий, ты из ночи в ночь
Не ходи ко мне в покои. Больше мне невмочь
Принимать тебя; ведь ночью этот дом не спит!
Берегись, ступай отсюда поскорее прочь!

Наджда понял, что замок стерегут со всех сторон, вернулся обратно в темницу и в эту ночь до утра считал звезды на небе.

На следующий день он все утро провел в темнице, а когда наступило время послеобеденного намаза, пошел в замок.

Пришел в замок, и, когда наступил вечер, снова, откуда ни возьмись, появился Фалишт-ага с десятью всадниками. Они окружили замок. Увидел это Наджда и говорит девушке:

— А эти десять всадников в чем провинились? Они ведь ни при чем, во всем виноват Фалишт-ага. Выйду-ка я на стену замка, пропою им стихи, пусть они поймут, что зря меня ждутся, и идут домой.

Вышел он на стену замка и сказал такие стихи:

Эй, вы, всадники, не спите, караул несите!
Никуда не уходите, караул несите!
Я с любимой — сердцем к сердцу, вы же, коль хотите,
Нас без толку стерегите, караул несите!

Фалишт-ага подумал: «Да, напрасно мы здесь стали бы стоять и ждать его. Надо уезжать. Есть только один способ избавиться от Наджды: подружиться с ним и тайком подсыпать ему яду».

Отпустил своих слуг, и сам уехал. А Наджда всю эту ночь провел в играх со своей возлюбленной, а когда наступило утро, снова отправился в темницу. Пришел в темницу, а проклятый Фалишт-ага тоже туда явился, стал с ним дружбу заводить, сказал тюремщикам:

— Вы отпустите Наджму, я пойду на базар, поведу его в кофейню, мы поедем вместе.

Увел Наджму оттуда, повел его в кофейню. Подали им обед, они сели. А в отдельную чашку Фалишт-ага подсыпал яду, чтобы подать эту чашку Наджме и отравить его.

А теперь оставь это и послушай о том, как царская дочь, возлюбленная Наджмы, смотрит со стены замка и видит: Фалишт-ага вместе с Наджмой направляется в кофейню. Тут она говорит своей матери:

— Пойдем скорее, чует мое сердце, что сейчас Фалишт-ага отравит Наджму.

Ну, и мать с дочерью взяли узелки с бельем и пошли по направлению к бане. Когда они проходили мимо кофейни, взгляд Наджмы упал на девушку.

И тут Наджма, еще не начав есть, сложил такие стихи:

Куропатка и горлинка с неба на землю летят.

Мать и дочь вниз по улице шествуют, в баню спешат.

Мать и дочь, лейте воду смелей, не жалеите воды,

Быть добычей для дочери, матери верным слугою я рад.

Только он это сказал, как проклятый Фалишт-ага говорит ему:

— Ах, ты дрянь ты такая, чтоб тебе дерьмом подавиться! Ты что это моей двоюродной сестре стихи читаешь?

Сказал он это, а Наджма взял чашку, треснул Фалишт-агу по голове, разбил ему голову.

Фалишт-ага побежал жаловаться царю: мол, о царь, Наджма ударил меня по голове и разбил мне голову. А царь ему в ответ:

— Ну и хорошо сделал, что разбил. Зачем ты идешь к нему? Ты же видел, что Наджму и на виселице не повесить, и мечом не убить. Что ни делали — ничего не выходит. Зачем ты к нему пошел? Мало еще тебе, надо бы, чтоб сильнее ударил!

И снова Наджма вернулся в тюрьму. Ночи проводил в тюрьме, а днем ходил к своей возлюбленной.

И вот однажды царь решил отправиться на охоту, а путь его пролегал по улице, где стояла тюрьма. Наджме сказали: дескать, сегодня по этой улице на охоту поедет царь. Тогда он и говорит тюремщикам:

— Эй, тюремщики! Приведите меня к воротам тюрьмы, мне надо сказать пару слов царю.

Тюремщики замешкались, тогда Наджма говорит:

Стражникам понятна только сила —

Чтоб она навек их ослепила!

Вот что говорит Наджда влюбленный:
Лошадь надо бить, чтоб груз тащила.

Тогда Наджду подвели к воротам тюрьмы. Когда царь про-
езжал, Наджда произнес такие стихи:

Ты, верность справедливости храня,
О шах великий, отпусти меня!
Пусть встреча с теми, кто в Ширазе ждет,
До судного не остается дня.

Услышал это царь и сказал:

— Отпустите Наджду, что с ним делать, пусть себе идет!

Тюремщики отпустили Наджду. Наджда взял с собой свой
коврик и пошел в замок к своей возлюбленной — и живет там
в свое удовольствие.

Прошло так десять или пятнадцать дней, проклятый Фа-
лишт-ага снова пошел к царю и говорит:

— Так Наджда и пошел к себе в Шираз! Развлекается в
замке у твоей дочери.

Услышал это царь и потребовал к себе Наджду. Наджда
пришел, царь велел принести Коран и говорит:

— Я ставлю перед тобой три урока. Если ты их выпол-
нишь, я выдам за тебя свою дочь вместе с богатым приданым.
Если же ты не сможешь их выполнить, то поклянись на Ко-
ране, что отправишься восвояси.

Наджда поклялся. И тогда сделали так: завязали Наджде
глаза, потом царь велел привести несколько верблюдов. Одного
из них нагрузили сандаловым деревом, а поверх посадили де-
вушку-царевну. Потом дали повод первого из верблюдов чер-
ному рабу и сказали:

— Тяни.

Раб потащил повод, весь караван двинулся, а Наджде го-
ворят:

— Вот идет караван верблюдов, сложи стихи, воспой этот
караван.

И Наджда сказал:

Что за верблюды! А груз их — пахучий сандал.
Низ — словно сахар, и роза вверху — так ты бы сказал.
Царь, чтоб навеки страдальца Наджду погубить,
В руки уздечку невольнику черному дал.

— Молодец, молодец! — закричали все.

Так Наджда выполнил первый урок.

Тогда ему задали второй. Собрали толпу девушек, все они накинули на себя белые платки, а у царевны на голове бархатная шапочка. И опять попросили Наджду сказать стихи — а у него по-прежнему повязка на глазах.

И Наджда сказал:

Шапочку из бархата девушка надела,
Тысяча других — в простых платочках белых.
Я и среди тысячи любимую узнаю:
Та из них, что в шапочке и чье так стройно тело.

И снова все закричали: «Молодец, молодец!» — и захлопали в ладоши.

И тогда царь задал ему третий урок.

Привели верблюда и надели на него железный ошейник.

А Наджде дали в руки деревянный меч и говорят:

— Руби этому верблюду голову!

А глаза у Наджды по-прежнему завязаны.

Наджда потрогал меч — а он деревянный. «О боже,— взмолился он,— это же деревянный меч, что им можно разрубить?! Был бы у меня в руке Зульфикар — другое дело».

И тут услышал он голос Али:

— Руби!

Ударил деревянным мечом и отрубил верблюду голову. Оттащили верблюда, смотрят, а деревянный меч на четыре пальца вошел в землю.

И тут Наджда сказал так:

Наджда, как роза без шипов, как лучшая из алых роз!
Наджда, как молодой побег, что спелые плоды принес!
Наджда, как храбрый барс в горах, как легкая степная лань!
Дела Наджды у всех поток восторженных исторгли слез!

И царь выдал свою дочь за Наджду и дал за ней богатое приданое.

Семь суток били в барабаны, стучали в бубны — играли свадьбу.

Ну, пусть себе Наджда наслаждается, а ты послушай об отце Наджды.

Отец Наджды Мир Наджмаддин нагрузил лошадь всяким добром и скитается из города в город, расспрашивает всех о Наджде. И всякому, кто ему хоть что-нибудь скажет, уделает немного из своего добра.

Шел он, шел и подошел к Лару.

Смотрит: а там какой-то пастух пасет коров. Подошел к пастуху, поздоровался с ним, услышал ответ, потом говорит:

— Эй, пастух!

— Ну что? — спрашивает тот.

— Нет ли у вас в городе человека по имени Наджма?

— Есть, — отвечает тот. — Человек по имени Наджма был у нас в тюрьме, перенес много всяких невзгод, а потом царь выдал за него свою дочь и семь дней, семь ночей они играли свадьбу.

Ну, Мир Наджмаддин одарил пастуха тем, что у него осталось, отдал ему лошадь, а сам взял его одежду и, опираясь на посох, двинулся в сторону Лара.

Расспрашивал там, здесь, искал, наконец пришел под стены дворца, где поселился Наджма с царской дочерью.

Стал стонать, восклицать:

— Ради бога, ради бога!

Девушка говорит:

— Я пойду подам нищему.

А Наджма говорит:

— Нет, я подам.

Заспорили они, пока девушка не одержала верх. Взяла лепешку и вышла под стены дворца.

Тут Мир Наджмаддин сказал так:

Вечернею порой иду за подаяньем,
Иду под стены замка со стенаньем.
И если ломоть хлеба нищему ты дашь —
Доволен будет бог твоим деяньем.

А девушка подала ему лепешку и говорит:

Остер ты на язык и дерзок — вижу я.
Скажи-ка мне, дервиш, где родина твоя?
Того огня, что в доме ярко светит,
Никто, когда есть солнце, не заметит!

А Мир Наджмаддин ответил ей:

Мир Наджмаддин я, курдов предводитель,
Я курд, а не таджик⁸. Не пахарь, а воитель.
И хоть одет я как простой пастух —
Известен всем воинственный мой дух.

Сказал он это, Наджда услышал, выбежал из дому и бросился в ноги отцу. Потом позвал отца в дом и спрашивает:

— Отец, как это все произошло, что с тобою?

Тот говорит:

— Сынок, когда я выходил из дому, я нагрузил лошадь всяким добром и раздавал это добро всем, кто хоть что-нибудь слышал о тебе. И вот наконец один пастух возле этого города сказал мне, где ты, и я отдал ему все — и лошадь, и добро, — а сам надел его одежду и пришел сюда.

Ну, тут сразу отца отправили в баню, надели на него очень хорошие царские одежды и угощали как самого дорогого гостя. А когда наступило утро, Мир Надждадин по ширазской дороге поехал в город.

И царю Лара сообщили, что Мир Надждадин, предводитель курдов, отец Наджды, сегодня въезжает в Лар. Царь встретил Мир Надждадина у городских ворот, оказал ему всяческие почести, ввел в Лар. Вошли они в Лар и в царском дворце начали пировать, пить вино, а выпив вина, беседовать о том и об этом.

Ну и Мир Надждадин сказал:

— О царь! Если бы хоть волос упал с его головы, я бы с землей сровнял твой город и наполнил бы этой землей торбу моего коня.

А тот отвечает:

— Откуда мне было знать, что это твой сын? Если бы я знал, что это твой сын, я сразу же выдал бы за него свою дочь, я же не мог выдать ее за кого попало.

Некоторое время Мир Надждадин жил там. А потом взял своего сына Наджду и невестку и отправился в Шираз.

И так, как господь им воздал, да воздаст он всем мусульманам.

17. Хайдарбек

Однажды шах Аббас с пышной свитой и огромным войском отправился на охоту. Выехали они в поле, ехали, ехали и видят вокруг, что прямо к ним бежит по лугу стройная газель, вся в пятнышках и крапинках.

Шах Аббас заметил ее и говорит, обращаясь к своим воинам:

— Пусть тот из вас, к кому она подбежит первому, погонится за нею и поймает ее.

И так случилось, что газель подбежала сразу к шаху Аббасу, взвилась перед ним в прыжке и умчалась. Шах Аббас пришпорил коня и поскакал в погоню.

Когда он скрылся из виду, Хайдарбек — главный из шахских сардаров — стал думать: «Ведь шах Аббас не сказал мне, чтобы я не ехал вслед за ним, — он сказал это войску. Поеду-ка я посмотрю, что будет дальше». И Хайдарбек сказал воинам:

— Вы отправляйтесь обратно в город, а я поеду вслед за шахом.

Он погнал своего коня по следам шаха Аббаса, но сколько ни искал — не мог его найти. Увидел издали высокие горы, ехал, ехал — добрался до подножия гор, смотрит: стоит шатер, веревки у него шелковые, привязаны к золотым колышкам.

И сказал так:

У подножья этих неприступных гор
Вижу — шелковый раскинулся шатер,
Вижу я, как колышки блистают золотые.
Отвести не в силах восхищенный взор.

Подъехал Хайдарбек к шатру, заглянул в него и увидел там девушку: сияет она, словно четырнадцатидневная луна. И влюбился он в нее не одним сердцем, а тысячью сердец.

Сошел с коня, привязал его. Накинул на голову покрывало, чтобы его не узнали, и пошел к шатру.

А девушка увидела, что он идет, и говорит служанке:

— Пойди расстели ковер для гостя.

И сказала тут своей рабе хозяйка:
«Пусть садится гость, ковер подай-ка!»

Служанка расстелила возле шатра ковер, и Хайдарбек уселся там.

И сказала тут своей рабе хозяйка:
«Ну-ка, завтрак гостю нашему подай-ка!»

Служанка принесла завтрак, Хайдарбек поел.

И сказала тут рабе хозяйка:
«Гостю нашему кальян подай-ка!»

Служанка принесла кальян, подала Хайдарбеку, он стал курить. Покурил, и госпожа говорит: «Принеси ему воды!»

И сказала тут рабе хозяйка:
«Гостю нашему воды подай-ка!»

Хайдарбек выпил воды из кубка, утолил жажду, и девушка сказала служанке:

— Возьми большую чашу, наполни ее драгоценностями, отдай гостю. Вдруг кто-нибудь попросит у него в долг или потребует у него свой долг — у него всегда должны быть деньги.

И сказала тут рабе хозяйка:
«Чашу с золотом ему подай-ка!»

Служанка наполнила чашу драгоценностями, принесла и поставила перед Хайдарбеком.

Увидел это Хайдарбек и говорит:

Я пришел сюда не ради золотых монет,
У меня к сокровищам пристрастья нет,
Золото в моих глазах подобно праху,
Я пришел сюда красы увидеть свет.

Услышав это, хозяйка разгневалась и говорит служанке:
— Развяжи веревки у шатра и навьючь шатер на мула.

И хозяйка строго на рабу взглянула:

Мол, навьючь тотчас же ты шатер на мула.

Служанка разобрала шатер, сложила его и навьючила на мула. Девушка, ее кормилица и служанка — все три отправились в путь.

Они двинулись в путь, а Хайдарбек сидит и смотрит. Сидит и думает: «Вот их три женщины, а с ними нет мужчины. Напрасно они уходят от меня». И сказал об этом такими стихами:

Едут женщины втроем, защитника у женщин нет,
Что ж, Хайдар, за них ты будешь пред царем держать ответ.

И Хайдарбек вскочил на коня и поехал вслед за ними. Оглянулась девушка, видит, что он едет следом, и говорит своим спутницам:

— Вы подождите меня здесь, а я съезжу, проучу этого наглеца!

Служанка и кормилица остановились на дороге, а девушка поехала навстречу Хайдарбеку. Подъехала к нему и сказала такие стихи:

Возвращайся-ка обратно, о заблудший!
На свою явился ты погибель.
Я тебя клинком булатным приласкаю,
Будет смерть твоим единственным спасеньем.
Видно, ты решил, что здесь, в пустыне,
Стану я твоей добычей ныне? ¹

И вступила с ним в бой. С утра и до полудня сражались они.

Девушка мечом, как храбрый витязь, била,
Если же Хайдар ударит — то вполсилы.

Когда девушка увидела, что солнце клонится к западу, она решила пойти на хитрость и сказала:

— Ну-ка, витязь, затяни подпругу у своего коня, она ослабла!

Хайдарбек наклонился, чтобы затянуть подпругу, а девушка ударила его мечом по голове, так что меч па четыре пальца вошел в голову. И тут с лица его упало покрывало, и девушка увидела, что это прекрасный юноша. И сразу раскаялась в том, что она сделала.

Поехала обратно к своей кормилице и сказала ей так:

Няня, я мечом своим юношу убила,
Что и льва отважного превосходит силой.
А теперь раскаянье гложет и печаль,
Юношу прекрасного, смелого мне жаль.

А между тем девушка эта владела искусством врачевания. Она дала служанке хорошего снадобья. Была у нее нитка кораллов, и ее она тоже дала служанке и сказала ей:

— О служанка! Сплети из тростника корзинку, положи туда снадобье, что я тебе дала. Пойди к юноше, промой ему рану, а потом помажь снадобьем. Завяжи ему голову платком. Когда он очнется и спросит, откуда была та девушка, что нанесла ему этот нечестный удар, ты спроси сначала, как его зовут, и только после этого скажешь ему мое имя. И отдай ему эту нитку кораллов. Если он умрет — эти кораллы пойдут ему на похороны, а если выживет, то они помогут ему меня разыскать.

И служанка сплела из тростника корзинку, положила в нее снадобье и пошла к Хайдарбеку. Промыла ему рану, вылила на рану снадобье, крепко завязала голову платком.

И тогда Хайдарбек очнулся, открыл глаза и сказал:

— Служанка! Скажи мне, откуда была та девушка, что нанесла мне тот нечестный удар?

А служанка ему отвечает:

Ты скажи словами мне простыми,
Кто ты,— и ее скажу я имя.

Хайдарбек ответил ей:

Хайдарбек я. У царя в охране,
Кызылбаш, родился в Исфакане.

А служанка говорит:

Санамбар зовут ее, светило мира,
Как кумир, прекрасна дочь судьи Кашмира.
Выезжает в степь собирать растенья
Для больных, что жаждут исцеленья.

Хайдарбек услышал это и говорит:

Ты скажи красавице: мол, в судный день с тобой
Снова нам увидеться суждено судьбой.
Будешь ты за смерть мою тогда держать ответ:
Ведь от ран, что нанесла ты, исцеленья нет!

Девушка-служанка отвечает:

Вот возьми кораллы из Калтана²,
Что дороже, чем вся подать с Исфакана.
Коль умрешь — тебе на погребенье,
Жив останешься — истратишь на леченье.

А Хайдарбек сказал тогда:

Если рану эту чудом исцелю я,
Сладкого добьюсь я в губы поцелуя.
Если оживу я и здоровым стану,
Я искать возлюбленную не устану.

— Вот что ты задумал! — сказала служанка и отправилась к своей госпоже. Рассказала ей все.

А девушка каждый год проводила в этих горах по шесть месяцев, собирала чудесную траву кимийё. В этом году прошло

гнал своего коня— и наконец достиг Кашмира. И тут он сказал так:

Днем и ночью плеткою я коня хлестал,
Восемнадцать суток я в Кашмир скакал.

А Хайдарбека в Кашмире никто не знал. Едет он и видит: источник, у источника какая-то старуха наполняет водой кувшины. И тогда он говорит так:

Матушка, дай бедняку напиться,
Удели-ка мне своей водицы.
Нет пристанища мне, странник я убогий,
Я к луне пресветлой не найду дороги.

А старуха ему отвечает:

О дитя мое, мое ты чадо!
Приютить тебя старуха рада.

И Хайдарбек поехал туда, куда повела его старуха. Привязал своего коня возле ее дома, а сам вошел к ней. Старушка поставила перед ним чайник с чаем, а Хайдарбек вынул кошелек, в котором было сто туманов, и положил перед ней.

Старуха думает: «О боже, зачем он дает мне эти деньги?»

А у старухи была внучка — взрослая девушка. Старуха и думает: «Может быть, он влюбился в мою внучку? Выйду-ка я на улицу да послушаю, о чем они с внучкой будут говорить». Под каким-то предлогом старуха вышла за дверь, стоит под дверью и слушает.

Хайдарбек говорит девушке:

Где же матушка, любезная сестрица?
Почему ей дома не сидится?

А девушка отвечает:

Братец мой, как говоришь ты смело!
Бабушка ушла — а что тебе за дело?

Старуха думает: «Ее он считает сестрой, а меня — матерью. Тогда зачем дает он мне эти деньги?»

Вернулась и снова уселась в доме. А Хайдарбек бросил перед ней еще сто туманов.

Старуха и говорит:

— Сыночек, зачем ты даешь мне эти деньги?

Хайдарбек отвечает:

— Ты можешь отнести эту нитку кораллов дочери кашмирского судьи?

— Конечно, могу,— сказала старуха.— Ведь ее кормилица — моя сестра.

И она взяла нитку кораллов и, опираясь на посох хитрости, ковыляя, ковыляя, пришла во дворец дочери кашмирского судьи. Пришла она туда, девушка увидела ее и говорит ей:

— Мир тебе!

— И тебе мир,— отвечает старуха.

Села возле девушки и говорит:

— Дай, доченька, я поищу у тебя в голове.

Ну и стала она погтями почесывать девушке волосы. А потом говорит:

— Доченька! Один купец привез нитку кораллов, ты ее не купишь?

Девушка ей отвечает:

— Ну-ка, где она? Дай посмотреть!

Девушка посмотрела и видит: это ее собственные кораллы, те, что она дала Хайдарбеку. И тогда сказала старухе:

— Матушка, передай этому купцу, что теперь уже поздно. Меня просватали за моего двоюродного брата.

Старуха несолоно хлебавши вернулась домой. Пришла и говорит Хайдарбеку:

— Дитя мое, девушка говорит: мол, прошло время, меня просватали за моего двоюродного брата. Не сегодня-завтра свадьба.

И тогда Хайдарбек снова бросил ей кошелек, а в нем сто туманов. И сказал:

— Матушка, после свадьбы, когда жениха с невестой будут уводить в брачные покои, проведи меня туда.

А та отвечает:

— Если ты сбреешь себе усы и бороду, я могу это сделать.

— Я родился на свет,— говорит он,— чтобы быть мужчиной, с усами и бородой, а не для того, чтобы брить бороду и ходить безусым.

Так сказал он:

Коли сбрита у мужчины борода,
Женщиной он выглядит тогда.

Еще один кошелек с сотней туманов вытащил Хайдарбек и его тоже отдал старухе. И тогда старуха сказала:

— Как бы там ни было — а я все сделаю.

И вот настал день свадьбы Санамбар. Бьют в бубны и барабаны, дуют в карнай — свадьба идет, плешивого Гадоуси уже ведут к воде. А Хайдарбек, который тоже пришел на свадьбу, взял с собой кишмиша и орехов, раздал ребятишкам и говорит:

— Кричите все: мол, ну и ну, ну и ну, взял ты себе объедки от турка-кызылбаша!

Они так и сделали.

Плешивый Гадоуси услышал это, разозлился и решил: «Сегодня ночью я эту девушку убую».

Ну и вот, подстригли Гадоуси бороду и усы, одели его в одежду жениха, привели муллу и заключили брачный договор. Отвели их в брачные покои. Тем временем старуха надела на голову Хайдарбека белое покрывало и повела его к дворцу. Старуха вошла во дворец, сразу загасила светильник и, пока было темно, спрятала Хайдарбека в печь, а потом сразу зажгла светильник снова.

Сказала:

— Да благословит господь, — и ушла.

А Гадоуси воссел на кресле — вне себя от гнева. Его невеста — двоюродная сестра — сидит в уголке.

Мать Гадоуси говорит девушке:

— Дитя мое, твой двоюродный брат гневается, подойди к нему!

Санамбар была очень разумной девушкой, она сказала так:

Разве есть среди людей такой обычай,
Чтобы к жениху сама пришла невеста?

Ну что делать? Мать Гадоуси вышла вон, дверь закрыли, и все отправились по домам.

И вот, жених сидит в одном конце комнаты, невеста — в другом, и так они сидели, пока не наступила полночь.

Наконец девушка говорит:

— Двоюродный брат, что с тобой стряслось?

Гадоуси отвечает ей:

Вон отсюда, вон отсюда, вон отсюда,
Ты — объедок кызылбаша, ты — паскуда!
Ты невинною девицей притворялась,
На позор мне в руки ты досталась!

А девушка говорит:

Чтобы твоего здесь не было и духа,
Ты, ублюдок грязный, чья сестрица — потаскуха!
Если ты — мужчина, бей клинком как надо!
Жемчуг мой нетронутый — для тебя награда!
Если же узнаешь, что я тебе солгала,
Голову отрубишь — и то мне будет мало!

Гадоуси встал со своего места и несколько раз ударил девушку ногой по голове. Стал метаться, искать меч, но меча не нашел.

И тогда девушку обуяла тоска и она сказала так:

Эй, Хайдар негодный, где ты, где ты скрылся?
Почему ко мне на помощь не явился?
Лучше б под копытами твоего коня
Умерла, и с жалостью ты вспоминал меня.

Гадоуси услышал это и сказал:

— Так вот, значит, был у тебя дружок, вот ты его и вспоминаешь!

Хайдарбек, услышав эти речи,
Словно пламя, вырвался из печи.
Говорит ей: «Я тебя спасу,
Душу в жертву для тебя я принесу».
Санамбар в ответ ему сказала:
«Проучи-ка этого нахала!»

Хайдарбек вытащил меч и ударил плешака Гадоуси по шее. Изрубил его в куски, а девушку вывел из дома, посадил на коня, довез до развилки дорог и говорит:

— Ты езжай по той дороге, что идет направо, а я пойду попрощаюсь со старухой-матушкой.

Сошел с коня, девушка уехала, а Хайдарбек пошел в конюшню кашмирского судьи, увел оттуда тайком прекрасного коня со всей сбруей, сел на него верхом и приехал к старухе-матушке. И отдал ей все деньги, что у него остались.

Сделал это благое дело, сел на коня и поскакал. Как ни гонит коня — никак не может догнать девушку. В конце концов сошел с коня, зажег спичку, посмотрел: а следов нет, девушка по этой дороге не проезжала. Вернулся он обратно по своим собственным следам до развилки, пустился в путь по левой дороге.

А того-то я не сказал, что девушка, как только Хайдарбек

с ней расстался, попала в руки сорока разбойников, которые и повезли ее по левой дороге. Ехали они, ехали и остановились в глухом месте. И стали они тут спорить из-за девушки. Один говорит: она мне достанется, другой говорит: она мне достанется. А девушка сказала:

— Я — один человек, одному я и достанусь.

И вот так они спорили, и пока они спорили, настиг их Хайдарбек. Услышал он, что говорят разбойники, и говорит:

— Что вы спорите! Эта девушка — не безродная, не чужая всем, что вы ее так делите.

И тогда все сорок разбойников бросились на Хайдарбека, а Хайдарбек положил руку на рукоятку меча, выхватил меч и всех разбойников одного за другим отправил в ад.

Санамбар поцеловала руку Хайдарбеку и говорит:

— Да стану я жертвой за твою руку.

И они вернулись к развилке и поехали по правому пути. Наступило утро, и они остановились возле одного источника.

Хайдарбек вынул лук и стрелы и подстрелил несколько голубей. Они зажарили их, поели. Хайдарбек положил голову на колени девушке и заснул.

Оставь их там, а сам послушай немного о Кашмире. Утром мать Гадоуси подошла к дверям брачного покоя, думает: «Посмотрю-ка я, стал мой сын шахом или нет?»³

Открыла дверь и видит: Гадоуси изрублен в мелкие куски, кошки дерутся друг с другом из-за его мяса. Увидела она это и пошла к судье Кашмира. Стала рвать себе волосы на голове по одному и завопила:

— У твоей дочери был любовник! За что ты обрек моего сына на смерть?

Услышал это судья, вынул из мешочка чернильный прибор и написал приказ: собраться всем от двадцатилетних до тридцатилетних. Короче говоря, собрал большое войско. И войску этому приказал двигаться по следам дочери и Хайдарбека.

Теперь послушай о Санамбар и Хайдарбеке. Санамбар поглядела в сторону Кашмира и видит: идет несметное войско, такое, что былинки на земле сосчитать и то можно, а этому войску счета нет. И уронила она слезу на лицо Хайдарбеку.

Хайдарбек проснулся и говорит:

— Сердце мое, вера моя, почему ты плачешь? Может быть, не лежит ко мне твоя душа?

А девушка говорит:

— Душа моя с тобой, но посмотри ты в сторону Кашмира!

Хайдарбек посмотрел в сторону Кашмира и увидел, что идет огромное войско. И сказал так:

Пусть идут, ведь счет врагов неважен
Витязю, что словно лев отважен!

Тем временем войско подошло близко к ним.

Санамбар сказала Хайдарбеку:

— Я тоже пойду в бой.

Началось сражение. Девушка ощутила в себе могучую силу, выехала на поле брани и стала сражаться. Но тут кто-то из воинов бросил аркан и схватил девушку.

Хайдарбека охватил гнев, и он стал так биться, что никто не мог с ним справиться. Рассек он аркан, который накинута на девушку, и освободил ее. И хотел убить того воина, что метнул аркан. Но девушка сказала:

— Не убивай этого человека, это мой отец.

И когда она это сказала, Хайдарбек бросил аркан и пленил кашмирского судью. И судья Кашмира сказал ему:

— Дитя мое, если ты такой могучий и смелый витязь, почему ты не пришел ко мне сам? Я отдал бы за тебя свою дочь.

А Хайдарбек говорит:

— Если бы я раньше пришел в Кашмир и стал бы у тебя сватать твою дочь, ты сказал бы: «Сожгите его на костре из собачьего помета». Сейчас ты увидел мою силу, потому так и говоришь.

Ну, и судья Кашмира вернулся к тому войску, что у него осталось, и они поплелись обратно в Кашмир. И Хайдарбек вместе с девушкой поехал в Исфahan.

И тогда Хайдарбек сказал Санамбар:

— Девушка, я везу тебя не для себя, а для моего повелителя, шаха Аббаса.

А девушка ему отвечает:

— Если бы я знала, что ты везешь меня для шаха Аббаса, я бы после того, как ты убил Гадоуси, не позволила тебе перебить полвойска моего отца.

— Любовь моя, вера моя,— говорит Хайдарбек.— Когда мы достигнем Исфahана, позовем шаха Аббаса в гости. Он спросит тебя: «Девушка, кого ты хочешь в мужья — шаха Аббаса или Хайдарбека?» А ты ответь ему: «Во-первых — шах. Во-вторых — шах⁴. А в третьих — да не позволит господь ничьим хлопотам пропасть втупе». И тогда, я знаю, шах Аббас отдаст тебя мне.

Эти слова немного утешили девушку. Поехали они дальше, ехали, ехали и добрались до Исфahана.

И вот Хайдарбек устроил у себя дома пир. Устроил все как полагается и позвал шаха Аббаса. Шах Аббас пришел к Хай-

дарбеку, приветствовал его и услышал ответ. Сели они, подали кушанья, началась беседа о том, о сем, и вот Хайдарбек говорит:

— О шах, я привез с собой девушку — дочь кашмирского судьи. Что ты скажешь?

И тогда шах Аббас сказал, обращаясь к девушке:

— Девушка! За кого ты хочешь пойти — за шаха Аббаса или за Хайдарбека?

Девушка говорит:

— Во-первых — шах, во-вторых — шах, а в третьих — господь да не оставит пичьих хлопот без воздаяния.

Шах Аббас встал со своего места и поцеловал девушку в лоб. Сказал ей:

— Отныне ты — моя дочь, Хайдарбек — мой зять.

Семь суток били в барабаны, стучали в бубны, дули в карнаи — шах выдал Санамбар за Хайдарбека.

И пусть господь исполнит желания всех мусульман так, как он исполнил желания Хайдарбека.

ЛЕГЕНДЫ О РУСТАМЕ

Голос донесся с бескрайних небес, с синего купола дальних небес: «Мудрый рассказчик, дервиш-острослов не надевает на слово оков; страстным влюбленным, тоской обуянным, мчится оно фарсанг за фарсангом, ловко, как заяц, и сладко, как мед...» Шайтан приказал нам посеять табак, куришь — погибнешь, погибнешь и так! Курит Аббас, что в Иране царем, пусть себе курит, да дело не в нем... Слова — это шерсть, я же войлок валяю; слова — молоко, я же масло сбиваю. Ложь безграничная — вот мой рассказ, верблюды на блохе едет в город Шираз. Ива и тополь, сосна и чинар сладких плодов не приносят нам в дар; гранат и айва, померанец и тут сочные щедро плоды нам дают. Хлебом пусть станет вершина Ходжа, в мясную шурпу Хильменд превратится. Явился старик, чтоб шурпой подкрепиться. «Много не съест мне, — старик говорит. — Стар я, устал я, и почка болит. Съел я три сотни бараньих голов, ножек без счета — а все же не сыт!»

18. Рустам и Сухраб

В один из дней Рустам сел верхом на Рахша; ногу в стремя он продел, птицею в седло взлетел, поудобнее уселся и пу-

стился в дальний путь, о любви стихи слагая, подвиг ратный совершая. Конь стожильный мчится вдаль, жилы крепки словно сталь, ноги — мощные колонны. Чтоб иметь коня такого — я даю вам в этом слово, небосводом я клянусь, — вмиг навеки откажусь я от локонов любимой. Меч стальной, что держит он, пусть не будет занесен над головками красавиц, пусть живут и радость дарят. Люди плачут о себе — по себе Саади рыдает... ехал он, ехал и приехал на один луг.

Отпустил Рахша пастись, а сам взял лук и стрелы и пошел по степи. Шел, шел, наконец попался ему на глаза онагр. Вложил он стрелу в тетиву, выстрелил — и убил его на месте, так что тот даже не шелохнулся. Снял с него шкуру, зажарил мясо, поел. А потом положил себе под голову щит Гершаспа и захрапел во всю мочь¹.

Пусть Рустам себе спит, а ты послушай вот о чем. Приехали на лужайку несколько всадников. Рахшу приглянулась одна кобыла, и он погнался за всадниками. Пока бежал, у него лопнула подпруга и вся сбруя развалилась. В одном месте упал потник, в другом — седло, в третьем — попона. Все с него попадало. А всадники окружили Рахша и поймали его. Поймали его и поехали дальше, пока не подъехали к одному городу.

А тем временем Рустам проснулся и увидел, что Рахша и следа нет. Несколько раз он испустил клич, звал Рахша, но Рахш не откликнулся. Пошел тогда по его следам, шел, шел, видит — лежит седло. Поднял его и взвалил себе на спину. Прощел немного дальше, видит — лежит потник, и его поднял. Еще дальше прошел — попона валяется, поднял и ее. Взвалил все на спину и идет себе.

Пусть он себе идет, а ты послушай несколько слов о царе того города. У этого царя была дочь — девушка-витязь. Увидела она, что в город вступают всадники, видит Рахша и подумала: «Не знаю, кто хозяин этого коня, — но он, конечно, богатырь». Позвала она к себе нескольких всадников и приказала им:

— Отправляйтесь и разыщите хозяина этого коня.

А про себя подумала: «Когда он придет, я померюсь с ним силами».

Всадники отправились на поиски, ехали, ехали и видят: идет гора, а на ней другая — это Рустам, а сбруя конская на спине у него на гору похожа. Кажется, что до него совсем близко, — а на самом деле он еще далеко.

Приветствовали его всадники, услышали ответ и говорят: — О витязь! Что, конь уже тебя нести не может, что ты

взвалил на себя конскую сбрую? Дай-ка ее нам, мы ее понесем, ведь твой конь — у нас в городе.

Сбрую Рахша навьючили на нескольких лошадях, на несколько лошадей хватило груза. Двинулись они в путь, шли, шли, вошли в город. А там — вах, вах! — все удивляются Рустаму.

Хотели Рустама отвести во дворец, напоить, накормить, а он говорит:

— Пока не увижу Рахша, есть и пить не буду, ни хлеба, ни чаю в рот не возьму.

Повели его тогда на конюшню и показали ему, где Рахш стоит. Рустам подошел к Рахшу, схватил его за челку и дал ему хорошую затрещину. А Рахш говорит ему в ответ:

— Ты двенадцать месяцев в году волочишься за красотками, а мне и раз в году нельзя?

Ушел оттуда Рустам, повели его в царский дворец, царь устроил пир. Пустил по кругу чашу с вином, выпили они вина, потом начали беседу о том, о сем, потом царь сказал:

— О витязь, есть у меня один богатырь. Не мог бы ты померяться с ним силою, поразмять ладони?

Рустам отвечает:

— Сейчас у меня голова болит, но утром, если кто-нибудь хочет со мной побороться,— я готов.

Настало утро, надели на царевну мужские доспехи. Побрызгали ристалище водой, музыка заиграла, то да се — и вот вышли соперники на поле брани. По обычаю подали они другу другу руки, и Рустам сразу почувствовал, что у соперника что-то очень уж нежная рука.

Рустам сказал:

— О витязь, напряги все свои силы, покажи все, на что ты способен, и пусть в сердце у тебя не будет жалости!

Взяла царская дочь Рустама за пояс, но сколько ни силилась — не могла его сдвинуть с места ни на шаг. И тогда Рустам спросил:

— Ну что, показал ты всю свою силу?

— Да,— ответила она.

— Ну тогда держись,— говорит Рустам.

Схватил он ее одной рукой за пояс, поднял до небес и хотел шмякнуть оземь — но тут царь закричал:

— Эй, ты, негодный, осторожней, ведь это же девушка!

Поставил он ее тихо на землю, и девушка поцеловала Рустама руку.

Рустам тотчас попросил у царя руку его дочери, и тот согласился. Семь суток били в бубны и барабаны, играли на сазах

и карнаях — царь отдал свою дочь в жены Рустаму. Но Рустам никому не сказал: мол, я и есть тот самый знаменитый Рустам.

Провел он там некоторое время, а потом говорит своей жене:

— Мне пора уходить отсюда, я уйду.

Она ему отвечает:

— У меня твое дитя во чреве, что мне делать с ним, когда оно родится?

Рустам снял с руки браслет, дал его жене и говорит:

— Если родится дочь — продай браслет и деньги потрать на нее; если же родится сын — одень ему на руку и пошли его в Забулистан².

Потом Рустам привел своего коня, так затянул у коня подпруги, что конь издал глубокий вздох. Ногу в стремя он продел, птицею в седло взлетел, поудобнее уселся и пустился в дальний путь, о любви стихи слагая, ратный подвиг совершая... Несколько суток без передышки гнал он коня, пока не достиг Забулистана.

Ну, пусть Рустам остается себе в Забулистане, а ты послушай несколько слов о жене Рустама.

Когда исполнилось девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут — она родила сына, которого назвали Сухраб.

Не стану затягивать свой рассказ на месяцы и годы — вырос Сухраб, исполнилось ему шесть лет, а потом и семь. И вот однажды играл он с детьми в бабки и с такой силой бросил бабку, что разбил ногу сыну везира. Везир, как узнал об этом, начал кричать, пошел к царю и сказал:

— О царь, твой внук Сухраб разбил бабкой ногу моему сыну.

— Дети и есть дети, — говорит царь. — Они играют, что я могу поделаться?

Когда Сухрабу исполнилось двенадцать-тринадцать лет, ребята стали его дразнить: мол, у тебя и отца-то нет.

Сухраб пошел к матери и спросил:

— Мать, где мой отец?

Она ему сказала, показывая на своего отца:

— Вот этот человек, что ты видишь перед собою, и есть твой отец.

— Нет, — сказал Сухраб, — это твой отец, это не мой отец.

Так они препирались до тех пор, пока она ему не открыла, что отец его в Забулистане.

— Отправляйся туда, если хочешь его видеть, — сказала она.

У Сухраба был дядя — брат матери. Дядя вызвался помочь ему. Собрали они вместе с дядей дружину, отпросились у царя и двинулись в путь.

Пусть они себе едут, а ты послушай несколько слов о матери Сухраба.

Мать Сухраба падела мужскую одежду, села на коня и быстро поехала вперед окольной дорогой. В одном узком ущелье преградила Сухрабу путь; а на лицо опустила забрало, чтоб он ее не узнал.

Сухраб подъехал и видит: на дороге стоит витязь, загородил дорогу.

— Чего ты хочешь, о витязь? — спрашивает он.

— Я хочу померяться силами с одним из ваших витязей, — отвечает тот.

Ну, кроме как с Сухрабом меряться силами ей в этом войске было не с кем. Но и Сухраба в два захвата подняла она в воздух и шмякнула оземь. И тут подняла забрало, и он понял, что это его мать.

— Возвращайся назад, нет еще в тебе силы твоего отца, — говорит мать.

Так она вернула его с дороги.

Прошел год, и снова вознамерился Сухраб пойти на розыски своего отца. Собрал дружину, тронулся в путь — а мать снова подстерегла его в том узком ущелье. На этот раз уже Сухрабу удалось оторвать от земли свою мать и швырнуть оземь. Тогда она сказала:

— Ну, теперь можешь отправляться, теперь есть в тебе сила Рустама.

Мать вернулась обратно в город, а Сухраб отправился дальше в путь. Ехали они, ехали и подъехали к замку. Сухраб приказал всем сойти с коней, они разбили здесь свои шатры и палатки. Разошлись все по своим шатрам и палаткам — и отдыхают. И тут Сухраб увидел, что из замка вышла девушка с кувшином в руке, идет за водой. Тогда Сухраб говорит своему дяде:

— Пойди схвати эту девушку за руку и приведи ко мне в шатер!

Дядя говорит:

— Племянник, много есть хороших девушек, много красивых женщин, но ведь это не дело, чтобы я всякий раз хватал и приводил их к тебе!

— Я сказал тебе, — отвечает Сухраб, — возьми ее за руку и приведи! А нет — получишь от меня затрещину!

Дядя испугался, мол, не убил бы он меня, пошел, взял де-

вушку за руку и привел в шатер к Сухрабу. Сухраб взял ее в жены по мусульманскому обряду и овладел ею.

Провела эта девушка у него в шатре одну-две недели, а потом он наполнил девушке кувшин драгоценностями и сказал:

— Иди!

— Куда же я пойду? — говорит девушка. — Ведь у меня во чреве твое дитя!

У Сухраба был драгоценный браслет, он снял его с руки и дал ей со словами:

— Если родится девочка — потрать на нее, а если родится сын — одень ему на руку и отправь в Забулистан.

После этого дядя повел Сухраба дальше, достигли они города, где царствовал Кей-Кавус. Разбили вокруг города шатры и палатки, окружили город, начали осаду. А Рустама-то в городе нет, там только витязи из его дружины. Сухраб каждый день сражается с витязями Рустама, каждый день двоих-троих берет в плен. Не убивает их, а просто берет в плен. Так пленил он сорок витязей Рустама.

До Рустама дошел слух: дескать, что ты раздумываешь, о Рустам, город Кей-Кавуса осадил юноша-богатырь. Он уже пленил сорок твоих витязей. Услышал эту новость Рустам и от неожиданности уронил чашу с вином весом в семь с половиной манов, что была у него в руках. Немедля возложил усыпанное драгоценными камнями седло на Рахша, птицею в седло залетел, ногу в стремя он продел, поудобнее уселся и пустился в дальний путь, о любви стихи слагая, подвиг ратный совершая... К вечернему намазу достиг города царя Кей-Кавуса и разбил возле города свой шатер с бубенцами³.

Разбил он свой шатер с бубенцами, а дядя увидел это и говорит Сухрабу:

— Вот этот шатер с бубенцами — видишь — разбил твой отец, Рустам.

А на дворе уже темнело, наступал вечер. Сухраб подумал: «Завтра пойду посмотрю на отца».

А когда наступила полночь, то Рустам решил пойти посмотреть, как там его витязи в плену у Сухраба, не болен ли кто из них и не нужно ли его вызволить оттуда.

Сначала подошел к шатру Сухраба, провертел дырочку и видит: сидит там такой прекрасный юноша, что и сестры для него не жалко.

«Да стану я жертвой того отца, что имеет такого сына», — подумал Рустам.

И все стоит, смотрит на него, никак не может оторваться. Целый час стоял, все глядел на лицо Сухраба. А потом пошел

к тому шатру, где Сухраб держал пленных витязей. Увидел, что один из них болен. Взял его, взвалил на плечи и отправился к себе. Идет, видит: в темноте какая-то тень движется мимо: это дядя Сухраба как раз вышел из шатра. Дядя Сухраба увидел, что что-то чернеется, и спросил:

— Эй, кто ты?

Рустам молчит.

Дядя опять спросил:

— Эй, тень, кто ты?

Рустам опять молчит.

Тогда дядя Сухраба подскочил к нему, схватил его за руку и хотел ему руку вывернуть, а Рустам дал ему затрещину, из того и дух вон. Мертвый упал.

Утром Сухраб проснулся, вышел из шатра, видит: дядя лежит убитый. Понял, что это дело рук либо самого Рустама, либо кого-то из его витязей.

Был у Сухраба конь Гульранг. Сухраб возложил на него осыпанное драгоценными камнями седло, птицею в седло взлетел, ногу в стремя он продел, поудобнее уселся и выехал на поле брани. Пока Рустам успел опомниться, Сухраб уже убил десять-двадцать из его витязей в отместку за смерть своего дяди.

Тогда на ристалище вышел Рустам и говорит:

— О витязь, зачем ты посеял такое смятение между людьми? Что это за шум?

А Сухраб ему отвечает:

— Не грози мне, не боюсь я твоих угроз.

Так — слово за слово — отстегнули они ремни у палиц, взяли в руки палицы и начали биться друг с другом. Бились-бились — но ни один из них не смог одержать верх. И тогда сошли они с коней, схватили друг друга за пояса и стали бороться. С такой силой они друг друга тянули, что если б гору Альвард с такой силой потянули, то с корнем бы ее вырвали, но никто из них не одержал победы.

Так они боролись несколько суток, в конце концов помянул Сухраб единого господя, поднял Рустама ввысь и ударил оземь. Выхватил кинжал, чтобы всадить в живот Рустама, и тут Рустам сказал:

— Витязи на первый раз дают побежденному отсрочку.

А Сухраб спросил его:

— Скажи мне — ты Рустам? Ты родня Рустама? Ты сын Рустама, брат Рустама? Кто ты Рустаму? Скажи, есть ли в тебе родительская любовь ко мне? Скажи мне правду, что ты за человек?

Рустаму было стыдно сказать своему победителю правду, и он ответил Сухрабу:

— Я не только не из родственников Рустама, но даже не из его слуг.

Сухраб вернулся в свой шатер, а Рустам направился в горы, к источнику — стыдно ему было возвращаться к войску. Подошел он к источнику, совершил омовение, прочитал намаз и обратился к богу с мольбой:

— О боже, о господи, дай мне силу сорока слонов, она мне пужна ныне!

Молился он, молился, пока в руки его не вошла сила сорока слонов. Таким он стал тяжелым, что по колена вошел в землю.

Прошла ночь, и снова Рустам вышел на поле брани. Испустил боевой клич, Сухраб услышал его и подумал: «Я же вчера его победил! Зачем он снова пришел?» Вышел на ристалище, подошел к Рустаму и спросил его:

— О витязь, я же победил тебя вчера, чего ты еще хочешь?

А тот ответил:

— Вчера — это не в счет, давай поборемся сегодня.

И вновь они начали бороться. Шесть суток боролся Сухраб с силой сорока мощных слонов, а на седьмой день Рустам поднял Сухраба в воздух и ударил оземь. Вынул меч Сама, что весил сто манов, и вонзил ему в печень.

И закричал Сухраб:

— Вероломством своим ты победил меня! Но знай, если ты даже станешь рыбой и уплывешь в море — мой мститель найдет тебя. И если бы ты стал звездой — он сорвал бы тебя с неба!⁴

Рустам спросил:

— Кто же за тебя будет мстить?

— Мстить за меня, — отвечает Сухраб, — будет Рустам. Рустам, сын Заля, Заля, сына Сама, Сама, сына Наримана, хозяин шатра с бубенцами.

— А чем ты это докажешь? Есть у тебя какой-нибудь знак? — спрашивает Рустам.

— Да, есть, — отвечает Сухраб. — Его браслет у меня на руке.

И испустил дух.

Посмотрел Рустам — а это его собственный браслет на руке у него надет. И стал он себя бить, и посыпал себе голову прахом, и рвал на себе волосы. Тотчас послал он человека к Кей-Кавусу, чтобы тот прислал целебного снадобья. Посланец вернулся с пустыми руками — дескать, Кей-Кавус не дал снадобья. Рустам в гневе бросился сам к царю, выхватил меч и

хотел ударить Кей-Кавуса. А Кей-Кавус сидел на престоле, и Рустам сказал:

— Я разрубил бы этот трон вместе с тобой на четыре части, если бы не был это трон Сулеймана. А трон Сулеймана разрубить я не могу.

И тут он услышал голос:

— Рустам, если ты будешь сорок дней носить Сухраба на своих плечах — бог снова даст ему душу!

Изготовили сундук, положили тело Сухраба в сундук. Взял Рустам сундук на плечи и день и ночь таскал на себе. Так таскал тридцать восемь дней. На тридцать восьмой день Кей-Кавус опять замыслил недоброе дело. Он позвал к себе одну старуху и сказал ей:

— Возьми черный палас и отнеси к такому-то броду, куда Рустам каждый день приходит пить воду. Принеси его туда в полдень и начни стирать. Рустам скажет: «Этот черный палас белым не станет, сколько ни стирай». А ты ему и скажи: «Если этот черный палас белым не станет — то и мертвый не оживет». Вот так.

Ну, эта старуха взяла черный палас и пошла к тому броду, куда Рустам приходил в полдень пить воду. Стала мочить палас, стирает его понемногу. Рустам в самое жаркое время — в полдень — пришел туда пить воду и — ох, лучше бы ты и не спрашивал и не слушал бы, что дальше было, уходил бы отсюда! Возьми да и спроси он старуху:

— Эй, старуха, что, этот черный палас станет белым, что ли, если ты его будешь стирать?

А она отвечает:

— Если черный палас белым не станет, то ведь и мертвый живым не станет.

Только она это сказала — сердце у Рустама дрогнуло, сел он на землю и сундук поставил. И как только он его поставил, Сухраб из сундука говорит:

— Отец, ты второй раз вонзил мне кинжал в сердце.

Так и умер Сухраб. Надел Рустам саван на Сухраба, похоронил его — закопал в землю. А войско его отправил назад. Все воины надели черные одежды и отправились восвояси, в город, где жила мать Сухраба.

Когда войско подошло к городу и мать Сухраба увидела, что все войско одето в черное, она сразу поняла, что Рустам убил Сухраба. Надела она богатырские доспехи, привязала к поясу меч и отправилась с войском назад, в город Кей-Кавуса.

Дошла тут до Рустама весть: мол, мать Сухраба с войском идет по твою душу, а ты, мол, сидишь здесь без дела.

Тогда Рустам позвал к себе свою сестру — ее звали Гисйабану — и сказал ей:

— Возьми Коран и поклянись ей на Коране: мол, Рустам убил его нечаянно. Мол, откуда он мог знать, что это его сын? Никто ведь не убивает своих детей!

Сестра Рустама взяла Коран, вышла вперед к жене Рустама и все сделала, как ей приказал Рустам. Объяснила ей, что Рустам не знал, с кем сражается, потому и убил Сухраба. Кто же станет убивать своих детей?

И жена Рустама простила ему его вину.

19. Барзу

Пусть себе они остаются там, а ты послушай несколько слов о жене Сухраба. О той девушке, которую он встретил возле стен замка, той, чей кувшин он наполнил драгоценностями.

Когда прошло девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут, бог дал ей сына. Назвали его Барзу.

Не будем затягивать рассказ на месяцы и годы — Барзу вырос, исполнилось ему лет двенадцать, и дед его, отец девушки, — он был военачальником в том городе — сделал ему такую лопату, что сразу загребала три харвара земли. Стал он этой лопатой копать землю, занялся крестьянским делом.

Однажды мимо этой крепости проезжал Афрасиаб. Увидел он, что какой-то крестьянский парень копает землю — за один раз загребает три харвара земли, бросает в сторону на три фарсанга. Подумал Афрасиаб: «Наверно, такому по плечу и с Рустамом сразиться». Тотчас позвал к себе одного-двух всадников и сказал:

— Идите к нему, скажите: мол, ты нужен Афрасиабу, он зовет тебя к себе.

Ну, двое этих всадников подъехали к Барзу, не сказали ему ни «Мир тебе», ни «Бог в помощь», а сразу:

— Идем с нами, тебя зовет Афрасиаб.

А Барзу их и не слушает — копает себе землю. Потом один из всадников еще раз говорит:

— Эй, братец, тебя к себе Афрасиаб требует.

Как только он это сказал, Барзу рассердился, схватил за хвост одного из коней, раскрутил над головой и ударил по другому так, что всех четверых — и коней и людей — отправил в ад.

Узнал об этом Афрасиаб и еще раз подумал: «Да, такой может справиться с Рустамом».

Позвал своего везира и сказал ему:

— Теперь ты иди к этому парню. Только повежливей, уговори и приведи.

Везир Афрасиаба пришел к Барзу и начал повторять:

— Мир тебе, с богом, мир тебе, с богом, мир тебе... Юноша, пойдём со мной, тебя зовет Афрасиаб. Он просил тебя прийти всего на десять минут или там на полчаса, а потом ты снова пойдешь восвояси.

Барзу говорит ему:

— Ладно, я пойду, но если Афрасиаб меня обманет, я пуцу в ход лопату и сразу убью десять-двадцать человек.

Пошел вслед за везиром, пришли они к Афрасиабу.

Афрасиаб и говорит ему:

— Парень, попусту тратишь ты свою молодость, землю копаешь. Служи лучше у меня, я тебя сделаю главным над сотней всадников.

— У меня есть мать, я спрошу у своей матери. Если мать позволит мне стать твоим слугой — ладно, если не позволит — не буду служить тебе,— отвечает Барзу.

— Ладно, иди спроси у своей матери,— говорит Афрасиаб.

Барзу пришел к своей матери и рассказывает ей:

— Мать, есть такой царь, его зовут Афрасиаб. Он проезжал мимо, когда я копал землю, позвал меня к себе и сказал: «Будь моим слугой, я сделаю тебя старшим над сотней всадников». Как мне быть — согласиться или нет?

— Что же,— отвечает мать.— Греха в этом нет. Когда будешь служить ему, то, если сможешь, убей Рустама. Но только с потомками Рустама и его родичами дела не имей, их не трогай.

Удивился Барзу, подумал: «Почему она так говорит?» Но ничего не сказал.

Пошел к Афрасиабу и стал ему служить. Шесть месяцев обучали Барзу искусству держать палицу, метать дротик, стрелять из лука, бросать аркан — всему, что нужно воину уметь.

И вот однажды случилось так, что сошлись на поле брани войско Афрасиаба и войско царя Кей-Кавуса. И сошлись на поле боя Барзу и Рустам, чтобы сразиться в поединке.

Рустам сказал:

— О витязь, право первого удара я даю противнику, бей, и пусть в сердце твоём не будет жалости.

Сердцу моему знаком меча удар,
Только Искандару равен Искандар,
Битвой двух героев наш да будет бой,
Словно львы сразимся, витязь, мы с тобой.

Не бывало равных мне на поле брани,
Хил ты — как росток, что, обреченный, вянет.

— Пошевеливайся, чтоб я тебя убил скорее, ведь есть у меня сто других дел!

Славный Барзу ответил ему:

— Не пугай меня, я не боюсь твоих угроз!

Рустам прикрывшись щитом, а славный Барзу метнул палицу в Рустама и с такой силой ударил его по колену, что Рустам охромел на одну ногу.

И сказал Рустам:

— О юноша-богатырь!

— Что? — спросил Барзу.

— Дай мне до завтра передышку.

Барзу согласился. Барабанный бой возвестил о конце битвы, Рустам вернулся в свой шатер, Барзу — в свой. Афрасиаб спросил Барзу:

— Что случилось?

— Передышка до завтра, — ответил тот.

— Ты должен был убить его сегодня! Зачем ты отложил это до завтра? — говорит ему Афрасиаб. — Ну, а теперь уж ничего не поделаешь!

А Рустам позвал своего сына Фарамарда и говорит:

— Я сразился с тем витязем, и он нанес мне удар палицей по колену так, что я охромел. Никому еще не удавалось сделать этого, а сделать это мог только богатырь из моего рода, кто-нибудь из моих потомков. Я хочу, чтобы ты сразился с ним, но не убивай его, поймай его арканом — плени его так или иначе, с помощью какой-нибудь уловки. Смотри только не убивай его — ведь я и так уже все глаза проплакал по Сухрабу.

— Ну ладно, увидишь сам, как я с ним завтра поступлю, — говорит Фарамард.

Утром сын Рустама Фарамард сел на коня Гульбранга и выехал на ристалище. Объехал ристалище и остановился, ждет соперника. Тут выехал на ристалище Барзу и спрашивает:

— А где вчерашний богатырь?

Фарамард ему отвечает:

— А что тебе за дело? Вот я, я и есть вчерашний богатырь. Я что, кажусь тебе недостойным того, чтобы со мной сразиться?

Барзу стал приглядываться к Фарамарду, сравнивать его с Рустамом, а Фарамард тем временем бросил аркан, поймал арканом Барзу, подтащил к себе и связал.

Пленил он Барзу и так победил войско Афрасиаба. Ведь

главным богатырем в его войске был Барзу. А раз Барзу не было — некому было сражаться с Рустамом и Фарамардом. И все войско в страхе разбежалось, а Барзу остался в плену.

Пусть себе Барзу остается в плену, а ты послушай несколько слов о его матери. До матери Барзу дошла весть, что сын ее в плену у Рустама. И тотчас она решила пойти в город Кей-Кавуса, чтобы освободить Барзу.

Барзу был в темнице, и была к нему приставлена служанка, которая варила ему пищу. Мать Барзу разыскала служанку, сказала ей, что она мать Барзу, и стала ее уговаривать: дескать, освободи моего сына, и тогда я отдам его тебе.

Ну, служанка согласилась и освободила Барзу. И все они трое — служанка, Барзу и его мать — уехали из города.

Наутро Рустам смотрит — ни Барзу нет, ни служанки, которая ему готовила и носила пищу. Сразу понял, в чем дело, и вместе с войском бросился в погоню. Ехали они, ехали и вот в одной степи видят — стоит шатер. Поняли они, что это шатер Барзу. И вызвал Рустам Барзу на бой.

Тем временем сын Афрасиаба проезжал мимо, возвращаясь с охоты. Увидел, что стоит шатер Барзу, подъехал к шатру с двадцатью всадниками. Барзу пригласил его в шатер и крикнул Рустаму:

— Рустам, нам нечего есть накануне боя!

Рустам ответил:

— У меня есть все что нужно, вам приготовят сытный обед!

И велел своему повару приготовить для них хороший обед.

А повар думает: «Сколько мы будем сидеть здесь, в голой степи из-за этого Барзу! Отравить бы их всех, чтобы они умерли, а мы поехали домой!» Посыпал все кушанья сверху ядом, велел отнести в шатер Барзу. Принесли обед, Барзу, сын Афрасиаба и несколько его слуг сидят, ждут. Когда принесли кушанья, сын Афрасиаба говорит:

— Не ешь пищу, которую готовил враг!

Взял кусочек, бросил щенку, который тут же вертелся у их ног. Щенок проглотил этот кусок и сразу сдох. Тогда Барзу вышел из шатра и закричал:

— Эй, вероломный Рустам! Ты не можешь победить людей в честном бою, так хочешь убить их своим коварством! Ты дал нам отравленную пищу!

И еще много чего сказал он Рустаму — все, что накопилось у него на сердце.

Услышал это Рустам, позвал к себе повара и тотчас убил его. А потом велел дать Барзу рису, баранов — всего, что нужно для еды, и сказал:

— Зарежьте сами себе баранов, сами сварите себе еду и ешьте. Утром же готовьтесь к бою.

Зарезали они сами баранов, приготовили себе плов и поели.

Наступило утро, Рустам и Барзу вышли на поле боя.

— Как ты хочешь сражаться со мной? — спросил Рустам.

— Хочу бороться, — ответил Барзу.

Схватились Рустам и Барзу и начали бороться. Семь дней и ночей продолжалась схватка. Барзу одолевал Рустама, но к концу седьмого дня Рустам поднял Барзу и так швырнул его оземь, что тот в землю вошел. Вытащил меч, чтобы вонзить в печень Барзу. А тут мать Барзу крикнула из шатра:

— Что ты делаешь! Ты хочешь извести семья Сухраба?!

И как только она это крикнула, Рустам отбросил меч Сама весом в сто манов на один фарсанг в сторону, подошел и поцеловал Барзу в лицо и в грудь.

Барзу встал, выхватил кинжал и пошел к матери, говоря:

— Зачем ты сделала так? Ведь я мог убить своего деда! Ведь это битва, мы бы могли не узнать друг друга!

И Рустам сказал:

— Не позвала бы ты меня, не сказала бы, что мой соперник — сын Сухраба, быть бы ему мертвым! Хорошо, что хоть в последний миг ты назвала его!

И добавил, обращаясь к Барзу:

— Не убивай ее, ведь это твоя мать!

Барзу послушался, а Рустам отдал ему за кровь отца Рахша, меч Сама весом в сто манов, щит Гершаспа и шлем.

Узнал об этом Фарамард, сын Рустама, и затаил злобу. Думает: «Все это должно было достаться мне! Зачем он это ему отдал?! И кто знает, сын он Сухраба или нет!»

А Рустам понял, что Фарамард затевает недоброе. Позвал к себе Гива и сказал ему:

— Уведи Барзу отсюда хоть на десять дней или на месяц. Разведи их с Фарамардом, чтобы они друг друга не видели.

Фарамард узнал об этом, позвал Гива к себе и говорит:

— Веди Барзу прямо к войску Афрасиаба. Тот его сразу убьет, отомстит ему за разгром своего войска.

Гив пошел к Барзу и говорит ему: мол, здесь голая степь, ничего нет, поедем вместе со мной, я отведу тебя в хорошее место. Барзу согласился, и они поехали. Ехали, ехали, и вдруг видит Барзу: перед ним войско; и догадался он, что это войско Афрасиаба. Он это понял и закричал:

— Эй, Гив, негодяй, куда ты меня привел?!

Услышал это Гив, повернул коня и поскакал прочь во весь

опор. Барзу погнался за ним вслед, но сколько ни погонял Рахша, не мог Гива догнать — такой у него был резвый конь.

Гив скрылся, а Барзу поехал по степи куда глаза глядят. Ехал, ехал, ехал и к вечеру подъехал к какому-то городу. Смотрит: а городские стены из железа, сверху донизу все из железа. Подъехал к воротам, постучал в них, откликнулся старик-привратник. Барзу сказал ему:

— Эй, страж, открой мне ворота, я чужестранец!

Тот отвечает:

— Эти ворота открыть нельзя. Вот уже семь лет, как город в осаде и ворота города никому не отпираются.

— Ты все же открой,— говорит Барзу.

— Нет, не могу! Таков приказ царя,— отвечает страж.

— Ну просунь тогда в щель руку!

— Нет, богатырь, если я просуну руку, ты ударишь мне по руке или отрубшь ее!

— Клянусь богом, нет, я не трогаю стариков!

Старик-страж поверил Барзу и протянул руку. А Барзу сунул руку в карман, вынул оттуда горсть золотых монет, дорогих жемчугов и лалов и высыпал в ладонь старику.

Деньги проклятые, все зло из-за них! Увидел сторож деньги — и открыл ворота. Барзу въехал внутрь, слез с коня, старик-привратник взял Рахша под уздцы и спрашивает Барзу:

— Сколько корму задать твоему коню?

— Сто манов соломы, сто манов клевера, сто манов ячменя — всего три харвара.

Отвел старик Рахша в конюшню, велел принести сто манов соломы, сто манов клевера, сто манов ячменя, высыпали перед Рахшем, огромная куча получилась — высотой с дом!

Потом старик спросил у Барзу:

— Ну а сам-то ты что будешь есть?

— Что имеешь, то и неси, то я и буду есть,— отвечает Барзу.

Сторож пошел к повару, взял у него три подноса с пловом — из самых больших подносов,— велел трем носильщикам взять их на плечи и нести к Барзу. Те принесли к нему подносы с пловом, он приказал им:

— Поставьте их здесь, а сами по стойте рядом. Я поем, потом унесете подносы.

Барзу взял одну пригоршню риса, слепил из нее комок, съел; другую, третью... пять пригоршней слепил, съел — плов и кончился. Потом взял подносы, свернул каждый из них в трубочку толщиной в фитиль, отдал носильщикам и говорит:

— Теперь можете уносить!

А они ответили:

— Что ты сделал! Повар нас убьет! Что ты сделал с подносами!

Барзу взял подносы, снова разогнул их, так, что они стали плоскими, как раньше, отдал им, они ушли.

Настало утро, Барзу попил чаю и вышел пройтись по городу. А за домом старика-привратника был сад царской дочери. Барзу увидел, как она прогуливается по саду, нюхает цветы, увидел девушку, каких нигде не сыщешь, девушку, каких одна на тыщи: легкость ветерка в изящном стане, взгляд — как будто у китайской лани; как фисташка, губы чуть раскрыты, кудри шелковые кольцами завиты — сто красот у ней и тысяча достоинств. Стоит шаг ступить ей — все в восторге перед нею тотчас замирает, лишь на мир посмотрит — он немедля за себя стыдиться начинает...

Не одним сердцем, но тысячью сердец влюбился в нее Барзу. Вернулся домой и спрашивает сторожа:

— Отец, скажи, чья это девушка гуляет там в саду?

Сторож отвечает:

— Это дочь царя.

Барзу спрашивает:

— А не отдадут ли ее за меня, если я посватаюсь?

— Отдадут, — говорит сторож, — но только если ты выполнишь одно условие царя.

— Какое?

— Вон на той горе за городом живет дракон. Вот уже семь лет никто не может выйти из города — он всех пожирает. Семь лет город в осаде, никто наружу не выходит, даже сеют и пахнут внутри города. Если сможешь убить дракона — царь отдаст тебе и свою дочь, и полцарства в придачу.

А Барзу думает: «На что мне его полцарства, пусть отдаст дочь, и этого хватит».

— Пойдем, — говорит он старику, — к царю, посватаем за меня его дочь.

— Ладно, — отвечает привратник.

И вот они отправились в царский дворец. Пришли к царю, и как только царь увидел Барзу, велел принести для него стул и пригласил его сесть. Барзу сел на стул, и стул сразу развалился. Тогда царь говорит:

— Принесите булатный стул.

Принесли булатный стул, Барзу сел на него. Пустили чашу с вином по кругу, стали пить вино, а потом начались беседы, шутки, разговоры.

Вот Барзу и говорит:

— О царь, не примешь ли ты меня в сыновья?

Царь отвечает:

— Я согласен, но вот в чем трудность: уже семь лет как мы не выходим за городскую стену. Там на горе появился дракон, он не дает никому выйти из города. Если ты убьешь его, то и дочь тебе отдам, и царство.

Барзу говорит:

— Я убью его, но дай мне кого-нибудь, кто показал бы мне, где он живет.

Царь позвал одного из своих рабов и говорит ему:

— Эй, раб, пойди и покажи этому богатырю место, где живет дракон.

Барзу и раб пошли в конюшню. Барзу оседлал Рахша, сел на него — и они потихоньку двинулись в путь. Раб идет впереди, Барзу следом. Вышли из городских ворот, шли, шли, пока не подошли к горе. А из горы дым идет. Раб и говорит:

— Вот этот дым видишь, словно из кузнечного горна, — это дракон дышит.

Остановились они возле одного источника. Барзу сошел с коня, привязал его возле источника и говорит рабу:

— Ты оставайся здесь, рядом с конем, и слушай. Когда я первый раз издам клич — знай, что я увидел дракона. Второй раз закричу — значит, начал бой с драконом. Когда закричу в третий раз — ты поймешь, что дракон убит. Если же ты не услышишь третьего крика — значит, дракон проглотил меня. Тогда садись на коня и поезжай в город.

И ушел. И вот он видит дракона и издает первый клич, подобный кличу Али. Дракон пошевелился. Барзу вытащил меч Сама весом в сто манов, испустил второй клич. Дракон разверз пасть и стал изрыгать огонь, а Барзу вонзил в пасть дракону меч, да так, что тот вышел у дракона через хвост, разрезал дракона на две половины. И тут Барзу испустил третий клич — и упал без чувств. Вся его одежда вспыхнула от огненного дыхания дракона.

Услышал раб все три клича, поднялся наверх, видит: и вправду Барзу разрубил дракона на две части, а сам лежит без чувств, и одежда на нем пылает. Снял он с себя рубашку, намочил ее в источнике — ведь ведра у него не было — и погасил горящую одежду Барзу.

И тут Барзу пришел в себя и говорит:

— Эй, раб, иди отнеси царю радостную весть — пусть он вознаградит тебя за нее. Скажи: дескать, Барзу убил дракона. Пусть он даст одежду для меня, эта вся сторела, и принеси ее сюда.

Этот черный раб сел на Рахша, отправился к царю. Явился к царю и говорит:

— Радуйся, о царь, дракон убит. Его убил Барзу. Пришли ему новые доспехи, старые спалил своим дыханием дракон.

Царь дал ему богатырские доспехи. Велел открыть все ворота города — дескать, теперь некого бояться. И сам решил поехать посмотреть на убитого дракона.

Ну, пока он собирался, Барзу выпотрошил дракона и набил его шкуру сухой травой. Десять харваров травы туда поместилось. Со стороны казалось, будто дракон живой.

Приехал царь со свитой, увидел, что дракон живой, и говорит Барзу:

— Дракон живой, ты не убил его.

Барзу ответил:

— Да нет, это просто чучело, я собрал в шкуру дракона травы для своего коня.

Тут раб отдал Барзу доспехи, Барзу надел на себя новые доспехи, взвалил чучело дракона на круп Рахша, сел верхом, и все поехали.

Ехали они, ехали и приехали в город. А ворота все открыты, народ из города валит наружу.

Ну и тут царь отдал за Барзу свою дочь. Семь дней и ночей гремела музыка, били в барабаны, трубили в трубы — играли свадьбу. А после свадьбы Барзу остался жить там.

Прошел месяц, приходит Барзу к царю и говорит:

— Отпусти меня, я поеду.

А царь ему отвечает:

— Царствуй вместо меня, я уже стар. Трон и венец — пусть все будет твое.

Барзу отвечает:

— Бог создал меня не царствовать, а совершать богатырские подвиги.

И царь отпустил его.

Сказал Барзу своей жене, что он уходит, а жена его и говорит:

— Ты уйдешь, а у меня во чреве твое дитя. Что мне делать с ним?

Барзу снял со своей руки браслет, дал его жене и говорит ей:

— Если родится девочка — продай, деньги истрать на нее; если же мальчик — надень ему на руку и отправь его в Забулистан.

Барзу затянул подпругу у коня так, что тот издал глубокий вздох. Птицею в седло взлетел, ногу в стремя он продев, по-

удобнее уселся и пустился в дальний путь, о любви стихи слагая, ратный подвиг совершая.

Гнал коня несколько суток без передышки, пока не достиг одной лужайки. Сошел с коня, пустил Рахша пастись, а сам с луком в руках стал гулять по равнине. Ходил так, ходил, пока не попался ему на глаза онагр. Он натянул тетиву и выстрелил в него — попал в него так, что тот упал мертвым, даже не шелохнулся. Снял с него шкуру. Собрал на равнине дров, разжег костер, приготовил жаркое и поел. Положил себе под голову щит Гершаспа и заснул, издавая громкий храп.

Оставим его здесь, а вы послушайте о том, как Афрасиаб со своим несметным войском отправился на охоту. Ехали они, ехали, приехали на ту лужайку и видят: посреди лужайки пасется Рахш. Тогда Афрасиаб сказал:

— Раз Рахш здесь, значит, где-то здесь кто-то из потомков Рустама. Найдите его и окружите!

Воины Афрасиаба нашли спящего Барзу и окружили его со всех сторон, так что он оказался по одну сторону войска, а Рахш — по другую. Проснулся Барзу и видит, что вокруг него войско, да такое многочисленное, что колосья на поле сосчитать можно, а этому войску счета нет. А Рахша нет, Рахш по ту сторону войска.

Подумал Барзу: «Боже, как мне быть без Рахша, ведь пешему трудно сражаться». Встал и издал клич, подобный клику Али. Услышал этот клик Рахш и поднял голову от пастьбы. Барзу испустил второй клич, Рахш стал переступать ногами. Барзу кликнул в третий раз — и Рахш бросился в гущу войска, прямо к Барзу. И пока он добрался до Барзу, тысячу людей и коней он отправил в преисподнюю.

Барзу затянул у коня подпругу так, что конь издал глубокий вздох. Птицею в седло взлетел, ногу в стремя он продел, поудобнее уселся и таким богатырем вылетел на ристалище, что и против ста всадников устоять может. И пропел, обращаясь к главному богатырю в войске Афрасиаба:

Сердцу моему знаком меча удар,
Только Искандара знает Искандар,
Битвою героев пусть наш станет бой,
Словно львы сразимся, витязь, мы с тобой.
Не бывало равных мне на поле брани,
Ты же — как росток, что, обреченный, вянет.

— Бей же — право первого удара я даю врагу! —

И славный Барзу прикрылся щитом.

А тот негодяй бросил свою палицу в Барзу, но Барзу благодаря своей силе и мужеству сумел отразить этот удар. И тогда Барзу сказал:

Пусть мой меч удар ответный панесет,
Так, что ты забудешь этот мир и тот!

Вытащил из ножен меч Сама в сто манов весом и так ударил мечом по пищечке его щита, что щит развалился как кусок сыра; ударил его по голове так, что конь и всадник развалились на четыре части. Бросился в гущу войска и так сражался, что из убитых громоздил холмы, из холмов складывал горы, и не было никого, кто бы мог с ним сравниться силой.

Увидел это Афрасиаб и сказал своим воинам:

— Он — один, вас — десять тысяч. Стреляйте все в него; если хоть одного из рустамовского отродья убьете — и то хорошо.

И вот полетели со всех сторон в Барзу стрелы и изранили ему все тело.

Ну, пусть он там остается, а ты послушай несколько слов о Рустаме. Спит Рустам и видит во сне, как Барзу лежит на лугу весь окровавленный, израненный стрелами. Проснулся Рустам и стал изливать свое горе, посыпать себе голову прахом. Тут пришел Джахунбахш, сын Фарамарда, и говорит:

— Что случилось, дедушка?

Рустам отвечает:

— Пойди убей своего отца и принеси мне его крови, может быть, если я выпью его крови — остынет мое сердце.

— Почему ты так говоришь? — спрашивает Джахунбахш.

Рустам отвечает:

— Барзу лежит в крови и во прахе там-то на лугу, его вот-вот убьют, он в руках врага. Ведь в этом виноват Фарамард, твой отец. Он замышлял недоброе против Барзу, из-за него я его отослал.

— Я поеду на помощь Барзу, — сказал Джахунбахш.

А Джахунбахш был такой могучий и тяжелый, что выдержать его мог только слон. И вот привели ему белого слона, он сел на него и отправился в путь. В один миг достиг он той лужайки, где лежал Барзу, и испустил воинственный клич.

Когда клич Джахунбахша достиг ушей Барзу, в Барзу словно влились новые силы, словно он и не был изранен стрелами. Снова ринулся он в бой. Барзу — с одной стороны, Джахунбахш — с другой, врубались в войско, кося всех на своем пути, пока не сошлись.

И тут Джахунбахш сказал:

— Эй, Барзу, ты отдыхай, остальное — не твоя забота.

Разбил ему тут же шатер и усадил его в шатре. А сам продолжал биться и каждым ударом палицы отправлял на тот свет десять-пятнадцать человек. И бился так, пока войско Афрасиаба не было разгромлено, а сам Афрасиаб не убежал оттуда.

Пришли туда Заль и Рустам. Пришли, взяв с собой перо птицы Симург. Вытащили все стрелы из тела Барзу. Вытащат и проведут пером птицы Симург по ране — и рана сразу заживает. Только такое у них и было лекарство, других лекарств не было. Подлечили они его хорошенько и отправились в путь воюясь.

20. Теймур

А теперь послушай о той дочери царя, что Барзу взял себе в жены, убив дракона, наводившего страх на весь город.

Когда прошло девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут, бог дай ей сына, и назвали его Теймур.

Не будем затягивать рассказ на месяцы и годы — вырос Теймур, и случилось так, что влюбился он в дочь хакана страны Чин.

Пришел к матери и говорит:

— Мать, я хочу, чтобы за меня посватали дочь хакана страны Чин.

— Ладно, — говорит мать.

Стали сватать за Теймура царевну из страны Чин, а хакан страны Чин говорит:

— Теймур, если ты убьешь Рустама, а всех потомков Рустама возьмешь в плен — тогда я отдам тебе свою дочь.

Пришел Теймур к своей матери и говорит:

— О мать, вот так говорит хакан страны Чин: «Убей Рустама, а всех потомков его возьми в плен — тогда я выдам за тебя свою дочь».

А мать отвечает ему:

— Если ты убьешь хоть кого-нибудь из рода Рустама, считай, что не я вскормила тебя своей грудью. Если захватишь в плен — посади в темницу, но никакого другого вреда не причиняй ни родичам Рустама, ни его богатырям.

— Ладно, — ответил Теймур.

А тем временем Афрасиаб-турк и хакан страны Чин сами решили выступить против Рустама и его родичей. И собрал тогда Теймур войско и пошел вместе с ними. И к ним присоединилось войско Фарамарда, который тоже отправился на вой-

ну с Рустамом: он не мог простить Рустаму, что конь Рахш, меч Сама и щит Гершаспа достались не ему.

А вместе с Рустамом выступили Джахунбахш и Барзу. И началось сражение семи войск: четыре войска с одной стороны и три — с другой.

Каждый день Теймур выходит на поле боя, и всякого богатыря, что выходит из рустамовского войска, он хватает и, оглушив ударом оземь, берет в плен.

Так он пленил шестьдесят человек из богатырей Рустама. Больше не осталось у Рустама богатырей, и отправился на битву с Теймуром сам Барзу — отец Теймура. Но и здесь Теймур одержал победу, схватил и пленил Барзу.

И тогда Рустам испугался и говорит:

— Клянусь богом, он из моего рода, ни от кого другого такой богатырь произойти не мог.

На следующее утро наступает черед самого Рустама идти на бой с Теймуром.

А в эту ночь случилось так, что Рустам Однорукий¹ проник в стан Рустама, спутал Рахшу ноги, взвалил на плечо и унес в страну Зангивар, а там отпустил.

Утром встал Рустам, собрался, чтобы идти сражаться, а Рахша нет. Что делать? Позвал он гадателей, чтобы те раскинули кости и догадались, где Рахш. Говорят Рустаму: мол, Рустам Однорукий взял Рахша, унес его в страну Зангивар и там выпустил.

Услышал это Рустам и позвал к себе Джахунбахша: дескать, Рустам Однорукий похитил Рахша, отнес его в страну Зангивар, теперь он там. Джахунбахш говорит ему:

— Ты где-то сгубил моего отца, а меня теперь посылаешь то в Иран, то в Тегеран.

— Найдется твой отец! — говорит Рустам.

А отец-то Джахунбахша — Фарамард — во вражеском войске. Сражается с Рустамом за то, что тот отдал Барзу меч Сама весом в сто манов и щит Гершаспа.

Так или иначе, сел Джахунбахш на белого слона, взял свою палицу и отправился в путь. Шел, шел, пока не достиг Моря Черепах. Каждая черепаха — величиной с верблюда и заколдована. Пока всех черепах не расколдуешь — моря этого не перейти. Взглянул Джахунбахш на чудесную каменную скрижаль, расколдовал черепах, пропустили они его через море и пошел он дальше. Шел, шел, пока не достиг страны Зангивар. Пришел к царю этой страны — а это и был Рустам Однорукий, он был в дружбе с Афрасиабом — и говорит:

— Я пришел от Афрасиаба-турка. Говорят, где-то здесь у

тебя посетят Рахш, конь Рустама. Как бы мне на него хоть посмотреть, я никогда его не видел.

Тот говорит:

— Пойди туда-то и туда-то, там конюх посетит Рахша, там на него и посмотришь.

Пошел Джахунбахш туда, куда ему указал Рустам Однорукий, смотрит: действительно Рахш посетят, а рядом с ним конюх. Он и говорит конюху:

— Ну-ка, пойди принеси седло Рахша.

Тот не посмел ослушаться — такой богатырь, да еще верхом на слоне, — пошел принес седло и всю сбрую. Джахунбахш оседлал Рахша, затянул подпругу, сел верхом на слона, а Рахша повел рядом — и пустился в обратный путь. А конюх побежал к царю страны Зангивар: мол, тот, кого ты прислал посмотреть на Рахша, оседлал его и увел вместе со всей сбруей.

Собрал царь страны Зангивар несметное войско и двинулся в погоню за Джахунбахшем. Нагнал его на полпути, и началась битва. Джахунбахш крушит палицей все, что перед ним на пути, а Рустам Однорукий забрался на гору и с горы мечет камни пращей. Кладет в пращу камни по сто манов весом и бросает. И все они попадают в Джахунбахша, никак не спастись от этой страшной пращи!

Изнемогает в сражении Джахунбахш, а тем временем Фарамарду дали знать, что сын его в беде. Фарамард тут же сел на Гульранга и погнался прямо к той горе. Как только увидел Рустам Однорукий, что приехал Фарамард на Гульранге, так сразу понял, что ему не справиться с двумя такими богатырями, и бросился в бегство. А увидев, что он бежит, побежало за ним и все войско. Так царь страны Зангивар потерпел поражение от Фарамарда и Джахунбахша. Но Фарамард не показал себя Джахунбахшу, тотчас ушел оттуда.

А Джахунбахш взял Рахша, оседлал его и поехал снова туда, где был Рустам.

Пусть он себе едет, а ты послушай про Рустама и Залю. Стали они совещаться друг с другом, как им победить Теймура. Что это за богатырь, что всех побеждает, всех берет в плен?

Решил Заль позвать птицу Симург, спросить у нее совета, разузнать, что это за Теймур, чей он сын. Сжег он перо Симург, Симург прилетела и сказала:

— Когда-то Барзу убил одного дракона, наводившего страх на целый город, и царь этого города отдал ему за это в жены свою дочь. Это — ее сын, ее и Барзу.

А Джахунбахш все еще не возвращается, и у Рустама нет коня, чтобы выйти на поле брани.

И тогда Заль сказал:

— Я сам выйду сражаться с ним, и сам ему все расскажу.

И вот вышел он на поле боя и стал бороться с Теймуром. Схватили друг друга за пояса, а Теймур говорит ему:

— Куда тебе сражаться со мной, старик!

А Заль отвечает:

— Я старик и я в гóре! Как тебе не стыдно держать в темнице своего отца Барзу, служить чужому царю, носить его одежду? Ведь ты — сын Барзу, сына Сухраба. А Сухраб — сын Рустама. С кем же ты сражаешься? Я твой предок! — И добавил: — Ну, что же ты медлишь? Убей меня!

И тогда Теймур отпустил пояс Залья и сказал:

— Я пойду скажу им, что, дескать, против меня выставили старика, я не стал с ним сражаться, завтра буду сражаться с самим Рустамом.

А Афрасиаб и хакан страны Чин наблюдали за поединком. Освободил Теймур Залья, и они все поняли. Афрасиаб сказал:

— Клянусь богом, родичи узнали друг друга, теперь из-за него мы все погибнем!

Теймур вернулся в свой шатер, и как только он вернулся, Афрасиаб и хакан страны Чин пришли к нему и спросили:

— Почему ты не сражаешься, Теймур?

Тот ответил:

— Сегодня они выставили против меня какого-то старика, я не стал с ним бороться. Завтра выйдет бороться сам Рустам, я возьму в плен самого Рустама.

Наступил вечер. Ключи от темницы, где томились пленные богатыри Рустама, были в руках у Теймура, он пошел, открыл темницу и сказал богатырям:

— Идите к себе в войско.

А сам пошел к себе в шатер и заснул. Тем временем Афрасиаб и хакан страны Чин, воспользовавшись тем, что Теймур спит, заковали его в цепи.

Наступило утро, Рустам сел на Рахша, которого уже привел Джахунбахш, выехал на поле боя и испустил боевой клич, подобный кличу Али. Услышал этот клич Теймур и издал ответный клич, да такой, что цепь, в которую его заковали Афрасиаб и хакан страны Чин, распалась на звенья.

Вышли они на поле брани, чтобы отомстить Афрасиабу и хакану. Теймур двинулся с одной стороны, Барзу — с другой, Джахунбахш — с третьей, Рустам — с четвертой. И снова началось сражение семи войск, но теперь уже Теймур сражался на стороне Рустама. И так они сражались, что Афрасиаб и хакан страны Чин потеряли свои головы в этом бою.

И тогда Фарамард закрыл свое лицо покрывалом, так что никто не мог его узнать, и выехал на поединок с Рустамом:

Рустам спросил его:

— О богатырь, как мы будем сражаться? На мечях, на палицах или будем бороться?

И они начали бороться. Семь дней и ночей Фарамард брал верх над Рустамом, но на восьмой день Рустам поднял Фарамарда и так ударил оземь, что на земле остался след. Вытащил из ножен меч Сама весом в сто манов, чтобы вонзить его в живот Фарамарда.

И тут Фарамард сразу скинул покрывало, и Рустам увидел, что это его собственный сын Фарамард. Взял его за руку, позвал Джахунбахша и сказал:

— Эй, Дажхунбахш, этот негодяй — твой отец, семь дней и ночей он боролся со мной, хотел меня убить. Уведи его отсюда. — Вложил руку Джахунбахша в руку Фарамарда и оставил их.

После этого дочь хакана страны Чин выдали за Теймура. Заключили брачный договор и сыграли свадьбу. Семь дней и ночей гремела музыка, трубили трубы, били барабаны.

И пусть так же, как бог исполнил желание Теймура, он исполнит желания всех мусульман.

21. Рустам и дивы

Однажды царь Кей-Кавус с тысячей всадников отправился за город на охоту. Выехали они на охоту, а по дороге им устроили засаду три дива: Арчанг с Харчангом и Белый Див. Они захватили в плен царя Кей-Кавуса и всю его свиту. Посадили их в глубокую яму и заколдовали так, что те ослепли — ничего не видят.

— Только тот, кто возьмет мое сердце, сварит его в воде и этим отваром проведет по глазам пленников, сможет вернуть им зрение, — сказал Белый Див Арчангу с Харчангом, а Кей-Кавус это услышал.

Сверху яму завалили огромным камнем, а сторожить яму Белый Див поставил двенадцать дивов — только они и могли поднять этот камень. А когда этим дивам хотелось есть, они вытаскивали из ямы воинов Кей-Кавуса и пожирали их.

И вот Рустаму принесли весть: мол, эй, несчастный, что же ты медлишь, царя Кей-Кавуса взяли в плен Арчанг с Харчангом и Белый Див! Когда Рустам услышал эту весть, он опрокинул чашу с вином весом в семь с половиной манов, которую

держал в руках. Тотчас возложил на Рахша украшенное драгоценными камнями седло, птицею в седло взлетел, ногу в стремя он продел, поудобнее уселся и пустился в дальний путь, о любви стихи слагая, ратный подвиг совершая. Конь стожильный мчался вдаль, жилы крепки словно сталь, ноги — мощные колонны. Чтоб иметь коня такого — я даю вам в этом слово, небосводом я клянусь, — вмиг навеки откажусь я от локонов любимой. Меч стальной, что держит он, пусть не будет занесен над головками красавиц, пусть живут и радость дарят. Люди плачут о себе — по себе Саади рыдает... Так скакал он, пока не достиг какого-то источника. Отпустил Рахша пастись, а сам взял лук и стрелы и пошел по степи. Попался ему на глаза онагр, он вложил стрелу в тетиву, выстрелил, да так, что онагр упал мертвым, не шелохнулся. Снял с него шкуру, собрал дров, развел костер, поджарил тушу на костре и поел. А потом положил на огромный валун щит Гершаспа, лег головой на щит и захрапел. Пусть он себе спит, а ты послушай несколько слов о диве Акмане.

Див Акман давно уже затаил злобу на Рустама, повсюду его подстерегал. И вот как раз забрел он туда и увидел, что Рустам спит — голова на огромном камне, под головой щит Гершаспа. Див Акман схватил Рустама вместе с камнем и взвился в небеса. Повеяло ветром на Рустама, он проснулся и увидел, что летит по небу.

— Див Акман, — спросил Рустам, — куда ты меня несешь?

— Я несу тебя туда, — сказал див Акман, — где ты погубил моего брата Марджона. Туда я тебя несу на твою погибель.

Принес он Рустама на берег моря Чин, к подножию горы Альвард. И спросил:

— Бросить тебя в море Чин или закинуть на гору Альвард?

— Брось меня на гору Альвард, — говорит Рустам. — Пусть увидят витязи мои кости и устроятся.

А ведь дивы всегда все делают наоборот. Вот див Акман и бросил Рустама среди моря Чин. А у Рустама на спине была тигровая цикура¹, она не дала ему потонуть. Подул восточный ветер, и Рустама вынесло на берег. Вышел он на берег и думает: «Пойду-ка я посмотрю, куда делся этот негодяй!»

А див Акман шел по берегу моря с другой стороны и думал: «Только бы Рустаму, что повинен во всех наших несчастьях, не удалось спастись!»

Шли они, шли, задумавшись каждый о своем, пока не столкнулись лоб в лоб. Хотел тут див Акман прочесть заклинание, чтобы взлететь в воздух, да вылетело у него заклинание из го-

ловы. Рустам схватил его и разорвал, как рвут полотно, на две части. А сам пошел туда, где оставил пастись Рахша.

Пришел и говорит Рахшу:

— Где ты был, Рахш? Див Акман меня сегодня чуть не убил!

— Брюхо мое во всем виновато,— говорит Рахш.— Я так травой увлекся, что ничего не видел.

Сел Рустам на Рахша, ехали они, ехали, пока не доехали до поля, засеянного пшеницей. Рустам отпустил Рахша пастись, а сам взял лук и стрелы и пошел по степи. Попался ему на глаза онагр, он наложил стрелу на тетиву, выстрелил — да так, что онагр упал мертвым, не шелохнулся. Снял с него шкуру, собрал дров, развел костер, поджарил тушу на костре и поел. А потом положил себе под голову щит Гершаспа и захрапел.

Пусть себе Рустам спит, а ты послушай несколько слов о Рахше.

Рахш ел себе да ел, пока не забрел на пшеничное поле. А на поле как раз был один из батраков хозяина этой пшеницы. Увидел он, что конь забрел на поле, да такой конь, что зараз съедает сноп пшеницы в сто манов весом. Того и гляди, всю пшеницу сожрет! Схватил он палку и бросился к Рахшу, а Рахш встал на дыбы — вот-вот ударит копытами батрака. Тот, как это увидел, бросился бежать. Поблизости был мост через ручей, он забрался под мост, спрятался от Рахша. А Рахш встал на мосту и думает: «С какой бы стороны он ни высунулся — я ему голову оторву!»

А батрак из-под моста и носа не показывает.

Постоял, постоял Рахш и пошел пастись, а батрак вылез из-под моста и думает: «Конь, пожалуй, здесь не виноват, во всем виноват хозяин коня». Пошел он тихонько вслед за Рахшем, так, чтобы тот его не заметил. Шел, шел, услышал храп Рустама, подошел поближе, схватил большой камень и бросил его Рустаму в ноги — мол, в голову я могу и промахнуться, а по ногам легче попасть. Пусть у него ноги отнимутся.

Бросил он ему в ноги камень, Рустам проснулся, встал на четвереньки и говорит:

— О витязь, зачем ты меня по ногам ударил?

— А ты зачем коня пустил на пшеничное поле? — спросил батрак.— Он всю пшеницу сожрал!

— А чья это пшеница?

— Авлада-Мирзамана², — отвечает батрак.

— А за кого этот Авлад-Мирзаман?

— Он, — говорит батрак, — за Белого Дива.

— Вот,— говорит Рустам,— ты ушиб мне ноги, а теперь жалься надо мной. Ты же витязь, подойди поближе!

Батрак подошел поближе на шаг, а Рустам схватил его, отрезал ему нос и уши и бросил в подол. А потом говорит:

— Пойди и скажи Авладу-Мирзаману, что пришел Царь Ухорез, остановился у него на пшеничном поле.

Батрак с отрезанными ушами пришел в царский дворец и говорит:

О царь великий, жизнь твоя полна да будет света!
Твоя да будет справедливость так воспета,
Что Сулеймана славою затмишь ты и Джемшида!
Да будет твой клинок победы над врагом примета!

— Внимай и помни, что Царь Ухорез остановился у тебя на пшеничном поле.

Тут вышли вперед сорок витязей, подпоясанных золотыми поясами, упали ниц перед царем и говорят:

— Разреши нам пойти к нему. Мы взнуздаем этого наглеца, как верблюда, и приведем к тебе.

— Ступайте,— говорит Авлад-Мирзаман.

Сорок витязей, подпоясанных золотыми поясами, пришли на то поле. Но стоило им только увидеть Рустама, как они задрожали от страха. Подошли к Рустаму и говорят:

— О витязь, пойдем с нами. Нас прислал Авлад-Мирзаман, он хочет сделать тебя предводителем войска.

А Рустам говорит им:

— Подойдите поближе, я плохо слышу, я что-то стал туг на ухо.

А они повторяют:

— Идем с нами, Авлад-Мирзаман сделает тебя предводителем войска.

Рустам снова говорит им:

— Подойдите поближе, я вас не слышу.

Как только они подошли поближе, он схватил тридцать восемь из них; только двоим удалось спастись бегством. Всем отрезал уши и носы, бросил в подола рубах и сказал:

— Идите и скажите Авладу-Мирзаману, что Царь Ухорез остановился у него на пшеничном поле.

Вернулись они все к Авладу-Мирзаману. Как только увидел он, что у тридцати восьми из них отрезаны уши и носы, тотчас достал из кармана письменный прибор и написал приказ: дескать, пусть соберут войско — всех от тридцати до тридцати пяти лет. И такое он собрал огромное войско, что колоски на земле пересчитать можно, а этому войску счета нет.

Вышло войско в поход и пришло на то поле, где пасся Рахш, и остановилось между Рустамом и Рахшем. Рахш — с одной стороны, Рустам — с другой.

Разбросали перед Рахшем петли от арканов, чтобы он попался в эти петли. Больше ста петель разбросали.

Увидел все это Рустам и издал клич, подобный кличу Али, — и Рахш поднял голову. Кликнул Рустам второй раз — Рахш встрепенулся и повернул голову. А как только в третий раз кликнул Рустам — Рахш поскакал во весь опор. Порвал все арканы, тысячу людей отправил в ад и остановился перед Рустамом.

Рустам поцеловал Рахша в челку, вложил ногу в стремя и выехал на поле брани — такой витязь, что может сразу биться с сотней богатырей! А навстречу ему выехал один из богатырей Авлада-Мирзамана.

Рустам пропел:

Битвой двух героев пусть наш будет бой,
Словно львы, сразимся, витязь, мы с тобой.
Не бывало равных мне на поле брани,
Ты же — как росток, что, обреченный, вянет.

— Шевелись, чтобы я тебя поскорее убил, ибо у меня есть сто других дел! Право первого удара я предоставляю врагу.

Рустам укрылся под сенью своего щита, а этот негодяй обрушил на него свою булаву, но Рустам мужественно отклонил этот удар.

— Получай теперь удар от меня, — говорит Рустам.

Пусть теперь мой меч удар ответный нанесет,
Так, чтоб ты забыл про этот мир и тот.

Выхватил он из ножен меч Сама весом в сто манов, пустил Рахша вскачь и нанес удар по щиту соперника, по самой шипечке, так что щит развалился, как кусок сыра. И тем же ударом разрубил он человека и коня на четыре куска. А потом врубился в гущу войска и так бился, что громоздил холмы из трупов, а холмы укладывал рядами, и так он воздал всем своим врагам — не было ему в бою равных.

Барабаны забили отбой, все отправились восвояси, и Рустам пошел и лег спать.

На следующее утро, когда доску неба отмыли от черноты ночи, и светило воцарилось на своем престоле, перепоясавшись украшенным драгоценными камнями кинжалом, и венец из

золота и серебра возложил на себя тот восседающий на вершине горы араб, что вращает колесо судьбы³, Рустам снова выехал на поле брани. И сражался до вечернего намаза, пока не отправил тысячу человек в преисподнюю.

А вечером, когда барабаны забили отбой, он хлестнул Рахша так, что тот птицей взлетел на холм. Отправил Рахша пастись, а сам переночевал на этом холме. Наутро отправился в степь. Шел по степи, пока не попался ему на глаза онагр. Наложил он стрелу на тетиву своего лука и выстрелил — да так, что онагр упал мертвым не шелохнувшись. Снял с него шкуру, собрал дров, развел костер, поджарил тушу на костре и съел. А потом положил под голову щит Гершаспа и захрапел. Проспал он целые сутки, а тем временем воины Авлада-Мирзамана решили, что, наверное, тот богатырь был вчера убит, потому и не появляется. Просто, мол, они не могут его опознать среди мертвых.

Но вот прошли сутки, Рустам проснулся, оседлал Рахша и так затянул подруги, что Рахш издал глубокий вздох. Ногу в стремя он продел, птицею в седло взлетел, поудобнее уселся и так хлестнул Рахша, что тот сразу прыгнул в гущу вражеского войска. И когда люди увидели Рустама, то так перепугались, как пугаются овцы в стаде, увидев волка. А Рустам бросил свой аркан и пленил самого царя — Авлада-Мирзамана.

Взял Авлада-Мирзамана в плен, вместо него поставил над этим городом царем одного из приближенных Кей-Кавуса. А у Авлада-Мирзамана спросил:

— Скажи-ка мне, где Арчанг с Харчангом и Белый Див, сколько ехать до того места?

Авлад-Мирзаман отвечает:

— Есть одна дорога, по ней можно пройти за день. Но там так просто не пройти, придется сражаться. А есть другая дорога — она длиннее, по ней надо идти два дня, зато ни с кем не надо воевать.

— Пойдем по той, которая длиннее, — говорит Рустам.

Поехали они по второй дороге и за два дня доехали туда, где обитали Арчанг с Харчангом. Пришли туда, смотрят: сад, под деревьями очаги, на них стоят огромные котлы с пловом. Это варится пища для Арчанга с Харчангом.

Рустам и говорит Авладу-Мирзаману:

— Ешь из этих котлов плов сколько сможешь, потому что потом я тебя привяжу накрепко к деревьям, пока буду сражаться с Арчангом и Харчангом.

Ну, Авлад-Мирзаман поел плова сколько смог — сколько там может съесть царь? После этого Рустам крепко привязал

Авлда-Мирзамана к дереву и поставил Рахша сторожить его. Рустам сказал:

— Если только шелохнется, постарается высвободиться, оторви ему голову.

Сам же съел четыре-пять котлов плова, набил себе живот. Вытер усы и пошел туда, где были Арчанг с Харчангом. Увидел он, что они спят. Подошел сначала к Арчангу, вытащил из ножен меч Сама весом в сто манов и ударил Арчанга по ногам. Арчанг перевернулся во сне с боку на бок и пробормотал:

— Что это за комары меня кусают?

— Это не комары,— ответил Рустам.— Это Рустам, сын Заля.

Как только он это сказал, Арчанг сейчас же проснулся. Схватил лук и начал стрелять из лука самшитовыми стрелами — их у него было восемьдесят. Сколько он ни выпустил стрел — все стрелы Рустам отвратил щитом Гершаспа. Рустам вызывает его на поединок, на борьбу, а тот только стреляет из лука, не дает Рустаму схватиться с ним, говоря:

— Я бороться с тобой не буду, я буду стрелять из лука!

И тогда Рустам победил его хитростью. Закричал:

— Слева!

Арчанг стал защищаться, ожидая удара слева, а Рустам нанес ему удар справа и рассек пополам, как зеленый росток.

Убил он так Арчанга и пошел немного подальше, туда, где спал Харчанг. Рустам ударил его плашмя по ногам мечом Сама весом в сто манов. Тот приподнялся на пядь и спросил:

— Что это за комар меня укусил?

— Это не комар,— сказал Рустам.— Это Рустам, сын Заля, пришел по твою душу.

Как только сказал это Рустам, вскочил Харчанг как ошпаренный. Было у него восемьдесят стрел самшитовых, схватил он лук и стал стрелять в Рустама. Сколько он ни выпустил стрел — все стрелы Рустам отразил щитом Гершаспа. Рустам вызывает его на поединок, на борьбу, а тот только стреляет из лука, не дает Рустаму схватиться с ним, говоря:

— Я бороться с тобой не буду, я буду стрелять из лука!

И тогда Рустам победил его хитростью. Закричал:

— Слева!

Харчанг стал защищаться, ожидая удара слева, а Рустам нанес ему удар справа и рассек пополам, как зеленый росток.

И так Рустам обоих — Арчанга и Харчанга — отправил в ад. А потом вернулся к тому месту, где был привязан к дереву Авлад-Мирзаман, развязал его и сказал:

— А теперь пойдем туда, где в плену царь Кей-Кавус и тысяча его воинов.

Пошли они, шли, шли и пришли к той яме, выход из которой сторожили двенадцать дивов. Как только дивы увидели Рустама, так они сразу сказали:

— Лакомый кусочек нам сегодня в пасть попадет!

А Рустам отвечает:

— Боюсь, что у этого лакомого кусочка есть шипы. Как бы он не застрял у вас в горле!

Двенадцать дивов-самцов бросились на Рустама, чтобы его убить. Но он достал из ножен меч Сама весом в сто манов и отправил всех двенадцать дивов в ад. Потом привязал накрепко Авлада-Мирзамана к дереву и поставил Рахша его стеречь. Тот камень, которым был завален ход в яму, — его двенадцать дивов с трудом поднимали — Рустам отшвырнул носком сапога. Вбил в землю два колышка — таких, к которым привязывают коней, привязал к ним аркан и спустился в колодец, стал звать Кей-Кавуса. Кей-Кавус услышал голос Рустама и сказал:

Небо и земля пока стоят — живи и здравствуй!
Есть покуда этот мир — стократ живи и здравствуй!

— Скажи мне, убил ли ты Белого Дива?

— Нет, — отвечает Рустам.

— Тогда ты пришел напрасно, — говорит Кей-Кавус. — Только тогда, когда ты убьешь Белого Дива, вырвешь у него сердце, сварить в воде и отваром смочишь наши глаза, только тогда мы прозреем.

Рустам опять поднялся по аркану наверх, снова завалил ход в колодец камнем, отвязал Авлада-Мирзамана от дерева и сказал ему:

— Теперь вези меня туда, где живет Белый Див!

Пустились они в путь, много ли, мало ли прошли, подошли к подножию горы, видят: из горы идет дым.

— Это Белый Див дышит, — говорит Авлад-Мирзаман. — Он живет здесь, в пещере.

Рустам крепко привязал Авлада-Мирзамана к дереву, оставил Рахша его сторожить и сказал Рахшу:

— Когда я в первый раз испущу клич — знай, что я увидел дива. Когда второй раз кликну — знай, что я вступил с ним в поединок. А когда издам третий клич — это значит, что я убил дива. Если же третьего клича не будет — значит, див меня убил. Тогда я дарю тебя Авладу-Мирзаману.

Так сказал Рустам Рахшу и двинулся к горе. Вошел в пе-

пещеру, а там спит див — да такой, что если бог не поможет, то и одного волоса с его головы не вырвать.

Вышел Рустам из пещеры, издал клич, подобный кличу Али, пошел к источнику. Совершил два раката намаза и обратился к богу с мольбой, как обращаются в минуту опасности:

— О боже, — сказал он, — я нуждаюсь сегодня в силе сорока слонов!

И тут руки его налились силой сорока мощных слонов, и стал он таким тяжелым, что по колени ушел в землю.

Ушел оттуда, подошел к входу в пещеру. Вошел в пещеру, вынул из ножен меч Сама, что весил сто манов, и пощекотал им диву подошвы. Див приподнялся на пядь и говорит спросонья:

— Что это за комары меня кусают?

Рустам говорит:

— Это не комары, это Рустам, сын Заля, пришел по твою душу.

Только услышал это Белый Див, тотчас же проснулся, вскочил как ошпаренный. У него было восемьдесят самшитовых стрел, он взял свой лук и стал стрелять в Рустама. Но сколько ни стрелял, Рустам все стрелы отражал щитом Гершаспа.

Рустам говорит ему:

— Давай бороться врукопашную.

А Белый Див отвечает:

— Нет, я буду стрелять из лука, я врукопашную не буду драться.

И тогда Рустам пошел на хитрость.

— Слева! — закричал он.

Белый Див закрылся слева, ожидая удара, а Рустам ударил справа и отрубил ему ногу.

Семь суток бился Белый Див с Рустамом на одной ноге, на восьмой день Рустам испустил клич, подобный кличу Али, поднял дива ввысь и так ударил оземь, что на земле след остался. Распорол ему брюхо, достал сердце, положил в котел с водой. Два рога, что были у Белого Дива на голове, вырвал, а из черепа сделал чашу для вина. Испустил третий клич, Авлад-Мирзаман услышал его и сказал:

— Вот негодяй, он и Белого Дива убил!

А Рустам взял котел, в котором варилось сердце Белого Дива, и пошел туда, где был привязан Авлад-Мирзаман. Отвязал его, сели они верхом на Рахша и отправились к тому колодцу, где томились царь Кей-Кавус и тысяча его воинов.

Подъехали они к ходу в колодец, тут Рустам хотел опять привязать Авлада-Мирзамана, но тот сказал:

— Зачем тебе привязывать меня к дереву. Лучше обведи

меня чертой. Если я переступлю через эту черту, пусть Рахш оторвет мне голову.

Рустам обвел Авлада-Мирзамана чертой и сказал Рахшу:

— Если Авлад-Мирзаман переступит эту черту — оторви ему голову.

А сам отвалил камень, которым был завален колодец, спустился сам и опустил вниз котел, где варилось сердце Белого Дива. Помазал отваром глаза всем, кто там в живых остался, — четыреста человек дивы за это время сожрали. Царя Кей-Кавуса и шестьсот его воинов он вытащил наружу.

Кей-Кавус снова воссел на престол.

Кей-Кавус сказал Рустаму:

— Раз ты справился с Белым Дивом, я делаю тебя царем в Мазандеране. Я напишу письмо царю Мазандерана, чтобы он уступил тебе свой престол, либо ему придется воевать со мной.

Рустам отправился в путь, а по дороге к нему пристал Рустам Однорукий⁴, дескать, если ты своим арканом поймаешь для меня пятьдесят лошадей, чтобы я мог отогнать их в страну Зангивар, я помогу тебе. А если нет — ты погибнешь в Мазандеране.

Нашли они место, где пасся табун лошадей, и Рустам выловил для него сорок-пятьдесят лошадей. Тогда Рустам Однорукий говорит ему:

— Когда ты подойдешь к воротам города, где правит мазандеранский царь, ты увидишь, что рядом с воротами стоит страж, поги у него вросли в землю, как корни у дерева. Он поздоровается с тобой, протянет тебе свою лапу, но ты ему руки не подавай. У него железные лапы, за это его зовут Железнопалым. Если ты подашь ему руку, он ее раздавит своей лапой. И пока ты его с корнем не вырвешь, его ничто не возьмет — ни меч, ни стрела, ни удар палицы.

— Хорошо, — сказал Рустам.

И каждый из них пошел своим путем. Рустам Однорукий — в страну Зангивар, а Рустам — в Мазандеран.

Наутро Рустам подошел к воротам города. Видит: возле ворот стоит Железнопалый, ноги у него вросли в землю, как корни дерева.

— Добро пожаловать, — говорит Железнопалый. — Куда направляешься? — и протягивает ему свою лапу.

А Рустам ему руки не подает. Тогда Железнопалый попытался схватить лапой Рустама, уцепился за седло. А Рустам так хлестнул Рахша, что тот рванулся и вырвал Железнопалого с корнем. Рустам сразу выхватил меч и убил его. А потом вошел в городские ворота и направился к царскому двору. При-

шел к царю Мазандерана, учтиво приветствовал его и услышал ответ. Вынул письмо от царя Кей-Кавуса и говорит:

— Вот письмо от царя Кей-Кавуса. Я не отдам его вам, пока вы не насыплете на него сверху столько золота, что его из-под золота не будет видно.

Везир мазандеранского царя говорит:

— Если мы каждому гонцу будем сыпать на письмо золото, скоро от царства ничего не останется.

И векиль тоже ему вторит: дескать, незачем давать ему золота.

Тогда Рустам выхватил меч и отправил их обоих — и везира, и векиля — в ад. И еще раз говорит:

— Сыпьте золото на письмо!

Ну, тут уж придворные испугались и стали на письмо сыпать золото, засыпали письмо золотом.

Рустам взял золото, а царь Мазандерана раскрыл письмо и прочел его. «Вот,— подумал он,— тут один витязь пришел и уже убил везира и векиля, а если целое войско от Кей-Кавуса придет, тогда что будет?» И велел он написать Кей-Кавусу ответ: дескать, пусть присылает царем кого захочет.

Рустам взял это письмо и отнес Кей-Кавусу. Кей-Кавус очень обрадовался, что покорил без войны Мазандеран. И еще раз говорит Рустаму:

— Я отдаю тебе Мазандеран, царствуй в Мазандеране.

А Рустам отвечает:

— На что мне царство? Мое дело не царствовать, а совершать ратные подвиги, я воин.

И тогда Кей-Кавус послал в Мазандеран царем Авлада-Мирзамана.

А Рустам так и остался при дворе Кей-Кавуса.

И пусть господь так же, как он исполнил желания царя Кей-Кавуса, исполнит желания всех мусульман.

22. Азербарзу

Однажды Куку-Кусор и Исфандияр отправили сорок всадников, чтобы взять дань с Залю. Рустам был тогда еще маленьким ребенком, играл с детьми. И один из мальчиков сказал ему:

— Если ты такой сильный, прогони тех всадников, что пришли за данью к твоему отцу.

Пришел Рустам к Залю, а Заль уже отдал дань посланцам Исфандияра. Рустам спросил отца: мол, зачем ты отдал им дань,— и пустился за ними в погоню. Догнал их, тридцать во-

семь из них перебил, а двоих отпустил. Отнял всю дань, что они забрали, и привез обратно отцу. А Заль сказал ему:

— Напрасно ты так сделал, у них очень много силы, не пришло еще время тебе с ними сражаться.

Прошло какое-то время, и поехал Рустам на охоту. Забрел в степь, а там в то же самое время охотился Исфандияр. Рустам убил онагра, снял с него шкуру, развел костер и стал поджаривать тушу на костре. Увидел его кто-то из слуг Исфандияра и донес своему хозяину: мол, тот Рустам, что убил тридцать восемь твоих всадников и отнял подать, которую тебе заплатил Заль, сейчас здесь, в этой степи охотится. Пошли Куку-Кусор и Исфандияр туда, куда сказал им слуга, и видят: Рустам сидит, расставив ноги, на ноги положил вертел, а между ног костер горит. Сидит и жарит онагра. Отрывает от туши куски и съедает полусырыми.

Решили они к нему близко не подходить, а скатить на него с горы большую глыбу. Столкнули они каменную глыбу с горы, а Рустам как увидел, что на него глыба катится, даже не шелохнулся. Убрал ногу из-под вертела, выставил вперед перед глыбой, глыба наткнулась на ногу и остановилась. А Рустам посмотрел и увидел Куку-Кусора и Исфандияра на вершине горы. Доел жаркое, подпоясался, натянул лук и стал стрелять в Куку-Кусора и Исфандияра. Куку-Кусора убил сразу, а меднотелого Исфандияра никак не мог убить. Все стрелы Исфандияра попадают в Рустама, а стрелы Рустама отскакивают от меднотелого.

И решил Рустам вернуться к Залю и спросить у него совета. А когда-то, когда отец Залья, Сам, оставил своего светловолосого сына на горе Эльбурз, его воспитала там вещая птица Симург. И дала ему свое перо — дескать, когда тебе нужна будет моя помощь, сожги его — и я появлюсь рядом с тобой. Сжег он перо птицы Симург, прилетела птица Симург, а Заль попросил ее о помощи.

И Симург сказала:

— Есть в таком-то море остров, на нем растет куст тамариска, у него раздвоенный ствол. Возьми этот куст, сделай из его ствола раздвоенную стрелу, намажь концы ядом. Когда выйдешь на поединок с Исфандияром, скажи: «Эй, Исфандияр, посмотри, что с неба сыплется!» Когда он поднимет глаза к небу, пусти ему в глаза эту стрелу — и он ослепнет. А иначе смерти у него нет, Исфандияр не может умереть от меча или стрелы.

Рустам отправился на то море, нашел остров, о котором говорила птица Симург, и сделал раздвоенную стрелу из того тамариска. Утром снова вышел на поединок с Исфандияром.

Начали они стрелять друг в друга, триста шестьдесят стрел Исфандияра попало в Рустама.

Тут Рустам закричал:

— Эй, Исфандияр, смотри, что сыплется с неба!

Исфандияр задрал голову к небу, Рустам наложил стрелу на тетиву и выстрелил ему прямо в глаза. И Исфандияр опустил голову на луку седла.

Тут Рустам сказал:

Триста шестьдесят в меня березовых попало стрел,
Стыд и честь свою храня, я вскрикнуть даже не посмел.
Но одна из тамариска лишь стрела в тебя попала —
Тотчас голова твоя на луку седла упала.

— Что же,— говорит Исфандияр,— ты сделал свое дело. А теперь построй мне дом, в котором была бы одна дверь и один столб. Отведи меня в этот дом.

Рустам, услышав эти слова, пошел к Залю и говорит ему:

— Исфандияр просит построить для него дом с одной дверью и одним столбом в середине. Что ты на это скажешь?

А Заль разгадал уловку Исфандияра и говорит Рустаму:

— Построй ему дом, пусть в нем будет один столб, но двери будет две. И не давай Исфандияру своей руки, когда поведешь его в этот дом. Найди где-нибудь верблюжью лапу, заверни в тряпку и дай ему, скажи, что это твоя рука. Только своей руки ему не давай.

Рустам построил для Исфандияра дом с одним столбом, но с двумя дверями. Потом разыскал верблюжью лапу, завернул ее в тряпку и дал Исфандияру, дескать, пойдём, вот тебе моя рука.

Привел Исфандияра в дом, Исфандияр спрашивает:

— Где столб?

— Вот столб,— говорит Рустам.

Исфандияр заслонил телом вход, одной рукой обхватил столб, а другой что было силы сжал верблюжью лапу и сломал ее. И говорит Рустаму:

— Вот тебе, ты меня ослепил, а я сломал тебе руку.

А Рустам вышел из дома и говорит:

— Это была верблюжья лапа, а не моя рука.

И говорят, что, когда услышал это Исфандияр, сердце у него лопнуло и он умер.

А Рустам взял его сына Бахмана — тот был еще маленьким ребенком — и привел к Залю. Заль увидел Бахмана и говорит:

Сына хочешь воспитать ты, умертвив его отца?
За Исфандияра кровь будет мстить он до конца!

Но Рустам говорит:

— Он еще ребенок, что он может сделать худого? Ничего у него не выйдет.

И Рустам стал растить Бахмана. Вырастил он его, а Бахман в конце концов всех потомков Рустама истребил. А сам Рустам умер, когда ему было триста шестьдесят лет.

И когда Рустам умер и его похоронили, мать его плакала над ним. Она сказала.

Хоть триста шестьдесят Рустам и прожил лет,
Не знал он, что такое юности расцвет!

Остался в живых только Заль, отец Рустама, а из его потомков — только Фарамард. Только один Фарамард еще продолжал сражаться с Бахманом, а Заль был уже совсем старым.

Но однажды дочь Залья вывела его на улицу и поняла, что он еще может породить дитя, есть в нем еще семя. И тотчас она нашла женщину и привела ее, мол, может быть, родится еще от него богатырь, который отомстит за смерть родичей Рустама. Думает: «Дал бы бог нам еще дитя!»

Заклучили брачный договор, и, как бы там ни было, эта женщина понесла. Через девять месяцев, девять дней и девять часов господь дал сына, его назвали Азербарзу.

Как только Азербарзу появился на свет, его поместили в подземелье и воспитывали там так, чтобы никто из врагов ему не мог причинить вреда. Так он и жил в подземелье, не зная, что есть на свете земля и небо. Прошло время, и Заль рассказал ему, что он прячет его в подземелье от врагов, а что есть на свете земля, трава, небо. И тогда Азербарзу разрушил свою темницу и вышел на свет.

Пусть он пока будет там, а ты послушай о Фарамарде.

Фарамард умер на холме, раненный стрелами Бахмана, а Бахман все боялся к нему подойти, думая: «А вдруг он не умер, а только спит!» Но когда он увидел, что над холмом кружат вороны и стервятники, понял он, что Фарамард действительно умер. Тогда Бахман послал людей, они принесли тело Фарамарда и повесили его на виселице.

Злой Бахман поступок совершил позорный:
Тело Фарамарда он на виселицу вздернул.
Слонотелый если бы Рустам о том услышал,
Саван свой порвал и из могилы вышел.

А в это время Азербарзу и Заль верхом на Гульранге приехали посмотреть: жив ли Фарамард, не нужна ли ему помощь. И видят: тело Фарамарда на виселице, а Бахман торжествует. Собрал людей, они веселятся, пьют вино.

Азербарзу же вырос еще более мощным, чем Рустам, и когда увидел его Бахман, то решил, что это сам Рустам ожил. И все так решили. Тотчас приказал Бахман снять тело Фарамарда с виселицы, похоронили Фарамарда в земле и пошли навстречу Азербарзу.

И говорит Бахман Азербарзу:

— Что было, то было, а теперь забудем прежнюю вражду и поделим мир пополам. Половина — мне, половина — тебе. А у нас с тобой других врагов нет.

И поклялись они, что Азербарзу никогда не обнажит меч при Бахмане, а Бахман не подымет меч на Азербарзу.

И так правит один из них одной половиной мира, а другой — другой.

Прошло какое-то время, и вот появился в горах страшный дракон, опустошавший все вокруг. Решили Азербарзу и Бахман вместе пойти сражаться с драконом. Пришли туда, где был дракон, и Азербарзу говорит Бахману:

— Ты должен идти первым на бой, я ведь поклялся не вынимать при тебе меч из ножен.

Бахман обнажил меч и пошел на бой: бросился на дракона, а дракон его втянул в пасть и начал заглатывать. Дракон заглатывает Бахмана, а Азербарзу стоит и смотрит. Бахман кричит:

— Меня дракон глотает, что ты стоишь?

А Азербарзу говорит:

— Как же я нарушу клятву, обнажу при тебе меч?!

Вот уже по грудь Бахмана поглотил дракон,
«Бей,— кричит Бахман,— не то меня прикончит он!»

— Нет, я поклялся тебе перед твоим лицом не вынимать меча из ножен,— говорит Азербарзу.

И дракон проглотил Бахмана. Тогда Азербарзу достал меч Сама весом в сто манов и убил дракона. И весь мир стал подвластен Азербарзу: и люди, и дивы, и пари.

Заколдовал он всех дивов и пари так, что никто их увидеть не мог. И сам скрылся от мира с помощью колдовских чар.

Говорят, что и теперь он заколдован.

В Систане, говорят, был один охотник, пошел он в пятницу охотиться, забрел далеко от дома, видит — сидит юноша. По-

дошел охотник поближе, юноша позвал его к себе. Когда охотник приблизился, юноша спросил у него:

— Что это у тебя в руках?

— Ружье, — отвечает охотник.

— А что ты с ним делаешь, зачем оно нужно?

— Оно убивает, — говорит охотник.

— Ну-ка, ударь этой штукой мне по ладони!

Охотник выстрелил ему в ладонь, пуля отскочила, никакого следа не осталось.

— Человека этим не убьешь, — говорит юноша, — ты теперь посмотри, как я стреляю.

Взял лук, наложил на тетиву стрелу, выстрелил — и отколол от горы огромную скалу, так что в горе дырка получилась.

— Смотри только, — говорит он охотнику, — никому об этом не рассказывай, когда вернешься к людям.

Говорят, это и был Азербарзу.

23. Али и Рустам

В старые времена рассказывали так, что, когда повелитель правоверных Али возвращался с битвы, пророк Мухаммед говорил ему:

— О сын Амра¹, ты дрался, как Рустам.

И вот однажды Али спросил:

— А каков он из себя, этот Рустам?

— Пойди и посмотри, — ответил Мухаммед.

Наутро повелитель правоверных сел верхом на Дульдудля и отправился в путь. Вдруг он видит, что навстречу ему едет гора верхом на горе.

Это и был Рустам верхом на своем коне Рахше. Когда Рустам проезжал мимо Али, торба его коня упала на землю. Рустам сказал Али;

— Эй, парень, подай-ка мне торбу!

Повелитель правоверных сошел с Дульдудля и хотел подать Рустаму торбу, но сумел ее поднять только до колен, выше не смог.

Рустам сказал:

— Положи торбу, тебе ее не поднять!

Повелитель правоверных положил торбу на землю, а Рустам, не слезая с Рахша, поддел ее концом плетки и ускакал.

Повелитель правоверных вернулся очень огорченный.

Пророк Мухаммед спросил его:

— Почему ты такой печальный?

— Ты лучше меня знаешь почему,— ответил Али.

— О сын Амра,— сказал Мухаммед,— не огорчайся. Эта торба весит столько, сколько семь поясов земли и неба. Это ты смог ее поднять хотя бы до колен, а другой не смог бы и с места сдвинуть. А если бы ты выше поднял, то и земля, и небо перевернулись бы. Завтра вызови Рустама на поединок, ты победишь его.

На другой день Али поехал в то же ущелье и снова встретил там Рустама.

Повелитель правоверных сказал, когда они подъехали друг к другу:

— О витязь, сегодня мы должны побороться с тобой!

— Ты же не смог,— сказал Рустам,— поднять торбу моего коня, а теперь вызываешь меня на поединок!

— Забудь об этой торбе,— сказал Али.

Рустам привязал Рахша в одном месте, повелитель правоверных привязал Дульдую в другом, они сошлись и схватили друг друга за пояс.

Повелитель правоверных сказал:

— Сколько есть в тебе силы — тяни, пусть в сердце твоём не будет жалости.

Сколько Рустам ни силился — сдвинуть Али с места не мог.

— Ну, показал ты свою силу? — спросил Али.

— Да,— ответил Рустам.

— Ну теперь держись,— сказал Али, схватил и подбросил Рустама так высоко в небо, что до его ушей донеслись голоса ангелов. Он закричал:

— Боже! Поддержи меня, поддержи меня!

Но услышал глас божий:

— У бога нет рук, чтобы тебя держать, руки бога — это Али. Кричи: «О Али, держи! О Али, держи!»

Рустам полетел на землю с криком:

— О Али, держи! О Али, держи!

Повелитель правоверных поймал его одной рукой и поставил на землю. Потом он ударил его ладонью по спине, с тех пор Рустам, который раньше был огнепоклонником, стал мусульманином.

КОММЕНТАРИИ

№ 1. Царевич жалеет пойманного кита и не убивает его. Тот в знак благодарности в облике дива помогает царевичу жениться на царской дочери, выполняет три ее задачи, затем изгоняет из нее дракона. Кровь кита вылечивает отца царевича.

АТ 502 + (АТ 513 + АТ 465 II) + АТ 553 II + (АТ 305).

Приводимый в начале этой сказки зачин рассказчик нередко повторяет и перед некоторыми другими сказками, публикуемыми в этом сборнике. Обязательно приведение этого зачина перед циклом легенд о Рустаме и его потомках (ниже, № 18).

¹ Шах Аббас — царь Ирана из династии Сефевидов, правил с 1587 по 1629 г. В 1618 г. шах Аббас издал очень жестокий указ, запрещающий курение табака. За курение по этому указу повелевалось отрубать нос и уши.

² Ходжа — название вершины в Систане, Хильменд (Гильменд) — большая река, протекающая через Систан.

³ Вареные бараньи ножки и головы — распространенное в Иране и Афганистане кушанье.

⁴ Хлебцы из пшеничной муки с маслом обычно некут для припаса в дорогу.

⁵ Рассказчик имеет в виду бараньи шкуры, расстеленные на полу комнаты, в которой записывалась сказка.

⁶ Йа-Син — название 36-й суры Корана, очень популярной в различных мусульманских ритуалах.

⁷ Обычный в восточных сказках мотив, означающий, что мужчина и женщина не вступают в близкие отношения.

⁸ Намек на известный в мусульманском быту обряд демонстрации постели новобрачных после первой брачной ночи.

№ 2. Мать с сыном, убежав от людей, поселились в месте, где жил див. Мать становится любовницей дива, и они замышляют убить юношу, давая ему всякие поручения. В результате различных приключений герой приобретает друзей, которые убивают мать и дива, добывают ему красавицу жену и спасают от гибели.

АТ 590 II + АТ 315 + АТ 302В

¹ Сырым молоком, т. е. простым материнским молоком. Этим герой хочет сказать, что он обычный человек в отличие от дивов и паря.

² Ханджаршо — букв. «Царь-кинжал».

³ Оросительный канал, берущий свое начало из реки.

⁴ Формула, означающая, что персонаж сказки собирается прибегнуть к хитрости и обману.

№ 3. Герой находит клад, увиденный во сне, устраивает странно-

приимный дом. Девушка, владелица другого странноприимного дома, открывает герою тайну своих богатств (ее отец отравлял людей и превращал их в золото) после того, как герой последовательно узнает для нее тайны трех других людей: муллы, кричащего с холма азан, юноши, бросающего еду в реку, и царя, веселящегося каждый день на городской площади.

(AT 834A) + AT 936 + AT 400 IV

В именах персонажей сказки можно видеть реминисценцию имени Хотам из племени Тай, легендарного героя доисламской Аравии, прославившегося своей щедростью. В фольклоре мусульманского Востока Хотам, Хатем Тэй — символ щедрости.

¹ Считается, что если подвести ребенку сурьмой глаза, то это улучшает зрение и предохраняет от «дурного глаза».

² Обычай устраивать угощение по случаю исцеления от болезни, поминания умершего, начала или окончания важного дела и просто из благочестивых побуждений распространен во всем мусульманском мире. № 4. Царь женится на простой девушке, у них рождается сын — великан — Ландаур, который впоследствии претендует на престол, занятый его дядей Шопулом. Дядя хитростью заманивает Ландаура в темницу, из которой того спасает девушка. Шопул обращается к помощи царя Ануширвана, Ануширван посылает своих богатырей поймать и привести Ландаура. После ряда приключений они приводят Ландаура, он становится слугой Ануширвана, а Шопул остается царем.

Прямых типологических параллелей нет. По своему жанру занимает промежуточное положение между сказкой и легендой. Обращает внимание совпадение имени царя Шопул с именами сасанидских царей (Шапур), также упоминание царя Ануширвана — Хосрова-Ануширвана из династии Сасанидов, правившего в VI в. и ставшего в фольклоре образцом справедливости, рассудительности и мудрости (ср. № 7).

¹ Ландаур — букв. «дылда», «верзила», «балбес», «лоботряс».

№ 5. Жена поручает мужу-кушцу привезти женскую хитрость. Муж проигрывает все свое имущество в кости девушке, которая берет его себе в услужение. Она с помощью хитрости берет ему в жены двух царских дочерей. Доказав ему неверность его прежней жены, берет его в мужья.

(AA 914) + (AT 880).

№ 6. Старик отдает своего сына в ученики колдуну. Дочь колдуна влюбляется в юношу и обучает его колдовству. Отец юноши продает его в виде лошади, верблюда — тот возвращается обратно, на третий раз в виде барана попадает к колдуну. Дочь колдуна помогает юноше, во время поединка с колдуном (оба превращаются в различных животных, птиц и предметы) побеждает ученик. Он берет в жены царскую дочь и дочь колдуна.

AT 325

№ 7. Старший царевич хочет погубить своего брата — Ширавию; тот, переодевшись дервишем, попадает к царю Йемена. В него влюбляется дочь одного из двух везиров царя, везир покровительствует юноше. Ширавия в поединке побеждает сорок царских витязей, дочь царя влюбляется в Ширавию. Двоюродный брат царевны ранит Ширавию, его подбирают и вылечивают разбойники. Ширавия сражается с вражеским войском, осадившим Йемен, и попадает в плен к врагам. Его освобождает сын, родившийся от него у дочери везира. Они попадают в царство пари и спасаются. Наконец Ширавия возвращается в царство своего старшего брата, побеждает и прощает его.

Прямых типологических параллелей нет. По своему жанру занимает

промежуточное положение между сказкой и легендой. Совпадение имени героя с именем царя из династии Сасанидов — Шируйе (VII в.) может свидетельствовать о значительной древности легендарного сюжета, лежащего в основе рассказа (ср. № 4).

¹ «...отведал соли...» — т. е. пользовался его гостеприимством, ел хлеб-соль.

² «...копыносец-араб...» — метафорическое обозначение солнца.

³ Намек на идолопоклонство везира Йаманда.

⁴ Распространенный в фольклоре иранских народов мотив: когда сын хочет выведать у матери тайну своего рождения, он просит дать ему горсть горячих жареных зерен пшеницы. Сын зажимает руку матери с раскаленными зёрнами в кулаке и требует у нее ответа, кто был его отец (ср. Сказки народов Памира. М., 1976, с. 520, № 34, примеч. 1).

⁵ Точно такое же описание того, как герой отправляется в путь, встречается в нескольких сказках этого сборника, особенно часто в легендах о Рустаме и его потомках. Упоминание в последней строке этого ритмизованного отрывка имени великого иранского поэта Саади (XIII в.) вряд ли является указанием на то, что этот текст восходит к какому-либо из произведений Саади. Здесь имя Саади — символ лирического поэта.

⁶ Идентичное описание красоты девушки встречается также в других сказках и легендах.

№ 8. Старик у приснился сон, он продает его плешивому пастуху за стадо баранов. Случайно пастух становится мужем царской дочери и поселяется с ней в другом городе. Царь города влюбляется в жену пастуха и, желая погубить его, дает ему разные сложные задания, которые тот исполняет с помощью жены. Он приобретает еще двух жен, отправляет царя на тот свет, и сам становится царем. Так сбывается сон. АТ 725 + АТ 465 II и III + АТ 301 IV и VI + АТ 302 II и III + АТ 465С.

¹ Вареное молоко считается лакомым угощением.

№ 9. Трое братьев отправляются за лекарством для отца. Старшие братья попадают в рабство, а младший после многих приключений добывает лекарство (лист сорокаугольного дерева) и несколько красавиц. На обратном пути он выкупает братьев, а те из зависти ослепляют его и бросают. С помощью верного пса и чудесного лекарства герой прозревает и возвращается; появляется владелица лекарства — обман старших братьев раскрывается.

АТ 551 + АТ 550.

№ 10. Два брата съедают голову и сердце птицы счастья. Старший становится царем, младший каждый день находит в изголовье деньги. Младший брат после разных приключений становится обладателем трех чудесных предметов (тубетейки, мешка и коврика), исцеляет слепую царевну, берет ее в жены. Братья встречаются, возвращаются на родину, наказывают вероломную мать и добиваются счастья.

АТ 567А II, III, V + АТ 567 + АТ 518 + АТ 566 II, IV.

¹ «Уш!», «Иш!» — окрики, которыми принято останавливать ослов.

№ 11. Ясновидящие братья-царевичи после смерти отца отправляются к дяде с просьбой разделить между ними наследство. По дороге их обвиняют в краже верблюда, которого они подробно описали по следам, и приводят к царю. Царь убеждается, что они ясновидящие. Желая оправдать своего младшего брата, обвиненного в покушении на убийство царя, они рассказывают несколько поучительных историй о бесполезности запоздалого раскаяния. Царь оправдывает и награждает их. Они отправляются в город к своему дяде, и тот поручает своей дочери рассудить их. Дочь дяди рассказывает им историю и по их отве-

там распределяет наследство поровну, но при этом предлагает себя в жены младшему брату.

АТ 665А + АТ 655 + АТ 976.

¹ См. № 1, примеч. 6.

№ 12. Бедняк причет осла, притворяется гадальщиком и находит осла по просьбе хозяина. После этого бедняк становится царским гадальщиком и случайно находит воров, ограбивших царскую казну (в присутствии каждого из воров говорит: пришел первый, второй и т. д.), угадывает, что у царя в руке кузнечик.

АТ 1641

№ 13. Царь обещает выдать свою дочь замуж за того, кто расскажет три небылицы. Плешивый пастух рассказывает небылицы и заканчивает рассказом о невероятном долге отца царя. Становится мужем царской дочери.

АТ 852 (ср. также: Двадцать три Насреддина. М., 1978, с. 382, № 857: «Небылица»).

¹ См. № 3, примеч. 1.

² Имеется в виду деревянный ящик в форме перевернутой четырехгранной пирамиды, из которого зерно сыплется в жернова.

№ 14. Притча о бренности всего земного, возможно, литературного происхождения, не имеющая типологических параллелей.

¹ Обычно землю пахут парой волов, раба впрягли вместо одного из волов.

№ 15. Вариант известной арабской доисламской легенды. Имеет многочисленные арабские, персидские и турецкие литературные и фольклорные версии. В средние века легенда была занесена в Европу, известна ее старофранцузская версия.

¹ Мано, мино — хризантема; в сказках — редкостный цветок, растущий в пустыне.

² Существует поверье, что любое животное темно-серой масти (*сур*) приносит несчастье, от него всегда стремятся избавиться. Этой деталью лишний раз подчеркивается скупость матери Гульшо.

³ См. № 1, примеч. 7.

№ 16. Рассказы о Наджме в различных вариантах широко распространены в Средней Азии, Иране и Афганистане. Имя Наджма, возможно, является искаженной передачей арабского имени Маджнун (букв. «безумный», «одержимый»); в других вариантах главный герой носит имя Наджмон, Ладжмон, Девона-Наджмон (букв. «безумный Наджмон») и др. (например, «Сказки народов Памира», № 31, с. 519). Не исключено, что эти рассказы как-то связаны с поэтическими версиями известной лирической повести о Лейли и Маджнуне. Характерно, что фольклорные варианты этой сказки имеют стихотворные вставки. Отметим, однако, что в систанском варианте почти все стихотворные вставки имеют характерную для народной поэзии форму рубаи (четверостишие с рифмовкой по схеме ААБА).

¹ Предводитель курдов — речь идет о курдском населении, о курдах, живущих в области Фарс на юге Ирана.

² Об обычае устраивать благотворительные угощения см. № 3, примеч. 2.

³ Рассказчик привел здесь свое собственное имя.

⁴ Повелитель правоверных или эмир верующих — титул халифов. Здесь имеется в виду зять пророка Мухаммеда — Али ибн Абу Талиб, особо почитаемый мусульманами-шиитами.

⁵ Зеленый — священный цвет у мусульман. Не исключено, что образ Али контаминируется здесь с образом Хызра — известного в фольк-

лоре ближневосточных народов персонажа, который выручает из беды путников, попавших в безвыходное положение. Хызр (от араб. хазир — «зеленый») также появляется в сказках облаченным в зеленые одежды.

⁶ В тексте: «с уздой из болгарской кожи». Болгарская кожа — особый сорт мягкой кожи, юфть — по названию средневекового города Булгар на Волге, столицы Булгарского ханства.

⁷ Девушка имеет в виду, что она хочет войти в его дом, т. е. выйти за него замуж.

⁸ Слово «таджик» могло обозначать не только название народности, но и оседлое земледельческое население, говорящее на иранском языке, в отличие от кочевого. Здесь подразумевается оседлое земледельческое население Фарса.

№ 17. Легенда о Хайдарбеке имеет, возможно, литературные версии,

¹ В тексте стихи нерифмованные.

² Калтан — возможно, искаженное имя легендарного предка южных арабов — Кахтана (подразумеваются кораллы с юга Аравийского полуострова).

³ У иранских народов жениха на свадьбе обычно именуют шахом, падишахом (ср. рус. «князь» в применении к жениху). В данном случае старуха интересуется тем, как прошла первая брачная ночь.

⁴ Формула вежливости, которой выражается преданность шаху.

№ 18. Публикуемые легенды о Рустаме и его потомках лишь частично имеют параллели в знаменитой эпической поэме Фирдоуси «Шах-наме». Возможно, что некоторые из рассказов восходят к другим версиям иранского эпоса, как литературным, так и фольклорным («Барзу-наме», «Азер-Борзин-наме» и др.). Не исключена возможность, что в какой-то своей части эти легенды являются продолжением древней систанской эпической традиции (см. Предисловие, с. 9). В этой связи особенно интересна легенда об Азербарзу, который будто бы до сих пор скрывается в горах от людей (см. с. 255). Вместе с тем целый ряд деталей указывает на позднейшие мусульманские влияния в этих легендах; упоминается Коран, встречаются реалии, связанные с исламом. Последняя легенда описывает победу, одержанную Али над Рустамом, и обращение Рустама в мусульманство.

Поединок Рустама с Сухрабом — один из наиболее известных эпизодов «Шах-наме» Фирдоуси, использованный, в частности, В. А. Жуковским. При общем совпадении сюжетной схемы (отец по ошибке убивает сына) существуют значительные различия в деталях между «Шах-наме» и систанской легендой. Так, например, в «Шах-наме» нет поединков Рустама с матерью Сухраба, Сухраба со своей матерью; попытки оживить Сухраба в «Шах-наме» кончаются отказом Кей-Капуса дать снадобье.

¹ Охота на онагра и отдых богатыря одним и теми же словами описываются и в других легендах и имеют прямые аналогии в тексте «Шах-наме» (т. 2, с. 8—9 — здесь и далее ссылки на русский перевод, издаваемый в серии «Литературные памятники»).

² В тексте — браслет, одевавшийся выше локтя. Ср. у Фирдоуси:

Носил богатырь на руке амулет,

О том амулете наслышан был совет.

Его отдавая, Ростем говорит:

«Храни: коль судьба тебе дочь подарит,

К косе прикрепи ей на счастье; всегда

Над нею да светит благая звезда!

А если бы сына послал тебе рок —

Надень ему на руку отчий залог...» (т. 2, с. 14).

³ В систанском цикле преданий о Рустаме Рустам часто именуется также «хозяин шатра с бубенцами».

⁴ Ср. в «Шах-наме» Фирдоуси:

Но стань ты хоть рыбой в глубоких водах,
Иль ночью, таящейся вечно впотьмах,
Иль в небе далеком явись как звезда
И узы расторгни с землей навсегда —
Настигнет тебя мой отец-исполин... (т. 2, с. 78).

№ 19. Легенды о Барзу нередко включались в текст «Шах-наме», но еще в XIX в. было установлено, что это вставки, не принадлежащие Фирдоуси. Поэма о Барзу «Барзу-наме» в настоящее время считается самостоятельным произведением неизвестного автора. Полный текст «Барзу-наме» не издан.

№ 20. Теймур — имя тюркского происхождения, что свидетельствует о более позднем появлении этой легенды, не имеющей соответствий в «Шах-наме». Возможно, что появление этого имени в систанских эпических сказаниях связано с завоеванием Систана Тимуром в конце XIV в. и стремлением «узаконить» таким образом власть Тимура над иранцами.

¹ Рустам Однорукий — персонаж систанских сказаний о Рустаме, мошеник, плут и пройдоха. В «Шах-наме» Фирдоуси не встречается. № 21. Битвам Рустама с дивами в «Шах-наме» Фирдоуси уделено несколько эпизодов. В частности, есть рассказ о битве Рустама с Акван-дивом, во многом совпадающий с систанской легендой (в которой див называется Акманом), эпизод о сражении с дивом Эрженгом (очевидно, див Арчанг систанской легенды) и с Белым Дивом — владыкой дивов Мазандерана (частично входят в так называемые «Семь подвигов Рустама», одним из которых является также пленение Авлада). В поэме Фирдоуси все эти приключения Рустама излагаются гораздо более подробно.

¹ Плащ из тигровой шкуры — часть боевых доспехов Рустама, упоминается и в «Шах-наме» Фирдоуси.

² В «Шах-наме» Авлад — имя туранского богатыря, поставленного впоследствии Рустамом правителем Мазандерана.

³ См. № 7, примеч. 2.

⁴ См. № 20, примеч. 1.

№ 22. Азербарзу в «Шах-наме» Фирдоуси не упоминается, ему посвящена неизданная эпическая поэма «Азер-Борзин-наме». Исфандияр — известный герой иранских эпических сказаний (именуется иногда «медпотелым»). В «Шах-наме» Исфандияру посвящено несколько рассказов, один из них описывает его семь подвигов. Куку-Кусор в «Шах-наме» Фирдоуси не упоминается. Описание поединка Рустама и Исфандияра в «Шах-наме» имеет сходжения с систанской легендой (стрелы из тамариска). Царствование сына Исфандияра Бахмана в «Шах-наме» описывается в отдельной главе.

№ 23. ¹ Али, зять пророка Мухаммеда, был сыном Абу-Талиба. Применяемое здесь по отношению к нему имя «сын Амра» (которое можно понимать и как человек из рода Амра) непопаяно.

СЛОВАРЬ ИМЕН, НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ

- Аббас**, шах Аббас — царь из династии Сефевидов, Аббас I Великий (правил с 1587 по 1629 г.), с именем которого связывается расцвет Ирана. Шах Аббас упоминается во многих персидских сказках и легендах.
- Азан** — призыв к молитве, обычно провозглашается с минарета муэдзином.
- Азраил** — ангел смерти. По мусульманским верованиям, смерть человека наступает тогда, когда Азраил забирает его душу.
- Акман** — имя дива. В «Шах-наме» Фирдоуси с Рустамом борется див по имени Акван, Акван-див.
- Али** — Али ибн Абу Талиб, зять пророка Мухаммеда, особо почитаемый мусульманами-шиитами.
- Альвард** — название горы. В «Шах-наме» Фирдоуси соответствует Эльбурсу, горной цепи на севере Ирана.
- Ануширван** — см. Хосров-Ануширван.
- Афрасиаб**, Афрасиаб-турк — мифический царь Турана, главный противник Ирана в эпических преданиях.
- Везир** — советник царя, правителя.
- Векиль** — высокопоставленный вельможа, помощник царя наряду с везиром.
- Гершасп** — герой иранских эпических сказаний, один из предков Рустама. В систанских преданиях упоминается цит Гершаспа.
- Гив** — в «Шах-наме» Фирдоуси один из иранских богатырей, сын Гударза, потомка кузнеца Каве.
- Гульранг** — богатырский конь Сухраба, рожденный от Рахша; букв. «Розовый».
- Дервиш** — странствующий аскет, живущий на подаяние; дервиши иногда выступали в роли бродячих рассказчиков.
- Джемшид** — легендарный царь древнего Ирана, царствование которого считается эпохой всеобщего благоденствия, «золотым веком».
- Джериб** — мера площади (около 0,2 га).
- Див** — мифическое существо, волосатый гигант, великан-людоед, обычно злой и враждебный людям, но иногда помогающий героям сказок.
- Динар** — денежная единица, в старину золотая монета.
- Дульдуй** — имя легендарного коня, на котором ездил Али, зять пророка Мухаммеда.
- Забулистан** — родовой удел систанских правителей. По-видимому, могло употребляться также как синоним Систана.

- Заль** — отец Рустама, сын Сама.
- Зангивар** — название сказочной страны (остров Занзибар).
- Зеленый город** — волшебный город, в котором правит царь пари (см.).
- Зульфикар** — чудесный меч Али; букв. «Бороздчатый».
- Искандар** — Александр Македонский; популярный герой мусульманского фольклора.
- Йемен** — область в Южной Аравии, название сказочной страны и города.
- Каджова** — сиденья с навесом, расположенные по бокам или на спине слона, лошади или верблюда.
- Калам** — перо из тростника.
- Карнай** — большой духовой музыкальный инструмент.
- Кафир** — неверный, немусульманин, идолопоклонник.
- Кей-Кавус** — царь древнего Ирана из легендарной династии Кеянидов, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси. Рустам служил царю Кей-Кавусу.
- Кибла** — направление на Мекку, лицом к которой следует обращаться при совершении намаза (см.).
- Кимийэ** — философский камень алхимиков; в сказках упоминается «трава кимийэ», обладающая свойством превращать все в золото, а также целительной силой.
- Кран** — название мелкой монеты.
- Кызылбаш** — букв. «красноголовый»; так называли (по красному головному убору) воинов сефевидских шахов (XVI—XVII вв.).
- Лал** — благородная шпинель, полудрагоценный камень, добывавшийся в Бадахшане. В персидских сказках часто переводится как рубин.
- Лар** — город в Иране, в исторической области Фарс, к юго-востоку от Шираза.
- Мадаин** — арабское название столицы Сасанидов, города Ктесифона в Месопотамии.
- Мазандеран** — область в Иране на южном берегу Каспийского моря, славившаяся в прошлом густыми лесами. В иранском эпосе и фольклоре Мазандеран, Мазандеранский лес — обитель дивов.
- Ман** — мера веса, различная в разных областях Средней Азии, Ирана и Афганистана.
- Махр** — часть выкупа за невесту, которая, согласно шариату, является ее собственностью.
- Медресе** — мусульманская школа, где преподавались и некоторые светские науки (например, медицина).
- Миср** — название сказочной страны (Египет).
- Памаз** — мусульманская молитва, молитвенный обряд. Согласно установлениям ислама, намаз совершается пять раз в день: на восходе солнца, около полудня, в послеполуденное время, после захода солнца и перед отходом ко сну. Перед молитвой полагается совершить ритуальное омовение.
- Париман** — отец Сама, прадед Рустама.
- Опагр** — дикий осел, кулан.
- Палас** — грубошерстный ковер без ворса.
- Пари** — мифическое существо преимущественно женского пола, необычайной красоты. В сказках упоминается царь пари, волшебное царство которого находится на Зеленой горе (Кух-и-Сабз) или в Зеленом городе (Шахр-и-Сабз).
- Пир** — у мусульман, особенно у шиитов, духовный наставник, религиозный вождь, предводитель; святой.

Ракат — определенная последовательность поз и телодвижений, составляющих намаз (см.). Намаз может состоять из одного и более ракатов.

Рахш — богатырский конь Рустама; букв. «Светло-рыжий».

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Сам — дед Рустама, отец Залы.

Сардар — военачальник, входящий в свиту царя.

Симург — огромная волшебная птица иранского фольклора и эпоса. Симург помогает герою, оказавшемуся в затруднительном положении.

Сулейман — библейский Соломон; в мусульманской фольклорной традиции обладает властью над царством пари и дивов. Волшебной силой наделены принадлежащие Сулейману коврик, перстень, амулеты и другие предметы.

Сунна — свод преданий о жизни и деяниях пророка Мухаммеда; особо почитается у мусульман-суннитов.

Сура — глава Корана.

Таджир-баши — старший среди купцов, глава каравана купцов, купеческий старшина.

Танур — печь для выпечки хлеба.

Туман — иранская денежная единица, равнявшаяся в старину десяти тысячам динаров.

Фарсанг — мера расстояния (6—7 км).

Хадж — паломничество в Мекку. Хадж обязан совершить каждый мусульманин, если у него есть такая возможность.

Хакал — титул правителей тюрков, перенесенный также и на китайского императора.

Харвар — букв. «груз осла», мера веса. Значение колебалось в зависимости от местности, обычно около 300 кг.

Хауз — пруд, бассейн.

Хосров, Кей-Хосров — легендарный царь древнего Ирана, обладавший несметными богатствами.

Хосров-Ануширван, Ануширван — царь Ирана из династии Сасанидов (VI в.); в фольклоре — образец справедливости, рассудительности и мудрости.

Хум — большой глиняный сосуд.

Хурджин — переметная сума.

Чин — название далекой сказочной страны (Китай).

Шам — название сказочной страны (Сирия).

Шираз — город в Иране, центр исторической области Фарс.

Шурпа — мясная похлебка.

Эльбурз — название горной цепи на севере Ирана.

Эмир — вассальный правитель, князь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приводится перевод легенды о знаменитом герое иранского эпоса Сиавуше (в сисанском варианте — Сиаваш), убитом Афрасиабом. Эта легенда примыкает к приводимому выше циклу легенд о Рустаме и его потомках и была записана составителями у Исмаила Ярмамедова также в 1975 г. в Серахсе (см. Предисловие, с. 9 и сл.). В основной корпус легенд о Рустаме этот текст не включен, так как имеются основания сомневаться в его исконности для традиционного сисанского фольклора. Судя по всему, это пересказ легенды о Сиавуше, постановку которой по тексту поэмы Фирдоуси сказитель видел по телевидению. В соответствии с этой постановкой он мог, очевидно, скорректировать полузабытый им первоначальный вариант легенды. Обращает на себя внимание сюжетное совпадение с текстом «Шах-наме» и отсутствие характерных для сисанского «Рустамовского цикла» вставок ритмизованной прозы и стихов.

СИАВАШ

Однажды Гударз, Гив и Тус поехали на охоту. По дороге они встретили девушку несравненной красоты. Они ее захватили и стали спорить о том, кому она будет принадлежать, чьей женой станет.

— Я ее возьму в жены, — сказал Тус.

— Она моя! — сказал Гив.

Но Гударз возразил:

— Нет, друзья, она ни твоя, ни моя. Давайте отвезем ее к царю Кей-Кавусу.

Посадили они девушку на коня и привезли к Кей-Кавусу. Царь Кей-Кавус спросил ее:

— Из чьего ты рода, из чьей семьи?

— Я из рода царя Афаридуна¹, — ответила девушка.

— Я тоже из рода Афаридуна, — сказал тогда Кей-Кавус. — Если ты хочешь взять меня в мужья, то я беру тебя в жены.

Девушка согласилась, но царь Кей-Кавус велел сначала по обычаю того времени позвать гадалщиков, чтобы они по звездам погадали, что будет, как будет — родится ли у нее сын и что с ним случится. Когда гадалщики погадали, то они увидели, что от этой девушки родится ребенок, который будет нести угрозу всему свету. Рассказали об этом царю. Кей-Кавус сказал:

— Будет или не будет, пусть родится. Пусть даже это будет очень

опасный ребенок, ведь у меня есть Рустам. Как только он родится, я отошлю его с кормилицей к Рустаму. Пусть Рустам его воспитывает.

Кей-Кавус взял у жены эту девушку, заключили между ними брак. Ну вот, когда минуло девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут, бог дал ей сына, которого назвали Сиаваш. Ребенка заеленали, отдали кормилице, посадили их на лошадь и отправили в Забулистан.

Рустам вырастил Сиаваша, воспитал его. Когда Сиавашу исполнилось тринадцать-четырнадцать лет, он овладел ратным искусством: научился ездить верхом, стрелять из лука, метать копьё, драться на палицах. Стал он настоящим богатырем, и Рустам ему сказал:

— Твой отец — царь иранской земли, я — его витязь. Теперь я отвезу тебя к твоему отцу.

Рустам отвез Сиаваша к Кей-Кавусу, вот, мол, порученный мне твой сын, я возвращаю его тебе.

Кей-Кавус расцеловал своего сына, усадил его рядом с собой. А Сиаваш был таким красивым царевичем, что равного ему в мире не было.

Мать Сиаваша умерла, а у Кей-Кавуса была другая жена по имени Судаба. Однажды она сказала мужу:

— Пришли-ка мне своего сына, я хочу на него посмотреть. Ведь если это твой сын, он также и мой сын.

Кей-Кавус сказал Сиавашу:

— Сынок, сходи в гарем. Там у тебя есть мать, навести свою мать.

Сиаваш послушался, пошел в гарем. Как только взгляд Судабы упал на Сиаваша, она влюбилась в него не одним сердцем, а тысячью сердец. Она бросилась к нему, расцеловала его в лоб и щеки. Сиаваш подумал, что раз она ему мать, то пусть себе целует. Не знал он, что намерения у нее дурные. Пробыл он некоторое время в гареме, а потом вернулся к своему отцу. Больше Сиаваш в гарем не ходил, не было случая. А Судаба не могла больше терпеть разлуки. Она сказала Кей-Кавусу:

— Пошли ко мне опять Сиаваша, я хочу его видеть. Надо подыскать ему девушку в жены.

Кей-Кавус позвал сына:

— Сынок, сходи к своей матери, она хочет найти для тебя девушку.

— Отец, — сказал Сиаваш, — пошли меня куда тебе только вздумается, но не в гарем. Пошли меня на бой, на битву, но только в гарем не посылай.

Но Кей-Кавус его уговорил, мол, она же твоя мать, там твои сестры. Так Сиаваш опять пришел в гарем. Судаба сидела на троне, покрытом золотом, на голову надела венец, усыпанный драгоценными камнями, разукрасила себя семью цветами. Когда Сиаваш к ней подошел, она прижала его к своей груди и начала целовать, а потом сказала:

— Сиаваш, как только я тебя увидела, то отдала тебе свое сердце. Если ты будешь моим — то хорошо, а если нет, то я сделаю так, что день станет для тебя чернее черной ночи.

— Что ты говоришь, — сказал Сиаваш, — ты же мне мать! Как же я изменю своему отцу?

Он тут же собрался уходить, но Судаба расцарапала себе лицо и закричала, призывая на помощь, стала рвать на себе волосы. Кей-Кавус прибежал в гарем, чтобы узнать, что случилось.

— Твой подлый сын, — закричала Судаба, — посягнул на меня!

Кей-Кавус понял, что жена его жлет, но ничего не сказал. Тогда Судаба сделала вот что. У нее была служанка, которая только что родила. Взяла она этого ребенка, показала Кей-Кавусу и сказала:

— Вот видишь, когда Сиаваш испугал меня, я выкинула ребенка! Царь велел позвать гадалщиков, чтобы они погадали, чей это ребенок. Гадалщики погадали и сказали царю: мол, это ни твой ребенок, ни твоей жены.

Но Судаба стояла на своем, она сказала, что поверит в невинность Сиаваша, если он пройдет испытание огнем. Зажгли большой огонь, а Сиаваш надел белые одежды, сел верхом на белого коня и погнал его прямо в пламя. Он проскакал через огонь, только лицо его раскраснелось, подобно гранату, ни пылинки на нем не было.

Тогда Кей-Кавус хотел убить Судабу, но Сиаваш заступился за нее: — Хоть она и грешна, но не убивай ее.

Через некоторое время Кей-Кавус послал Сиаваша с несметным войском сражаться против Афрасиаба. Сиаваш отвоевал у Афрасиаба один город. А в это время Афрасиаб спал и увидел сон, что кто-то связал его по рукам и ногам и разрубил пополам. Увидев такой сон, Афрасиаб вскочил с постели и дрожал всю ночь. Тут ему и принесли весть, что захватили один из городов. Он позвал гадалщиков и те нагадали, что это сделал Сиаваш, сын Кей-Кавуса.

Афрасиаб написал Сиавашу письмо, чтобы он приезжал к нему, и послал письмо с одним из своих людей. Сиаваш с сотней всадников приехал в город к Афрасиабу-турку. Афрасиаб встретил его с полным почетом и впустил в город.

У Афрасиаба был главный военачальник по имени Пирани-Гиса². Пирани-Гиса увидел, что Сиаваш такой прекрасный юноша, что и сестры для него не жалко. Пирани-Гиса отдал Сиавашу в жены свою дочь. Между ними заключили брак, отвели им место на берегу реки для постройки города, мол, там-то постройте себе город и живите. Потом Пирани-Гиса посоветовал Афрасиабу выдать за Сиаваша свою дочь Фарангиз. Мол, если отдадим Фарангиз замуж за Сиаваша, убеждаю он Афрасиаба, то нам нечего будет бояться Кей-Кавуса, мы будем как за каменной стеной. Афрасиаб согласился, и Фарангиз отдала в жены Сиавашу. Он взял себе две жены — и дочь Пирани-Гиса, и Фарангиз, дочь Афрасиаба.

Пусть они там живут себе в том городе, а вы послушайте о сыне Афрасиаба — Гарсиваке³. Гарсивак с несколькими всадниками приехал в город, где жил Сиаваш. Прожили они там два-три дня, соревновались в стрельбе, бросали палицы. Во всем, что бы они ни делали, Сиаваш выходил победителем. Тогда Гарсивак сказал Сиавашу:

— Побороть со мной!

— Нет, — ответил Сиаваш, — ты же мой родич. Как же я могу бороться со своим тестем?

Тогда Гарсивак затаил злобу. Вернувшись к Афрасиабу, он сказал:

— Сиаваш замыслил нехорошее.

— Что же он такое задумал? — спросил Афрасиаб.

— Он хочет собрать войско, — ответил Гарсивак, — и пойти на тебя войной. Если не веришь, то напиши ему письмо, пусть придет.

Афрасиаб написал письмо и послал его Сиавашу, мол, приезжай. Прочитал Сиаваш письмо и сразу понял, что Гарсивак наговорил про него Афрасиабу. Сиаваш собрал тысячу всадников, позвал свою жену Фарангиз и говорит ей:

— О Фарангиз, на этот раз твой отец меня убьет. А у тебя в утробе дитя от меня. Когда мой сын родится на свет, он будет царем Ирана, имя его должно быть Кей-Хосров. Я же уеду и больше не вернусь, меня убьет твой отец. Там, где меня убьют, я отпущу своего коня. До тех пор пока Кей-Хосров не вырастет, никому мой конь не достанется. Ког-

да Кей-Хосров вырастет, пусть возьмет себе моего коня. Пусть он оседлает моего коня, конь отвезет его в Иран к деду.

Сиаваш отправился в путь с тысячью полностью вооруженных всадников, как было принято в те времена. Когда они подъехали к городу Афрасиаба, то Гарсивак сказал:

— Вот, посмотри, он приехал с тысячью вооруженных всадников. Если бы он ничего не замышлял, то зачем же ему так приезжать? Он уже приготовился к бою.

Афрасиаб подозвал к себе Сиаваша и спросил:

— Что это за воины?

— Это мои воины,— ответил Сиаваш.— Я их не на бой привез, они приехали просто так со мной. Не верь словам Гарсивака, у меня и в мыслях нет воевать со своим тестем. Ты мне вместо отца, я на тебя не обанжу меча. Делай со мной что хочешь, воля твоя, мне себя не жалко. Мне жаль только тех, которые потом погибнут, сражаясь из-за меня. Ты можешь меня убить, но потом много людей будет убито из-за меня.

Афрасиаб не послушался его слов. Сиаваша связали по рукам и ногам, как барана, и отрезали ему голову. Там, где кровь его пролилась на землю, сразу выросли цветы. Воины его вернулись в Иран.

Потом Афрасиаб приказал, чтобы привели Фарангиз и побили ее, чтобы она выкинула ребенка. Она была беременна, и Афрасиаб думал, что ребенок будет ему врагом. Привезли Фарангиз, но тут вмешался Пирани-Гиса, которого не было во время убийства Сиаваша — он был в другом городе. Приехал, Пирани-Гиса очень расстроился и сказал:

— Зря вы так поступили, нажили себе врагов. Фарангиз отдайте мне, когда она родит, я возьму ребенка себе. В чем повинен ребенок? Никто никогда не узнает, кто был его отцом.

Пирани-Гиса увел Фарангиз. Когда минуло девять месяцев, девять дней и девять часов, бог дал ей сына. Его нарекли Кей-Хосровом. Афрасиабу донесли: мол, бог дал тебе внука, его назвали Хосровом.

— Что ты будешь с ним делать? — спросил Афрасиаб у Пирани-Гиса.

— Я пошлю его в горы к пастухам,— ответил Пирани-Гиса.— Пусть растет у пастухов, никто не поймет, чей это сын.

Так и рос мальчик в горах у пастухов. Когда ему исполнилось восемь лет, он сам сделал себе лук и стрелы, научился понемногу стрелять. То козу застрелит, то волка, то льва. Он сам научился владеть оружием.

Пусть он там себе растет, а вы послушайте о Рустаме. Когда Рустам узнал, что Афрасиаб-турк убил Сиаваша, он поехал и отрезал Судабе голову.

Сын же Сиаваша до десяти-двенадцати лет жил у пастухов. Потом Афрасиаб приказал Пирани-Гиса привести к нему мальчика, мол, хочу на него посмотреть. Пирани-Гиса предупредил Кей-Хосрова, чтобы разговаривал с дедом так, как будто бы он безумный, говорил бы ему всякие глупости. Мол, что бы он тебя ни спросил, ты отвечай невпопад, а не то он велит тебя убить.

Когда мальчика привели к Афрасиабу и он с ним заговорил, то увидел, что мальчик говорит, как сумасшедший. Афрасиаб сказал:

— Отпустите его, у него голова не на месте.

Кей-Хосрова отпустили обратно к пастухам в горы. Он продолжал там охотиться, убивал львов, волков — всех, кто попадался.

Тут до Ирана дошел слух, что у Сиаваша остался сын. Кей-Кавус созвал своих витязей и сказал Гиву:

— Ты должен поехать и разыскать сына Сиаваша.

После долгих скитаний Гив разыскал и Кей-Хосрова, и его мать, и коня Сиаваша. Когда Сиаваш умирал, он сказал на ухо своему копы, что у него будет сын: «Никому не давай стремени, кроме моего сына». Когда Кей-Хосров подошел к коню Сиаваша, тот сразу подставил ему стремя. Кей-Хосров, Фарангиз и Гив отправились обратно в Иран к Кей-Кавусу. Когда Афрасиаб об этом узнал, он послал в погоню за ними тысячу воинов.

Когда войско догнало Кей-Хосрова, он велел Фарангиз остаться на холме, а сам бросился на воинов Афрасиаба и так бился, что из убитых громоздил груды, груды складывал в ряды — никто не смог его победить. Он перебил всех и захватил в плен Пирани-Гиса. Пирани-Гиса он не стал убивать, приказал завязать ему руки на затылке, посадить на коня и отправить к Афрасиабу, мол, поезжай и расскажи о том, что произошло.

По дороге они подъехали к большой реке. Кей-Хосров сказал:

— Если будет на то божья воля, чтобы я был царем Ирана, то мы переправимся через реку и вода не причинит нам вреда.

Кей-Хосров поехал впереди, а за ним Гив и все остальные, они все благополучно переправились через реку. В целости и сохранности доехали они до иранской земли к царю Кей-Кавусу. Кей-Кавус, когда к нему привели Кей-Хосрова, сказал:

— Я уже стар, ты бери себе царский престол, он принадлежит тебе. Так Кей-Хосров воссел на царский престол.

Примечания

¹ Афаридун — в «Шах-наме» Фаридун, Афаридун — освободитель Ирана от тирании Зохака, владыка Ирана из рода Джемшида.

² Пирани-Гиса — в «Шах-наме» — Пиран из знаменитого рода Висе, родственник Афрасиаба, его военачальник, наделенный мудростью и особым благородством.

³ Гарсивак — в «Шах-наме» Герсивез — брат Афрасиаба, главный виновник гибели Сиавуша.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
СКАЗКИ	
1. Бурый кит	14
2. Ханджаршо	24
3. Отам и Тай	39
4. Ландаур	52
5. Девушка-игрок	64
6. Торговец халвой	76
7. Ширавия	81
8. Луна и две звезды	104
9. Лист сорокаустого дерева	118
10. Птица счастья	131
11. Братья-прорицатели	141
12. Гадальщик	149
13. Плешивый пастух	152
14. И это пройдет	155
ЛЕГЕНДЫ	
15. Варка и Гульшо	160
16. Наджма	174
17. Хайдарбек	203
Легенды о Рустаме	215
18. Рустам и Сухраб	215
19. Барзу	224
20. Теймур	235
21. Рустам и дивы	239
22. Азербарзу	249
23. Али и Рустам	254
Комментарии	256
Словарь имен, непереведенных слов и терминов	262
Приложение	265

Сказки и легенды Систана.

С42 Пер. с перс., сост. и коммент. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. Предисл. А. Н. Болдырева. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

271 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Первая публикация в русском переводе сказок и легенд, записанных в районе г. Серахса Туркменской ССР. Тексты сопровождаются предисловием и примечаниями.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

С $\frac{70700-079}{013(02)-81}$ 203-81. 4703000000

И(Перс.)

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ
СИСТАНА

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор *И. Л. Елевич*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14301

Слано в набор 05.08.80. Подписано к печати
26.03.81. Формат 80×84¹/₁₆. Бумага типограф-
ская № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Пе-
чать высокая. Усл. п. л. 15,81. Усл. кр. отг.
16,51. Уч.-изд. л. 16,58. Тираж 75 000 экз.
Изд. № 4825. Тип. зак. 215. Цена 1р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16,

1 р. 40 к.